

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Ю. И. Детинко

Л. В. Куликова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ:

ОПЫТ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО

И КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

Ю. И. Детинко
Л. В. Куликова

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ОПЫТ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО
И КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

Монография

Красноярск
СФУ
2017

УДК 81.271:32
ББК 81.411.2-5+66.0
Д382

Р е ц е н з е н т ы:

Н. Л. Шамне, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»;

С. Н. Плотникова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Детинко, Ю. И.

Д382 Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа : монография / Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 168 с.

ISBN 978-5-7638-3468-0

Рассмотрены вопросы, связанные с выявлением лингвосомиотических и лингвопрагматических средств дискурсивного конструирования чужеродности в современной британской политической коммуникации с учетом монокультурной и межкультурной перспектив взаимодействия с «чужим». Основное внимание уделено исследованию ключевых стратегий и реализующих их дискурсивно-семиотических техник, маркирующих политическую чужеродность разноуровневыми средствами языка и дискурса.

Адресована студентам лингвистических направлений (уровень магистратуры), аспирантам филологических и других гуманитарных специальностей, а также всем интересующимся проблемами политической коммуникации, теории дискурса в целом.

Электронный вариант издания см.:
<http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 81.271:32
ББК 81.411.2-5+66.0

ISBN 978-5-7638-3468-0

© Сибирский федеральный университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ПОНЯТИЕ ЧУЖЕРОДНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ НАУКАХ	8
1.1. Чужеродность в контексте гуманитарного знания	8
1.2. Политический дискурс как пространство экспликации чужеродности	17
1.2.1. Дискурс как основа современного лингвистического инструментария	17
1.2.2. Традиции и подходы в изучении политического дискурса	21
1.3. Монокультурная и межкультурная перспективы исследования чужеродности в политической коммуникации	25
1.4. Мультиmodalность как средство манифестации отношений чужеродности в политическом дискурсе	33
Глава 2. ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧУЖЕРОДНОСТИ В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	47
2.1. Полемичность и тематические предпочтения в конституировании чужеродности	47
2.2. Критический дискурс-анализ в исследовании взаимодействия «свой-чужой»	51
2.3. Лингвокоммуникативная модель описания чужеродности в политическом дискурсе	56
Глава 3. ДИСКУРСИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ В МОНОКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	63
3.1. Лингвокоммуникативная модель конструирования чужеродности в монокультурной перспективе	65
3.1.1. Стратегия идентификации чужеродности	66
3.1.2. Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»	72
3.1.3. Стратегия трансформации	84
3.1.4. Деструктивная стратегия	89

3.2. Лингвокоммуникативная модель конструирования чужеродности в межкультурной перспективе	99
3.2.1. Стратегия идентификации чужеродности	100
3.2.2. Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»	108
3.2.3. Стратегия трансформации	118
3.2.4. Деструктивная стратегия	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	134
ПРИЛОЖЕНИЯ	160

ВВЕДЕНИЕ

Исследование дискурсивно-семиотического пространства политической коммуникации России и Запада представляется в контексте современности одним из самых актуальных востребованных направлений как в рамках теории дискурса в целом, так и в аспектах прикладного назначения полученных результатов, поскольку для эффективного межкультурного взаимодействия между странами необходимо учитывать дискурсивные техники, вовлеченные в формирование стратегических государственных взглядов и отношений. Изучение соответствующей сферы Великобритании позволяет выстроить лингвокоммуникативную модель анализа западного общественно-политического взаимодействия, обеспечивая базу для сравнительного анализа разных политических систем. «Чужой» в дискурсе политиков является одним из основных концептов, поэтому конструированию образа «чужих» отводится особое место в политической и дискурсивной лингвистике. Интерес современного языкознания к выявлению особенностей дискурсивного отражения реальности и, в частности, описанию модели конструирования чужеродности в политическом общении очень высок, что и определяет актуальность монографии.

Работа выполнена в русле коммуникативно-прагматического подхода с привлечением методик мультимодального и критического дискурса-анализа. Исследование посвящено изучению лингвосемиотических и лингвопрагматических средств дискурсивного конструирования чужеродности в современной британской политической коммуникации с учетом двух перспектив взаимодействия с «чужим»: монокультурной («чужой» находится в той же лингвокультуре, что и отправитель дискурса) и межкультурной («чужой» является представителем иной лингвокультуры).

Материалом послужили речи британских политиков; статьи в ведущих политических и социально-экономических газетах Великобритании (*New Statesman*, *The Guardian*, *The Independent*), представленные в печатном виде, а также взятые с интернет-сайтов; телевизионные и радиовыступления политических деятелей, видеозаписи и стенограммы предвыборных теледебатов, интервью с политиками; стенограммы засе-

даний Парламента Великобритании и официальные отчеты о заседаниях (*Hansard*). Временные рамки собранного и проанализированного эмпирического корпуса ограничены 2007–2013 годами.

В качестве единицы исследования выступил дискурсивный/текстовый фрагмент (изображение) полемического характера, в котором эксплицитно или имплицитно актуализированы лингвистические, коммуникативно-прагматические или визуальные проявления чужеродности. Всего проанализировано более 2000 текстовых фрагментов и около 200 изображений, реализующих около 5000 случаев выражения чужеродности в политическом дискурсе британской лингвокультуры.

Общетеоретическую и методологическую базу работы составили труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики текста и теории дискурса (Т. Н. Астафурова, М. Б. Бергельсон, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, М. Л. Макаров, Г. Н. Манаенко, М. Ю. Олешков, А. В. Олянич, С. Н. Плотникова, Т. А. van Dijk, N. Fairclough, M. A. K. Halliday, G. Kress, T. van Leeuwen); политической коммуникации (Э. В. Будаев, Л. В. Куликова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Т. В. Юдина, P. Chilton, M. Reisigl, C. Schäffner, R. Wodak); работы по критическому дискурсу-анализу (В. И. Карасик, М. В. Йоргенсен, М. Л. Макаров, Г. Г. Почепцов, А. А. Филинский, Л. Дж. Филлипс, J. Blommaert, T. A. van Dijk, N. Fairclough, G. Weiss), мультимодальному анализу и исследованию визуальных образов (Е. Е. Анисимова, М. Б. Ворошилова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, R. Hodge, G. Kress, T. van Leeuwen, D. Machin, K. L. O'Halloran), междисциплинарному изучению чужеродности и оппозиции «свой-чужой» (А. К. Байбурин, Э. Бенвенист, Х. Вайнрих, Б. Вальденфельс, Л. И. Гришаева, П. Н. Донец, В. И. Жельвис, В. И. Карасик, В. В. Красных, Л. В. Куликова, О. А. Леонтович, Ю. М. Лотман, А. В. Олянич, Ю. С. Степанов, Н. В. Уфимцева, Е. И. Шейгал, А. В. Шипилов, А. Шюц, А. К. Якимович, T. A. van Dijk, W. V. Gudykunst, M. Krzyzanowski, S. H. Riggins, L. P. Sego, R. Wodak).

В исследовании впервые на материале английского языка осуществлен комплексный лингвосемиотический и лингвопрагматический анализ средств, манифестирующих отношения чужеродности в дискурсивном взаимодействии политиков Великобритании.

Работа в целом дополняет положения общей теории языка, лингвистики дискурса описанием вербальных и невербальных средств дис-

курсивного конструирования чужеродности и его механизма; демонстрирует применение методов критического дискурс-анализа и мультимодального анализа к изучению феномена чужеродности в британской политической коммуникации; предлагает лингвокоммуникативную модель репрезентации чужеродности в современном политическом пространстве Великобритании.

Структурно монография состоит из трех глав, в первой из которых рассматривается проблема чужеродности как объекта лингвистического знания, систематизируются современные подходы к анализу политического дискурса с проекцией на экспликацию в нем чужеродности, обосновывается исследование монокультурной и межкультурной перспектив отношения к «чужим» и предлагается способ изучения репрезентации чужеродности через мультимодальные средства.

Вторая глава посвящена обоснованию процесса дискурсивного конструирования, целесообразности и продуктивности применения метода критического дискурс-анализа в интересах исследования, представлена лингвокоммуникативная модель дискурсивного конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации.

В третьей главе описывается лингвокоммуникативная модель репрезентации чужеродности в двух перспективах политической коммуникации английской лингвокультуры; выделяются и анализируются языковые, дискурсивные и визуальные средства конструирования чужеродности.

Глава 1

ПОНЯТИЕ ЧУЖЕРОДНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ НАУКАХ

1.1. ЧУЖЕРОДНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Чужеродность представляет собой, прежде всего, социокультурный феномен, который является неотъемлемой частью дискурсивной идентичности личности. Идентичность формируется на когнитивном уровне на основе контраста с другими, так как «идентичность – процесс выделения себя из среды других, чуждых, многих, отчетливое разделение “своего” и “чужого”» [«Свое» и «чужое», 2003: 7]. Для идентификации себя в обществе человек генерирует два вида практик – дискурс различности и дискурс схожести, отвергая или принимая соответствующие характеристики [Уфимцева, 2011; Riggins, 1997]. В этом смысле чужеродным может восприниматься любая социальная, статусная или даже половозрастная группа: мужчины для женщин, богатые для бедных, молодые для стариков, работодатели для наемных рабочих и т. д. Чаще всего границы группы, с которой человек себя идентифицирует, четко очерчены. При этом различиям внутри группы придается минимальное значение, в то время как различия между отдельными группами всегда четко осознаются, преувеличиваются и выполняют непосредственно идентификационную функцию, являясь своего рода паролем для «своих» [Колосов, 2004].

С точки зрения психологии для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя [Шипилов, 2008: 40], при этом осознание различия возможно уже на чувственном уровне, в то время как осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации [Выготский, 1982], цит. по: [Уфимцева, 2011: 234].

Согласно теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [Йоргенсен, Филлипс, 2008], идентичности принимаются, отвергаются и обсуждаются в дискурсивных процессах, поскольку понятие «идентичность» представляет собой социальную категорию и может относиться к дискурсивной, а следовательно, и к политической практике. Ф. П. Казула отмечает, что в рамках дискурса производится не только мировоззрение, но и в некотором смысле сами акторы – поскольку их идентичности не являются изначально заданными и формируются политически, то есть через дискурсивную борьбу за означивание [Казула, 2009: 60]. При этом идентичность понимается как результат процесса называния, приписывания кому-либо или чему-либо некой сущности в рамках дискурсивной формации [Там же: 60]. Некоторые положения при понимании идентичности у Э. Лакло и Ш. Муфф, изложенные в работах М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс, Ф. П. Казулы, коррелируют с особенностями категории «чужеродность», что позволяет нам рассматривать отношения чужеродности через способ конструирования дискурсивной идентичности:

- [субъект] приобретает свою идентичность посредством репрезентации в дискурсе;
- идентичность – это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса;
- идентичность конституируется дискурсивно посредством цепочек эквивалентности, в которых знаки отсортированы и связаны в цепочки, противопоставленные другим цепочкам. Эти цепочки определяют то, чем субъект является и чем не является;
- идентичность всегда относительна: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 84].

Проанализировав данные положения с точки зрения конструирования чужеродности, мы вывели важные для нашего исследования принципы, а именно:

- один субъект идентифицирует другого как «чужого» одновременно с самоидентификацией;
- один субъект определяет другого как «чужого» посредством репрезентации в дискурсе;
- образ «чужого» конструируется дискурсивно через сравнение себя с другими и всегда зависит от позиции говорящего/пишущего.

В связи с этим возникает необходимость в дискурсивном маркировании принадлежности к «чужому». Поскольку осмысление «чужого» обусловлено самоидентификацией человека, В. И. Карасик обращает внимание на возможность выделения разновидностей чужих (врагов) применительно к тем типовым субъектам, которые ощущают для себя угрозу со стороны определенных социальных групп [Карасик, 2011: 240]. Анализируя сферу политического общения, А. В. Олянич делает акцент на то, что всякое объединение политиков, любая группа или партия, военная группировка или противоборствующий милитаристский клан ставят перед собой задачу выработать свою систему идентифицирующих признаков, которые бы позволяли отличать «своих» от «чужих» [Олянич, 2007: 288]. В контексте репрезентации чужеродности «дихотомия “свои и чужие” логически предполагает уточнение чужих как представляющих опасность либо не вызывающих опасения» [Карасик, 2011: 239].

Так, противопоставление «свой-чужой» концептуализируется в дискурсе при помощи четырех логико-когнитивных способов:

- идентификации как разграничения Добра и Зла в соответствии с представлениями идентифицирующего («Ты был мне другом, но теперь ты мой враг»);
- атрибуции или сближения по свойствам («враг, который имеет ряд отрицательных характеристик» – «друг, который имеет ряд положительных характеристик»);
- стереотипизации («враг, потому что дружит с моим врагом», «враг, потому что так выглядят все враги»);
- установления ассоциативных связей («враг, потому что с Запада, а все на Западе – враги») [Баженова, Лапчева, 2003: 16–18].

В целом оппозиция «свой-чужой» и категория «чужеродность» представлены довольно ярко как в отечественной научной мысли, так и в зарубежных исследованиях. Необходимо отметить работы в области межкультурной коммуникации и этнолингвистики: [Гришаева, 2003а, 2003б; Донец, 2002; Кашкин, 2004; Куликова, 2004а, 2004б, 2009; Леонтович, 2005; Олянич, 2003, 2007; Пивоев, 1998; Тер-Минасова, 2007; Цивьян, 2002, 2009; Maletzke, 1996; Roth, 2003]; когнитивистики, психоллингвистики, лингвокультурологии, социоллингвистики и теории коммуникации: [Балясникова, 2003; Вайнрих, 1987;

Вальденфельс, 1995, 1999; Выходцева, 2006; Григорьева, 2010; Захарова, 1998; Красных, 2003; Лотман, Успенский, 1982; Санцевич, 2002; Сахно, 1991; Сорокин, Марковина, 1988; Степанов, 2004; Якимович, 2003; Gudykunst, 1998; Sego, 2001]; прагмалингвистики: [Андрющенко, 2013; Иссерс, 1997, 2006; Иссерс, Рахимбергенова, 2007; Самарина, 2007; Паршина, 2007; Шейгал, 1998, 1999, 2000, 2003; Dijk, 1997a; Wodak, 1997, 2011; The discursive construction..., 2009]; лингвистики: [Михалева, 2009; Пеньковский, 1989]; критического дискурс-анализа: [Hall, 2006; Krzyzanowski, Wodak, 2009; Riggins, 1997] и других исследователей.

Помимо термина «чужеродность» в литературе встречаются также понятия «отчуждение» (Ю. М. Лотман, О. А. Косова, А. Б. Пеньковский, М. Н. Петрович, В. М. Пивоев, Б. А. Успенский), «алиенация» (Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич, А. Б. Пеньковский), «чуждость» (Б. Вальденфельс, Е. П. Захарова, О. Н. Паршина), «другость» (Е. Н. Шапинская), в иностранных источниках наиболее часто можно увидеть термин *otherness* (P. Chilton, T. A. van Dijk, C. Schäffner, L. P. Sego), реже употребляется термин *foreignness* (R. Wodak), *otherization* (A. Holliday, M. Hyde, J. Kullman).

Функционально-семантически данные термины можно разделить на две группы – понятия, реализующие действие («чужеродность», «отчуждение», «алиенация», *otherization*), и понятия, актуализирующие признак («чужеродность», «чуждость», *otherness*, *foreignness*). В нашем исследовании в качестве рабочего мы принимаем термин «чужеродность», основываясь на том, что чужеродность предполагает не только выявление, но и интерпретацию маркеров «чужого». Термин «чужеродность» охватывает и статическую, и динамическую составляющие отношения к «чужим», что значительно расширяет функциональный потенциал данного термина.

В основе политического дискурса лежит оппозиция «свой-чужой», поэтому «содержание политической коммуникации на функциональном уровне можно свести к трем составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность) <...>. Эта функциональная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса “свои-чужие”: идентификация есть не что иное,

как идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и где чужие?), интеграция – сплочение “своих”, агональность – борьба против “чужих” и за “своих”» [Шейгал, 2000: 112].

Являясь предметом изучения социологии, проблема «своего» и «чужого» довольно широко дискутировалась в работах З. Баумана, Ч. Кули, К. Маркса, Дж. Мида, А. Шюца и др. [см. Диспозиция..., 2007]. Термин «чужой» представляет собой одно из основных понятий в области социологии и является продуктом междисциплинарного подхода постмодернистов и культурологов [Riggins, 1997: 3. – *Здесь и далее перевод наш – Ю. Д.*]. «Чужие» – это концепт, реализующийся на разных уровнях существования общества, включенный в разнообразные бытовые, культовые, государственные и прочие ситуации и представляющий особую социальную позицию, необходимость которой оказывается предусмотренной в обществе» [Лотман, Успенский, 1982: 114].

Закономерным является ряд когнитивных последствий разделения людей на «своих» и «чужих»:

1) у нас есть тенденция ожидать от членов «своих» групп поведения и образа мысли, схожего с нашими;

2) у нас есть тенденция представлять «своих» в выгодном свете, когда мы сравниваем их с «чужими»;

3) у нас меньше беспокойства при общении с членами «своих» групп, чем при общении с членами «чужих» групп;

4) мы можем быть более точны в предсказывании поведения членов «своих» групп, чем в предсказывании поведения членов «чужих» групп [Gudykunst, 1998: 71];

5) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»;

6) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»;

7) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [Psychology..., 1991], цит. по: [Леонтович, 2005: 236].

То есть человек, как правило, убежден в «себеподобности» тех, кого он объединяет понятием «мы» и чаще всего не испытывает затруднения в определении «чужого». Содержание феномена чужерод-

ности, представленное оппозицией «свой-чужой», может быть определено как «принадлежащее (или не принадлежащее) лицу говорящему; относящееся (или не относящееся) к личности говорящего, к группе, к кругу, сообществу, в которые входит говорящий» [Захарова, 1998: 88–89].

Действуя в пределах сферы «свое-чужое», категория чужеродности обладает рядом семантических характеристик:

- «чужое» сопрягается с отрицательной оценкой («чужое – плохое»);
- «чужой» мир – это мир этнически и/или хтонически (субстанционально), социально или культурно (и прежде всего – религиозно и идеологически) чуждый и враждебный;
- «чужой» мир воспринимается нерасчленимо, как речь на чужом языке;
- это мир форм множественного числа со значением однородного множества и мир нарицательных имен, в котором и собственные имена функционируют как нарицательные;
- «чужой» мир – это мир неведомый и незнаемый (земля незнакомая) – и более того: это мир, который и не следует знать;
- в отношении к «чужому» действует принцип воинствующего невежества – «не знаю и знать не хочу», с принятой наперед установкой на отказ от выделения отличительных признаков;
- понятие о «чужом» не всегда поддается объяснению с точки зрения логики, поэтому отрицательно оцениваемым и отвергаемым оказывается во многих случаях не сам «чужой» мир, а его противоречащее стандартному о нем представление [Пеньковский, 1989: 57–63].

Отрицательная оценка «чужого» обусловлена серьезными культурно-историческими, этническими и социальными факторами. Прежде всего, категория «чужой», являясь частью бинарной оппозиции «свой-чужой», традиционно противопоставлена всему положительному, что несет в себе понятие «свой». Чужое/чуждое – это прежде всего незнакомое, лежащее за пределами привычного образа жизни, то есть то, на что не может сослаться собственный жизненный опыт [Bollnow, 1982], цит. по: [Куликова, 2004б: 48]. Мифологизированный характер восприятия мира способствовал распространению представления о «чужих» как существах нечеловеческой природы, демонах, богах [Виноградова, 1995; Байбурин, 1990]. Невозможность контролировать внешние процессы

вселяла в людей страх, чувство бессилия перед неизвестностью, боязнь неопределенности. Таким образом, находящиеся за пределами «своего» общества считались «чужими», что, однако, предполагало возможность вхождения «чужого» на «свою» территорию и, соответственно, формировало определенное отношение к этому «чужому», закрепленное в сознании и языке группы.

В политической коммуникации ярким примером актуализации негативного отношения к «чужому» является предвыборная борьба. Г. Г. Почепцов отмечает, что основным инструментарием выборов сегодня становится «тиражирование негатива об оппоненте» [Почепцов, 2008: 20]. Возможную причину такого упора на негатив автор видит в том, что негативная информация лучше распространяется в устном общении, следовательно, она всегда выйдет за пределы официальных публичных каналов, чтобы продолжиться в неофициальных. Все это исторически связано с более важным значением для человека именно негативной информации, поскольку на нее требуется немедленное реагирование [Там же: 20–21].

В этом смысле «чужой» близок образу врага. По определению В. И. Жельвиса, «враг – это чужой, отношения с которым выясняются на поле брани в прямом и фигуральном смыслах» [Жельвис, 2001], цит. по: [Карасик, 2011: 239]. В. И. Карасик отмечает, что системообразующим признаком врага является наличие угрозы с его стороны группе людей, с которыми себя идентифицирует индивид [Карасик, 2011: 239], при этом враги различаются по характеру угрозы (уничтожение индивида либо народа, гибель души, угроза священной идее, опасность для среды обитания и т. д.), по масштабу, или степени угрозы (глобальные и локальные), по уровню (конкретные и символические), по проявлению (явные, или внешние, и скрытые, или внутренние) [Там же: 239–240]. Чужой становится врагом, если чужой проявляет любую форму агрессии по отношению к группе субъекта [Там же: 239].

Однако, даже осознавая, что «чужое» несет в себе явную негативную информацию, к нему можно относиться по-разному. Т. В. Цивьян отмечает, что «иной может принимать разные значения в поле оценочного противопоставления “хороший/плохой”, и это дает дополнительные возможности для вариативного членения мира» [Цивьян, 2009: 9]. Прежде всего это выражается в смене сугубо негативного отношения

к «чужим» на терпимое отношение, которое при определенных обстоятельствах может перейти в положительное. Концепт «чужой» трансформируется в толерирующий концепт «другой».

Вопрос о разграничении понятий «чужой» и «другой» поднимается в психологии и философии [Вальденфельс, 1995; Корчак, 2006], этнокультурологии и межкультурной коммуникации [Визгин, 2001; Гришаева, 2003а; Иссерс, Рахимбергенова, 2007 и др.]. В широком смысле оппозиция «свой-другой» характеризуется как когнитивная основа для формирования толерантной личности [Гришаева, 2003б]. С точки зрения межкультурной коммуникации одной из причин восприятия «чужого» как «другого» является стремление эмпатически войти в другую культуру, идентифицироваться с нею, освоить ее изнутри, не теряя «своего» в процессе взаимодействия культур [Пивоев, 1998: 12].

В исследованиях европейских лингвистов нет четкого терминологического разграничения «чужого» и «другого», однако делается акцент на функциональной двойственности понятия *others*, особенно характерной для политического дискурса. Так, по утверждению Л. П. Сего, «политическая чужеродность, в противовес распространенному мнению, не является абсолютно негативной. Политика, сама по себе, за исключением очевидных оскорблений, не так агрессивна» [Sego, 2001: 110].

Идея двойственного отношения к «чужим» или «приходящим извне» закреплена в языке и имеет очень глубокие корни, проявляясь в специальных значениях понятия «чужой». Анализ древних языков позволил выделить следующие значения: 1) чужестранец; 2) чужестранец, пользующийся правами гостеприимства; 3) тот, кто приходит извне; 4) тот, кто находится вне пределов общины [Бенвенист, 2010: 368]; 1) гость; 2) купец; 3) враг [Черных, 1999]; 1) чужой как друг и чужой как гость, пользующийся покровительством; 2) чужой как враг, угрожающий, как соперник, или враг в собственном смысле слова [Сараджева, 2005: 31].

Дихотомия «свой-чужой», являясь базовой для политической сферы, наиболее удачно подходит для осуществления политических манипуляций, «ибо априори заключает негативные/положительные смыслы и способна быть наполненной любым содержанием, отражающим интересы различных социальных групп» [Григорьева, 2010: 328]. Дискурс о других (чужих) может принимать форму либо прямой дискриминации

при общении с «другими», либо непрямого письма или речи в негативной форме о «других» [Wodak, 2008: 295].

В политическом дискурсе концепт «чужеродность» может использоваться для выделения особенностей так называемой «воображаемой оппозиции», «воображаемого противника», взгляды которых расходятся с позицией данной политической группы. Чужеродность в политической коммуникации не несет в себе открытой вражды, а лишь является вероятной, но не реальной возможностью появления борющейся совокупности людей, противостоящей другой, точно такой же совокупности. Враг есть только публичный враг, поэтому все соотнесенное с такой совокупностью людей, в особенности с целым народом, становится в силу этого публичным. Осознание существования «врага» вовсе не предполагает его немедленного уничтожения. Напротив, «враг» заслуживает обходительного обращения, поскольку представляет потенциальную угрозу [Диспозиция..., 2007: 124].

Итак, при интерпретации отношений чужеродности в русле гуманитарных наук необходимо учитывать семантическую неоднозначность понятия «чужой» и определять его не только как неизвестное, непонятное, враждебное, таящее в себе угрозу, но и как потенциально нужное, привлекательное, требующее толерантного отношения. В связи с этим отношение к «чужим» в политическом дискурсе может варьироваться от негативного до нейтрального или положительного. Понятие «чужой» всегда опосредовано понятием «свой», поэтому не является объективной категорией и зависит от интерпретации и установки адресанта: с изменением перспективы исследования меняется установка на то, кто является «чужим» в данных конкретных условиях (народ – власть, правящая партия – оппозиция, Восток – Запад, Россия – Великобритания, *Conservatives – Labourists, Cameron – Brown* и др.). Социальный и культурно-исторический контексты являются определяющими при интерпретации отношения к «чужим» в политическом дискурсе. Конструирование чужеродности обладает рядом характеристик, свойственных процессу идентификации групп. Поскольку идентификация групп осуществляется через репрезентацию в дискурсе, можно заключить, что отношения чужеродности также конституируются в дискурсе как форме социолингвистической реальности.

1.2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ЧУЖЕРОДНОСТИ

1.2.1. Дискурс как основа современного лингвистического инструментария

В настоящее время в академической среде сложились научные школы и направления, предлагающие разные подходы к определению дискурса: [Алефиренко, 2005а, 2005б; Арутюнова, 2009; Бергельсон, 2005; Дейк, 1989; Карасик, 2002, 2009, 2010; Кашкин, 2010; Макаров, 2003; Манаенко, 2009; Олешков, 2010; Почепцов, 2000, 2001, 2008; П. Серио, 1993, 2008; Методы анализа..., 2009; Шейгал, 2003; Blommaert, 2000; Dijk, 1989, 1997б, 2011; Fairclough, 1992а, 1993, 1995, 2001, 2003; Fairclough, Wodak, 2004; Lemke, 1995 и др.]. Несмотря на такое активное изучение данной области научного знания, единого понимания термина «дискурс» нет.

Под дискурсом в широком смысле понимается систематизированный, внутренне согласованный корпус моделей; язык, используемый в данной социальной практике, рассматриваемой с определенной точки зрения [Riggins, 1997: 2]. Социальная практика представляет собой способ контролирования выбора одних структур и исключения других, а также удержания этих предпочтений в течение времени в определенных сферах общественной жизни [Fairclough, 2003: 23–24]. Т. А. ван Дейк отмечает, что дискурс включает три измерения: использование языка, когницию и взаимодействие, взятые в их социокультурных контекстах [Dijk, 1997б: 32]. При трактовке дискурса с позиции семиотики к данному понятию могут относиться такие семиотические модальности, как рисунки, фотографии, картины и т. п., а также невербальная коммуникация (жесты, мимика и т. д.) [Дейк, 2013: 130; Fairclough, 1993: 134; Lemke, 1995: 8]. Такое понимание дискурса восходит к идеям М. Фуко, согласно которым дискурс выступает как часть «дискурсивной практики» – совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. Это совокупность анонимных, исторических, детерминиро-

ванных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания. Настаивая на исторической обусловленности дискурса, Фуко хочет подчеркнуть, что дискурс – не только совокупность знаков, используемых для обозначения предметов, явлений. Это нечто большее, что подлежит собственно дискурсивному анализу, социально-историческая информация, фон, соотносящий события с дискурсом [Foucault, 1969], цит. по: [Чернявская, 2006: 70].

Отнесенность дискурса к форме социальной практики [Fairclough, Wodak, 2004] предполагает диалектические отношения между определенными дискурсивными событиями и ситуативными, институциональными и социальными условиями, в которых эти события происходят: с одной стороны, ситуативные, институциональные и социальные контексты формируют дискурс и оказывают на него воздействие; с другой стороны, дискурсы сами влияют на социальную и политическую реальность. Иными словами, дискурс конституирует социальную практику и в то же время конституируется ею [Fairclough, Wodak, 2004: 258; *The discursive construction...*, 1999: 157]. То есть социальное взаимодействие отражается и конструируется в дискурсе, а поэтому дискурс может использоваться для утверждения власти, для защиты, критики. Говорящий или пишущий выражает свои идеологические установки в текстах посредством определенных лингвистических форм. С точки зрения реализации чужеродности дискурс может выполнять ряд функций. Так, через дискурс происходит конструирование определенных социальных условий, например идентификация «чужих» в политической коммуникации. Также посредством дискурса можно утвердить и обосновать уже сложившееся положение вещей, в частности объяснить или доказать, что субъект – «чужой». Кроме того, дискурс может служить средством изменения имеющегося положения дел, то есть показать, что было бы, если бы «они» вели себя так или иначе. И наконец, с помощью дискурса можно разрушить образ оппонента, делегитимировав его.

В отечественной лингвистике разрабатывается несколько подходов к исследованию дискурса.

1. Интерпретативный подход, получивший развитие в работах В. З. Демьянкова. При таком подходе дискурс понимается как смысло-

вое развертывание некоторого опорного концепта, в результате чего создается общий контекст.

2. Идеологический подход, обоснованный Ю. С. Степановым. Дискурс при этом определяется как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Иными словами, акцентируется специфическое использование языка в рамках определенной идеологии.

3. Генеративно-тематический подход, предложенный В. Е. Чернявской, рассматривает дискурс как конкретное коммуникативное событие, привязанное к определенным прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определенным моделям текстопорождения – типам текста, и как совокупность тематически соотнесенных текстов.

4. Интерпретативно-идеологический подход Г. Н. Манаенко, при котором дискурс является общепринятым типом речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов.

5. Драматургический подход, обоснованный И. Гофманом, в основе которого лежит идея сходства повседневного поведения с театральным представлением. Данный подход позволяет акцентировать в дискурсе меняющееся позиционирование ситуантов [Карасик, 2009: 270–273].

Н. Ф. Алефиренко рассматривает дискурс в рамках ситуативной и событийной обусловленности как элементарную невербализованную единицу текста, представляющую собой сложное целое, и выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями [Алефиренко, 2005б: 298].

В работах В. И. Карасика дискурс рассматривается как текст, погруженный в ситуацию общения, или наоборот – как общение посредством текста [Карасик, 2009: 278]. При этом автор отмечает, что ситуативно-ориентированная модель дискурса допускает различные измерения, в частности социолингвистическое и прагмалингвистическое. В первом случае нас интересуют характеристики участников дискурса, во втором – характеристики его тональности [Там же: 278].

Для отечественных и зарубежных исследований характерно особое внимание к соотнесенности друг с другом понятий текста и дискурса,

что отражено непосредственно в определениях: «дискурс представляет собой уровень между текстом как таковым и социальным контекстом, осуществляющим связь между внутренними отношениями в тексте и его внешними отношениями» [Fairclough, 2003: 37]; «дискурс относится к социальному процессу, в который включены тексты, в то время как текст представляет собой конкретный материальный объект, созданный в дискурсе» [Hodge and Kress, 1995: 6]; «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова, 2009: 1243]; «дискурс как процесс интенционально обусловленной реализации устного текста является способом передачи смысла, соответствующего макроинтенции говорящего. При этом нарративная основа итогового (“зафиксированного” наблюдателем) текста имеет интегративную природу и представляет собой своеобразный “макросмысл”, коррелирующий с макроинтенцией продуцента речи» [Олешков, 2010: 50]. Таким образом, дискурс выступает понятием более широким, чем текст и если текст – это результат языковой деятельности, то дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат [Кибрик, Плунгян, 2010: 307]. Анализируя текст как продукт, созданный при определенных обстоятельствах для конкретной ситуации и представляющий собой вербальную часть дискурса, необходимо учитывать такие экстралингвистические факторы, как участники общения с их ментальными установками и идеологическими взглядами, социальный контекст ситуации, в которой осуществляется коммуникация, и, наконец, присутствие невербальных символических систем, например визуальных образов. Подобный подход к пониманию текста и дискурса способствует более полной интерпретации смыслов, заложенных участниками коммуникации и опосредованных условиями общения.

Принимая во внимание вышесказанное, мы придерживаемся в наших размышлениях позиции, что дискурс – это упорядоченное и систематизированное использование языка (и других семиотических систем), ориентированное на определенную общественную практику и обусловленное социальными, идеологическими и когнитивными факторами. При таком понимании, на наш взгляд, дискурс может использоваться для конструирования групп и социальных идентичностей, в том числе дискурсивного конструирования чужеродности.

1.2.2. Традиции и подходы в изучении политического дискурса

Специфика репрезентации категории чужеродности в политической коммуникации предопределяется особенностями политического дискурса как такового. Политический дискурс является сложным социальным явлением, доказательством чему служат разнообразные методики его интерпретации и различные методологические подходы к его анализу [Филинский, 2002: 15].

Политический дискурс является результатом политики, которая, с одной стороны, представляется как борьба за власть между теми, кто стремится заявить о своей силе, и теми, кто старается противостоять ей; с другой стороны, политика представляется как взаимодействие, как практики и институты, которые существуют в обществе для регулирования столкновения интересов по поводу денег, влияния, свободы и т. п. [Chilton, 2004: 3; Chilton, Schäffner, 2002: 4–5]. Специфика политической деятельности заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями [Шейгал, 2000: 17]. По утверждению Р. Водак, политические группы нуждаются в их собственном языке и представляют себя через язык; они определяют свою территорию посредством языка, передают свою идеологию через слоганы и стереотипы; их идеологическая структура, так же как и их аргументация, сформированы определенным образом [Wodak, 1989: 137].

Являясь одним из инструментов социальной власти [Блакар, 1987], язык представляет собой одну из самых сильных форм воздействия. По мнению американского исследователя Д. А. Грэйбер, факты, а особенно идеи, не могут обрести власть, пока они не станут известными. В большинстве случаев требуется язык, сформулированный должным образом, чтобы передать эти факты и идеи так, что они окажутся важными для реципиентов в данных конкретных условиях [Graber, 1982: 197].

В языкознании разрабатываются разные термины, определяющие взаимосвязь языка и политики: язык политики [Okulska, Cap, 2010; политический язык [Баранов, Казакевич, 1991; Graber, 1982]; политический дискурс [Базылев, 1998, Базылев, 2005; Бакумова, 2002; Демьян-

ков, 2002; Куликова, 2009; Михалева, 2009; Паршина, 2007; Филинский, 2002; Шейгал, 2000; Chilton, Schäffner, 2004; Dijk, 2003б, Fairclough, 2001; J. Wilson, 2003]; политическая коммуникация [Будаев, Чудинов, 2008; Шейгал, 2000; Jarren, Sarcinelli, 2002]; политическая риторика [Bitzer, 1982]. Особое внимание разграничению этих понятий уделяет в своей монографии Е. И. Шейгал [Шейгал, 2000]. В нашей работе мы придерживаемся понятий «политический дискурс» и «политическая коммуникация», рассматривая их, вслед за Е. И. Шейгал, как равнозначные.

Политический дискурс как объект лингвистического анализа привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей ([Базылев, 1998, 2005; Баранов, Казакевич, 1991; Политический дискурс..., 2004; Водак, 1997; Зайцева, 2006; Зигманн, 2003; Канчани, 2007; Карасик, 2002; Кишина, 2006; Кочкин, 2003; Куликова, 2009; Купина, 2009; Лиллекер, 2010; Михалева, 2009; Михальская, 1996; Невинская, 2006; Нестерова, 2006; Новикова-Грунд, 2000; Олянич, 2003, 2007; Паршина, 2007; Плотникова, 2008; Рожкова, 2003; Имя собственное..., 2000; Руженцева, 2004; Самарина, 2007; Чудинов, 2001; Шейгал, 1998, 1999, 2000, 2003; Юдина, 2001, 2010; Bergsdorf, 2002; Chilton, 2004; Chilton, Schäffner, 2002, 2004; Dijk, 2002, 2003б, 2006; Edelman, 1971; Graber, 1982; Hart, 2005; Jäger, 2002; Reisigl, 2008; Schäffner, 1996; Wilson, 2003; Wodak, 2001, 2011] и др.). Авторы определяют политический дискурс в зависимости от подхода и задач исследования.

Обзор современных источников позволил нам выделить три основных подхода к определению политического дискурса: первый подход основан на том, что политический дискурс реализуется посредством особой знаковой системы; сторонники второй точки зрения утверждают, что языку политики свойственно специфическое содержание, а не форма; и, наконец, представители третьего направления считают, что понимание политического дискурса невозможно без изучения контекста. На наш взгляд, данные подходы позволяют представить политический дискурс в разных аспектах и, взятые вместе, способствуют более полному пониманию специфики понятия. Рассмотрим их более подробно и соотнесем с задачами нашего исследования.

В русле первого подхода А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич определяют политический дискурс как «совокупность всех речевых актов,

используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991: 6], при этом политический язык представляет собой особую знаковую систему, предназначенную именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений [Там же: 6]. Такая трактовка подразумевает сугубо институциональное общение и, с одной стороны, является формой осуществления профессиональной и общественной деятельности политических лидеров и активистов; с другой стороны, представляет собой политическую речевую деятельность «рядовых» граждан – не профессионалов в области политической коммуникации, которые участвуют в митингах, собраниях, демонстрациях [Чудинов, 2007: 37]. Е. И. Шейгал предлагает исходить из широкого понимания политической коммуникации, определяя ее как своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [Шейгал, 2000: 3]. Тогда в понятие политической коммуникации включаются любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики: «Разговоры о политике (в самых разных ракурсах – бытовом, художественном, публицистическом и пр.) подобны своеобразным ручейкам, питающим реку политической борьбы, так как они, будучи многократно умноженными, вносят вклад в формирование политического сознания, в создание общественного мнения, что в итоге может повлиять на ход политического процесса» [Там же: 23]. В своей работе мы исследуем политический дискурс в институциональном ключе. Под институциональной коммуникацией понимается специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [Карасик, 2002: 234]. Участники политической коммуникации – представители различных рангов государственной власти, общественные деятели, политические аналитики и журналисты, которые описывают политическую ситуацию, прогнозируют ее дальнейшее развитие, дают оценку анализируемым событиям и фактам. Следует отметить, что, функционируя в семиотическом поле, пространство политического дискурса формируется знаками разной природы, как вербальными,

так и невербальными. В своем исследовании мы анализируем изображения в качестве одного из способов реализации чужеродности в политической коммуникации.

Согласно второй точке зрения, под термином «политический дискурс» подразумевается не какая-то особая форма, а специфическое содержание. В таком случае главным в определении политического дискурса считается тематический критерий, то есть его смысловая соотнесенность со сферой политики [Зайцева, 2006: 8]. Исследователь К. Шэффнер объясняет, что политический дискурс является тематическим, потому что его темы (topics), прежде всего, относятся к сфере политики, а именно: к политическим видам деятельности, политическим идеям и политическим отношениям [Schäffner, 1996: 202]. Основной целью политического дискурса является борьба за власть, поэтому мы отмечаем, что при исследовании отношений чужеродности содержание политической коммуникации носит преимущественно полемический характер.

Если следовать третьей точке зрения, то политический дискурс определяется не только политическими дискурсивными структурами, такими как язык и содержание, но и политическими контекстами: «Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху» [Демьянков, 2002: 43]. По словам Д. А. Грэйбер, «что делает вербальный и невербальный язык политическим – это не наличие какого-то специфического вокабуляра или специфических грамматических форм. Скорее это содержание передаваемой информации, обстоятельства, в которых происходит распространение информации (социальный контекст), и выполняемые функции» [Graber, 1982: 196]. Известный французский лингвист П. Серио, занимающийся исследованием советского политического дискурса, считает целесообразным изучение функционирования дискурса в данном обществе, основывающееся на признании идеологически детерминированного характера установления референции слов [Серио, 1993: 100]. По утверждению Дж. Уилсона, в большинстве случаев именно контекст, а не только отдельные слова или предложения содержит политическую идею [Wilson, 2003: 409].

Учитывая многоаспектность политического общения и принимая во внимание специфику данного исследования, на наш взгляд, целесообразно

объединить представленные подходы и рассматривать политический дискурс как структурированную совокупность вербальных и невербальных знаков, актуализирующихся в институциональной сфере, ориентированных на полемический характер общения и реализующихся в тесной взаимосвязи с национально-культурным и социально-политическим контекстом.

Важной при исследовании политической коммуникации является ее идеологическая составляющая. Под идеологией понимается система принципов, лежащая в основе групповых знаний и мнений, основанная на групповых ценностях. Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов политического общения определяют их вербальное поведение, в частности стратегии и риторические приемы, импликации и пресуппозиции, речевые ходы и тематическую структуру дискурса [Шейгал, 2000: 8]. Иными словами, идеология представляет собой комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения [Дейк, 2013: 54]. Политические ситуации не просто вынуждают людей говорить или писать определенным образом, – наоборот, существует необходимость в установлении связи между непосредственно наблюдаемыми вербальными и невербальными единицами и ненаблюдаемыми структурами сознания, которые опосредованы культурно-историческим, социальным, общественно-политическим контекстами. Изучение взаимосвязи лингвистических явлений с общественно-политической ситуацией, идеологическими установками, культурно-историческими условиями и т. п. имеет важное значение при конструировании отношений чужеродности в национально опосредованной политической коммуникации.

1.3. МОНОКУЛЬТУРНАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Выбор дискурсивных средств маркирования «чужих» в политической коммуникации обусловлен различными факторами, например культурно-историческими условиями (формирование политических ин-

ституты в разных культурах происходило по-разному, это отразилось на политической коммуникации), национально-когнитивной базой (влияние менталитета народа на специфику восприятия «чужих»), стремлением поддерживать толерантные отношения с «чужими» и, наконец, перспективой актуализации чужеродности, а именно монокультурной и межкультурной перспективами.

Термины «монокультурный» и «межкультурный» заимствованы нами из этнолингвистических учений, исследований по межкультурной коммуникации и работ по национальному коммуникативному поведению (М. Б. Бергельсон [2004]; В. В. Красных [2003]; Л. В. Куликова [2004а], [2004б]; Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин [2007]; И. А. Стернин [2000]; И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина [Очерк..., 2003]; Т. Г. Стефаненко [1999]; W. Sumner [2008] и др.). Данные термины часто соотносятся с понятиями «свой» – «чужой» (или in-group – out-group) с присущими им атрибутами для обозначения участников особого отношения «мы» в отличие от его аутсайдеров: отношения в «мы-группе» характеризуются сплоченностью, тогда как отношения с «они-группами» (others-groups, в терминах У. Самнера) – враждебностью; если в пределах «мы-группы», или «своих», утверждаются покой, согласие, являющиеся следствием принятых в группе норм, обычаев и традиций, то в отношении к «они-группе», или «чужим», напротив, наблюдается борьба, несогласие, изоляция и отчуждение [Sumner, 2008: 13]. Такое отношение к «ним» объясняется тем, что все чужое воспринимается и оценивается, исходя из закрепленных в культуре ингрупповых стереотипов [Шипилов, 2008: 55]. В исследованиях политического дискурса наиболее часто используются термины in-group и out-group, insiders и outsiders, а также другие семантические пары, например internal political communication и external political communication [Schäffner, 1996], которые, однако, не являются их синонимами. В качестве основания функционирования оппозиции internal-external в политической коммуникации К. Шэффнер выделяет ситуацию общения (setting) и вовлеченных коммуникативных партнеров. С такой позиции внутренняя политическая коммуникация (internal political communication) относится ко всем формам дискурса, которые связаны непосредственно с деятельностью внутри политических институтов (правительства, партий и т. д.), в то время как внешняя политическая коммуникация (external

political communication) ориентирована на общую публику, то есть не политиков [Там же: 201].

Если следовать традиционному пониманию, то схематически отношения «свой» – «чужой» можно представить следующим образом (рис. 1).

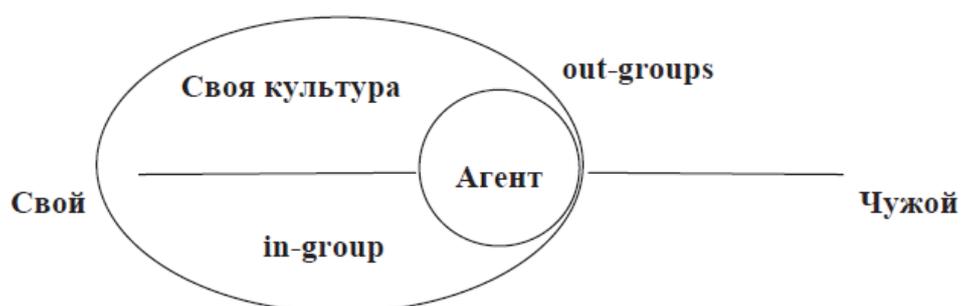

Рис. 1. Противопоставление «свой» (монокультурный, in-group) – «чужой» (межкультурный, out-group)

Рассматривая понятия «монокультурная коммуникация» и «межкультурная коммуникация», следует учитывать, что 1) отношения чужеродности традиционно связаны в основном с межкультурным общением и 2) согласно современной трактовке, межкультурная коммуникация может рассматриваться в узком и широком смысле. Под межкультурной коммуникацией в широком смысле понимается общение между представителями разных лингвокультурных сообществ; в узком смысле межкультурная коммуникация рассматривает также особенности общения в рамках одной страны, даже внутри разного рода структур и организаций. Л. В. Куликова отмечает, что «межкультурный» момент возникает в этом случае в связи с разницей возраста, профессий, интеллектуального «багажа» коммуникантов, манеры поведения и выбора языковых средств (например, употребление жаргонизмов, профессиональной лексики, языковая грамотность и т. д.) [Куликова, 2004б: 29–30]. Иными словами, в рамках одной лингвокультуры также возможны отношения чужеродности, поскольку «своя» культура не является гомогенной сре-

дой и в ней тоже присутствует компонент «чужого». Задействуя различные парадигмы, на это указывают в своих исследованиях Б. Вальденфельс, используя термин «“Чужест” внутри Родного мира» [Вальденфельс, 1995: 81]; Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, говоря о том, что в русской культуре «чужими» по отношению к народу считали себя, например, представители интеллигенции [Лотман, Успенский, 1982: 121]. А. Шюц выделяет специальную категорию – «чужак». В качестве «чужака» может выступать, с одной стороны, иммигрант; с другой стороны, это может быть претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, желающий быть допущенным в семью девушки, сын фермера, поступающий в колледж, обитатель города, поселяющийся в сельской местности, «призывник», уходящий на службу в армию [Шюц, 2004: 533]. М. Эделман, говоря о международных конфликтах (*international conflicts*), обращает внимание на то, что и «внутри» наций также существуют многообразные и конфликтующие группы [Edelman, 1971: 12]. В каждой из приведенных ситуаций мы говорим о «чужом», но обстоятельства и способы отнесения его к этой категории для каждого случая специфичны.

Интерпретация «чужого» всегда опосредована «своей» позицией. Исходя из утверждения Х. Баузингера о том, что «чужое» является субъективной категорией и, соответственно, чуждо всегда только конкретному лицу [Bausinger, 1988], цит. по: [Куликова, 2004б: 52–53], необходимо иметь четкое представление о том, к какой группе принадлежит адресант, что позволяет определить контекст общения и проанализировать коммуникативно-прагматическую реализацию замысла отправителя дискурса. Индикатором отношений чужеродности могут выступать дейктические средства. П. Чилтон предлагает модель измерений дейксиса относительно «себя» как точки отсчета, которую, на наш взгляд, можно рассматривать как подтверждение факта существования «разных чужих» (рис. 2).

Как отмечает П. Чилтон, дейксис задает определенный центр и используется для обозначения своеобразного «якоря» (*anchor*), позволяя говорящему (или пишущему) четко определить свою позицию и позицию «чужого». Так, местоимения «мы», «наш», «нас» (*we, our, us*) используются для концептуализации групповой идентичности, партий, коалиций и т. п. в качестве «своих» или «чужих». Ученый выделяет три

измерения дейктических средств, а именно пространство, время и модальность, которые представляет в виде осей координат с центром в «основании» измерений – «я», «мы-группа», где t означает время, s – пространство и m – модальность.

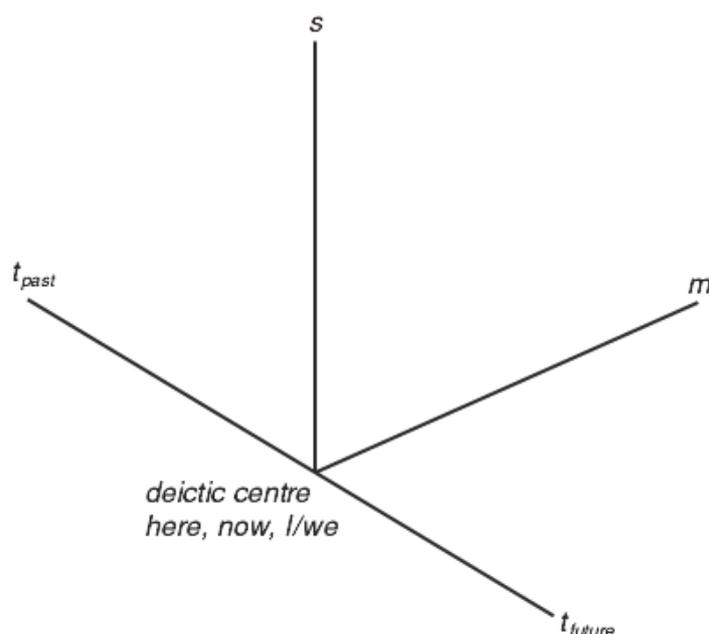

Рис. 2. П. Чилтон. Измерения дейксиса

На оси s расположены пространственные дейктические репрезентации, например местоимения. Говорящий («я» или «мы-группа») помещен в центре – «здесь» (*here*). Выражения с местоимениями второго и третьего лица «размещаются» вдоль оси s , некоторые ближе к центру, другие дальше. При этом речь не идет о расстоянии как таковом; идея в том, что люди склонны «располагать» людей и другие объекты по шкале отдаленности от «себя», используя свои предположения и установки. На этой оси представлены объекты, имеющие метафорическую «социальную» дистанцию, возможно, эксплицитно маркированную такими единицами, как «близкие отношения» (*near relations*), «тесное сотрудничество» (*close cooperation*), «дальние связи» (*remote connection*) и др.

На оси, представляющей темпоральное измерение, t , время говорения «отсчитывается» от момента «сейчас» (*now*). Поскольку время

может быть концептуализировано через «движение» в пространстве (например, посредством метафоры: *the end of war is coming, we are approaching the end of the war*), относительная дистанция по отношению к «себе» и событиям (также от «себя» и событий) может быть представлена как близкая (*near*) и далекая (*distant*): *the revolution is getting closer, we are a long way from achieving our goals*.

Модальность (ось *m*) также может быть актуализирована по принципу отдаленности с началом оси в позиции «верно, правильно» (*right*), направленной к позиции «неверно» (*wrong*): *far from the truth, he has gone too far, outside the norms of convention, beyond the pale*. Наиболее показательны примеры, интуитивно связанные с инсайдерами и аутсайдерами: инсайдеры – это те, кто «стоят близко к», «соответствуют нашим стандартам»; от аутсайдеров ожидается противоположное, что, собственно, и считается морально или законодательно «неверным» и дистанцируется от «себя» [Chilton, 2004: 56–61]. Итак, П. Чилтон полагает, что на основе когнитивных процессов человек «располагает» свои аргументы и утверждения относительно других людей, социальных групп, объектов и т. п. в соответствии с тремя измерениями: временем, пространством и модальностью, приближая или отдаляя их по отношению к «себе».

Данная модель, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что в одной лингвокультуре возможны отношения чужеродности, которые проявляются в зависимости от позиции говорящего (пишущего).

За более «радикальным» примером отношений чужеродности в рамках одной лингвокультуры можно обратиться к исследованиям народов, разъединенных в силу исторических событий несколько десятилетий назад, а сейчас вновь объединившихся. Так, Л. В. Куликова анализирует ситуацию в современной Германии, где, несмотря на объединение западной и восточной частей страны, проблема «внутреннего единства» остается актуальной как среди политиков, так и среди населения [Куликова, 2004б: 142]. То есть, будучи по сути одной страной, говоря на одном языке, люди разделены ментальной границей между двумя идентичностями, что порождает отношения чужеродности. При этом проявляется важная составляющая отношения к «чужим», когда «чужой» – это «тот, по отношению к кому я чувствую превосходство или подчинение» [Galasin'ska, Galasin'ski, 2003: 850]. Л. В. Куликова приводит исследование Г. Мааца с описанием особенностей общения

между представителями восточных и западных немцев, в котором восточники постоянно испытывали «ощущение неполноценности и неуверенности в контактах с западными немцами», пройдя «попрошайничество и позу просителя». Тогда как для западников были характерны «щедрость, великодушие, постоянная поза дарителя и учителя, чувство превосходства» [Maaz, 1990], цит. по: [Куликова, 2004б: 145].

Таким образом, факт принадлежности одной или разным лингвокультурам детерминирует вид отношений чужеродности. В своем исследовании мы разграничиваем отношения к так называемым «ближнему чужому» («чужой» находится в той же самой лингвокультуре, что и сам адресант) и «дальнему чужому» («чужой» находится за пределами лингвокультуры, которой принадлежит адресант). Представим это следующим образом (рис. 3).

Рис. 3. Представление «чужих» в монокультурном (in-group) и межкультурном (out-group) пространствах

При таком подходе в первом случае мы имеем в виду монокультурную коммуникацию, рассматриваемую как общение представителей одного национально-лингво-культурного сообщества, обладающих единой когнитивной базой [Красных, 2003: 96]. Во втором случае речь идет о межкультурной коммуникации в широком смысле, понимаемой как «общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладаю-

щих разными национальными когнитивными базами» [Там же: 96]. Соответственно, при дискурсивном конструировании чужеродности в политической коммуникации в рамках **монокультурной перспективы** мы изучаем дискурсивное взаимодействие представителей политических партий и политических агентов, принадлежащих одному национально-лингво-когнитивному сообществу; в рамках **межкультурной перспективы** мы рассматриваем отношение к политическим агентам – представителям других (по отношению к автору дискурса) национально-лингво-когнитивных сообществ.

Здесь целесообразно объяснить использование в данном исследовании термина «национально-лингво-когнитивное сообщество». Целью выделения нами национального, языкового и когнитивного аспектов было как можно более четкое разграничение монокультурного и межкультурного пространств взаимодействия политических оппонентов. Принадлежность одной нации, владение одним языком и обладание единой когнитивной базой являются наиболее важными параметрами для анализа и интерпретации отношений чужеродности в политической коммуникации. Обратимся к первому аспекту. Анализируя монокультурное и межкультурное общение и говоря о лингвокультурах, мы имплицитно опираемся на понятия «этнос» и «нация». Для более четкой референции чужеродности к сферам монокультурного и межкультурного пространств, на наш взгляд, уместно разграничить термины «этнос» и «нация» и определить понятие, отвечающее нашей концепции исследования. В трактовке Ю. В. Бромлей этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании [Бромлей, 1983]. Однако, как отмечает В. В. Красных, данное определение может быть применено и к отдельным социальным группам [Красных, 2003: 93] в рамках одной лингвокультуры, например группы пастухов или других профессиональных сообществ. Соответственно, понятие этноса не может очертить четкие границы сообществ, находящихся «внутри» страны и за ее пределами. Более приемлемым для целей нашего исследования мы считаем определение нации, которая рассматривается как социально-экономическая, культурно-политическая

и духовная общность людей. Данное понятие представляется более институциональным и имеющим четкий разграничительный характер. Таким образом, в нашем исследовании при определении сообществ, участвующих в монокультурном или межкультурном общении, мы принимаем исходное понятие нации и соответствующее прилагательное «национальный» (национально-лингво-когнитивное сообщество). Интерпретация отношений чужеродности невозможна без осознания «себя», «своего места» относительно «чужого»: является ли «чужой» представителем того же самого национально-лингво-когнитивного сообщества или иного. И в плане порождения, и в плане интерпретации дискурса позиционирование «себя» влияет на понимание позиции «чужого». П. Чилтон и К. Шэффнер отмечают, что такое «фиксирование» (anchoring) зависит от когнитивной базы, которая включает общепринятые разделяемые понятия о структуре общества, социальных группах и отношениях с другими обществами [Chilton, Schäffner, 2002: 30–31]. Таким образом, при актуализации отношений чужеродности когнитивный аспект позволяет позиционировать «чужого» относительно «себя», а следовательно, детерминировать выбор языковых средств взаимодействия с ним. Принимая во внимание важность национального, языкового и когнитивного аспектов при разграничении монокультурного и межкультурного пространств репрезентации чужеродности, мы считаем возможным использование термина «национально-лингво-когнитивное сообщество» для определения участников политической коммуникации в монокультурной и межкультурной перспективах и понимаем под этим термином социально-экономическую, культурно-политическую и духовную общность людей, владеющих одним языком и обладающих единой когнитивной базой.

1.4. МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО МАНИФЕСТАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ЧУЖЕРОДНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Коммуникативно-прагматический подход к пониманию языка и текста предполагает, что осмысление реальности может осуществляться через комбинацию речевых и неречевых аспектов. В российской

научной традиции явление текстовой гетерогенности на уровне формы, достигаемое через соединение различных семиотических систем, например вербальной и визуальной, известно как «поликодовый текст» [Чернявская, 2009: 97]. А. А. Бернацкая отмечает, что термины «поликодовый» или «полисемический» текст представляются наиболее предпочтительными для обозначения родового понятия негомогенных, синкретических сообщений (текстов), образуемых комбинацией элементов разных знаковых систем при условии их взаимной синсемантии. Для обозначения степени и самого факта участия в создании текста элементов разных семиотик целесообразно использовать метафорический и динамический термин «креолизация» [Бернацкая, 2000: 106]. Термин «креолизованные тексты» был впервые применен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым [Сорокин, Тарасов, 1990], далее поддержан в работах Е. Е. Анисимовой [Анисимова, 2003], А. А. Бернацкой [Бернацкая, 2000], М. А. Бойко [Бойко, 2006], М. Б. Ворошиловой [Ворошилова, 2007] и других исследователей. Это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990: 180–181]. Примером креолизованных текстов могут служить иллюстрации с сопровождающими их вербальными сообщениями или экстралингвистические особенности выступлений политических деятелей, такие как повышение тембра голоса, ускорение речи или четкое произнесение каждого слова и т. д.

В зарубежных исследованиях для обозначения текстов, объединяющих разные семиотические компоненты, используется термин «мультимодальный текст», а анализ рисунков и других неречевых аспектов коммуникации известен как мультимодальный анализ. Эта относительно новая сфера изучения дискурса известна под разными терминами (multimodality, multimodal analysis, multimodal semiotics, multimodal studies, multimodal discourse analysis) [O'Halloran, 2011]. К. Л. О'Хэллоран и Б. А. Смит отмечают, что мультимодальный анализ предполагает анализ коммуникации во всех ее формах, но в особенности занимается текстами, которые содержат взаимодействие и внедрение двух или более семиотических ресурсов – или «модусов» коммуникации, – необходимых для того, чтобы реализовать коммуникативные функции текста [O'Halloran, Smith, 2010]. Под модусом понимается социально сформир-

рованный и культурно обусловленный ресурс для создания смыслов [Kress, 2009: 54]. Семиотические ресурсы включают такие аспекты речи, как интонация и другие характеристики звучания; семиотическое действие физических ресурсов (лицо, рука, тело) и проксемику; а также продукты человеческого производства, как, например, гравировка, рисунок, письмо, архитектура, изображение или звуковая запись; и в более современную эпоху – интерактивные компьютерные ресурсы [O'Halloran, Smith, 2010]. Для того чтобы избежать разногласий в терминологии, в своей работе мы будем использовать термины «мультиmodalный текст» (понимая его как синоним понятию «креолизованный текст» и допуская его в ссылках на отечественных ученых) и «мультиmodalный анализ».

Для обозначения невербальной части текста исследователи обращаются к таким понятиям, как «иконический компонент», «невербальный компонент», «паралингвистические средства», «мультиmodalные средства», «визуальные средства», «семиотический ресурс». В своей работе мы принимаем термин «визуальные средства», ссылаясь на трактовку Н. Фэрклафа, согласно которой под визуальными средствами (visuals) подразумеваются все невербальные компоненты, которые либо сопровождают вербальную часть дискурса, либо выступают самостоятельно. Использование именно этого термина автор объясняет тем, что невербальные средства воспринимаются участниками общения визуально [Fairclough, 2001: 23].

Е. Е. Анисимова разделяет невербальные семиотические средства на те, которые имеют языковую основу и непосредственно «прилегают» к вербальным средствам (например, орфографические средства в своем ненормативном, ситуативно обусловленном значении), и средства, обладающие неязыковой основой и взаимодействующие с вербальными средствами текста опосредованно (например, пространственная, красочная аранжировка текста) [Анисимова, 2003: 7]. С точки зрения содержательности креолизованного текста, паралингвистические средства могут выступать в качестве самостоятельного носителя информации и являться самодостаточными для раскрытия содержания текста (например, рисунок, фотография, карикатура, схема), а могут использоваться как вспомогательные по отношению к вербальным средствам и вносить дополнительные семантические и экспрессивные оттенки в его содержа-

ние (например, шрифт, разрядка, написание слова прописными буквами) [Там же: 7]. Важным положением в исследовании креолизованных текстов является то, что информация, воспринимаемая посредством разных каналов (semiotic modes), интегрируется и перерабатывается реципиентом целостно [Leeuwen, Kress, 2011]. Вследствие этого креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и визуальные элементы образуют одно структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата [Анисимова, 2003: 17]. Рассматривая соотношение вербального и визуального компонентов мультимодального текста, можно сказать, что «слова дают факты, объяснения – то, что должно быть выражено ясно, недвусмысленно, в то время как изображения представляют разъяснения, идеологически окрашенные ракурсы, и они делают это не эксплицитно, а на основании намека, коннотации, апелляции к едва осознаваемым, почти забытым знаниям» [Berger, 1972], цит. по: [Leeuwen, 2008: 136].

Интерес для нашего исследования представляют изобразительные визуальные компоненты, а именно рисунки в газетах и журналах, отражающие политическую тематику и актуализирующие интенцию репрезентации чужеродности.

П. Чилтон отмечает, что лингвистические значения и визуальные значения основываются на одинаковых когнитивных механизмах: «где» и «что», то есть расположение объектов относительно предполагаемых реципиентов и идентификация объектов. Компонент «где» соотносится с дейксисом и идеей о «положении субъекта»; а компонент «что» представляет собой обозначение объектов, связанное с когнитивными фреймами и социокультурными знаниями; описание изображенных действий (процессов), соотносимых с когнитивными скриптами, что является культурно опосредованным параметром.

При анализе изображения П. Чилтон предлагает учитывать следующее:

- значение изображения: положение реципиента и виды объектов, которые имеют «значение» для реципиента;
- «идеологическое» значение объектов для наблюдателя анализируется не через структуру и содержание, а посредством логических умозаключений и объяснений;

- точка зрения наблюдателя определяется с помощью пространственной перспективы изображения и объясняется зрительной системой человеческого мозга;
- положение реципиента может быть интерпретировано с точки зрения социальной значимости, иногда на основе метафоры, например «смотреть свысока» (взгляд сверху вниз), «смотреть почтительно» (взгляд снизу вверх), «быть на одном уровне», «сходиться во взглядах», «конфронтация лицом к лицу» и т. д.;
- объекты и люди идентифицируются на основании социальных знаний, включая социальные и расовые стереотипы;
- когнитивные операции: метонимия (например, сумка для покупок), блендинг разных областей социальных знаний;
- эмоции, возникающие у наблюдателя: страх, сожаление, солидарность и т. д.

В качестве примера П. Чилтон предлагает фотографию, сопровождающую статью *Fears of an Islamic revolt in Europe begin to fade*, опубликованную в британской газете *The Observer* 26 июля 2009 года.

Fears of an Islamic revolt in Europe begin to fade

Five years ago bombings and riots fuelled anxiety that Europe's Muslims were on the verge of mass radicalisation. Those predictions have not been borne out.

Muslim women go shopping in Marseille. Photograph: Michel Gangne / AFP / Getty Images

Jason Burke in Paris and Ian Traynor in Brussels
***The Observer*, Sunday 26 July 2009**

Где: объекты на фотографии расположены на одном уровне глаз с реципиентом, однако взгляд на реципиента не направлен; люди изображены не в полный рост, поэтому почти полностью находятся в зрительном пространстве реципиента; объекты представлены реципиенту с левой стороны. П. Чилтон предполагает, что такое положение фигур на фотографии может свидетельствовать о все еще сохранившейся в Европе дистанции по отношению к женщинам в чадре. С другой стороны, это может быть сделано автором фотографии для того, чтобы представить более широкую панораму места действия и показать женщин как часть «нормального (обычного)» общественного пространства. Возможно, относительно высокий уровень глаз, вровень с реципиентом, также имеет целью показать более обширное пространство с разнообразными видами деятельности.

Что: на фотографии представлены фигуры людей, которых социальные стереотипы идентифицируют как мусульманок; сумка для покупок метонимически ассоциирует их с покупателями, а значит «обычными», «как все». П. Чилтон делает логический вывод, что реципиент, глядя на изображение, ощущает себя таким же потребителем, как и эти женщины.

Существенный вклад в развитие методики анализа мультимодальных текстов внесли такие исследователи, как Т. ван Ливен [Leeuwen, 2005, 2008], Г. Кресс [Kress, 2009, 2010], [Kress, Leeuwen, 2006; Leeuwen, Kress, 2011], Р. Ходж [Hodge, Kress, 1995], Д. Махин [Machin, Leeuwen, 2007], К. Л. О'Хэллоран [O'Halloran, 2004] и др.

Т. ван Ливен совместно с Г. Крессом выделили ряд закономерностей репрезентации и интерпретации отношений чужеродности посредством изображения. В основе подхода лежат два вопроса: «Как изображенные люди соотносятся с тем, кто смотрит на изображение (с наблюдателем)?» и «Как изображены люди?». При ответе на первый вопрос исследователи предлагают рассматривать изображение в трех измерениях:

- социальная дистанция между изображенными людьми и наблюдателем;
- социальные отношения между изображенными людьми и наблюдателем;
- социальное взаимодействие между изображенными людьми и наблюдателем.

Социальная дистанция на изображении, так же как и в реальной жизни, маркирует межличностные отношения: мы держимся на расстоянии от незнакомцев и близки с родными. На изображении дистанция становится символичной. Люди, показанные на дальнем плане, представлены незнакомыми, «чужими», в то время как люди, показанные крупным планом, представлены «одними из нас».

Второй параметр – это положение, из которого мы видим человека на изображении. Положение может быть вертикальным, то есть мы смотрим на человека сверху вниз, на одном уровне или снизу вверх; и горизонтальным, когда мы смотрим на человека «в лицо» или со стороны. Эти положения выражают два аспекта социальных отношений между наблюдателем и людьми на изображении: власть и вовлечение. Вертикальное положение соотносится с властью: смотреть сверху вниз – значит проявлять символическую власть над человеком, занимать относительно этого человека своего рода «более высокое» положение. Смотреть снизу вверх на кого-то означает, что некто на изображении обладает символической властью над наблюдателем (авторитетная личность, образец для подражания и т. п.). Смотреть на кого-то на одном уровне означает равенство. Горизонтальное положение демонстрирует символическую вовлеченность или отчужденность. Эквивалентом такого положения в реальной жизни может быть общение «лицом к лицу», буквальное или образное столкновение людей друг с другом, а также позиция «в стороне».

При социальном взаимодействии ключевым фактором является то, направлен ли взгляд изображенных субъектов на наблюдателя или нет. Если они «не смотрят» на нас (наблюдателей), мы выступаем в роли пассивных зрителей, не участников взаимодействия. При этом люди на изображении как будто не осознают, что на них смотрят. Если же взгляд изображенных людей обращен непосредственно к нам, это можно интерпретировать как символическое требование. Люди на изображении хотят чего-то от нас, а что именно, часто актуализировано другими элементами изображения: выражением лица, жестами, положением тела и т. п.

Таким образом, все три параметра должны присутствовать на изображении – дистанция, положение и взгляд. Градация и многочисленные комбинации, допустимые этими тремя измерениями, могут актуализировать разные способы представления людей как «чужих».

С точки зрения второго вопроса «Как изображены люди?» Т. ван Ливен приводит пять способов визуальной репрезентации людей в качестве «чужих»:

- намеренное исключение людей из контекстов, которые в реальности предполагают их присутствие;
- изображение людей как действующих лиц в ситуациях, оцениваемых с позиции понижения самооценки, подчинения, отклонения от нормы, криминала, порочности;
- изображение людей в виде гомогенных групп, тем самым отрицая их индивидуальные характеристики и различия;
- негативные культурные коннотации, связанные с образом человека на изображении (прическа, одежда и т. п.);
- негативные расовые стереотипы, ассоциируемые с объектом изображения [Leeuwen, 2008: 137–147].

Попробуем проанализировать мультимодальные тексты, актуализирующие отношение к «чужим» в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации.

Рис. 4. A united Europe is the most effective way to deal with Russia // New Statesman. – 14.08.08

В качестве примера репрезентации чужеродности в межкультурной перспективе представим иллюстрацию в британской газете New Statesman от 14 августа 2008 года (рис. 4). Передаваемая через изображение и вербальный компонент информация коннотативна, то есть «основывается на

различных ассоциативных связях, ее понимание предполагает наличие у адресата знания культурного кода, социальных связей, национальной специфики, при этом информация коннотативного типа допускает многовариантность своего толкования» [Анисимова, 2003: 11].

Статья, к которой относится данное изображение, опубликована после боевых действий в Осетии в августе 2008 года. Метафорически Россия представлена через образ огромного (около 2/3 рисунка) косматого медведя с суровым насупленным видом; когтистые лапы попирают флаг Грузии, из-под лап вырываются клубы дыма от разорвавшихся бомб, на которые медведь не обращает внимания. Угрожающий взгляд животного исподлобья направлен прямо на реципиента. Композиция рисунка построена таким образом, что солдаты, сидящие на голове или спине медведя, ружьями образуют своеобразную корону, намекая на главенствующее место, которое Россия якобы определила для себя в грузино-осетинском конфликте. Реплика медведя построена на игре слов: неграмотный мишка путает фразы *in pieces* («на куски») и *peace plan* («мирный план»). Итак, мы полагаем, что общая интенция текста и изображения заключается в стремлении негативно представить образ России в грузино-осетинском конфликте в августе 2008 года.

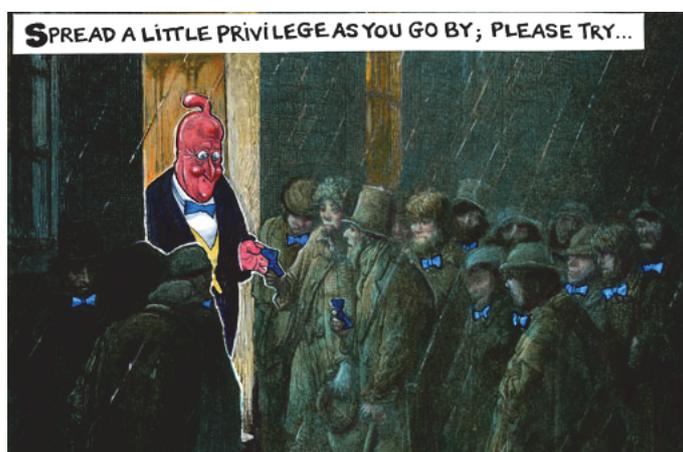

Рис. 5. Steve Bell on David Cameron's privilege pledge – cartoon // The Guardian. – 11.10.12

Для иллюстрации реализации чужеродности в монокультурной перспективе британской политической коммуникации мы используем изображение в газете The Guardian, опубликованное 11 октября 2012 года (рис. 5).

Данное изображение является реакцией на реплику премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, сделанную им в выступлении на ежегодной конференции партии консерваторов 10 октября 2012 года. Рисунок вызвал большой ажиотаж среди читателей издания и собрал более 200 комментариев. В своей речи Д. Кэмерон говорит о системе образования в стране:

And to all those people who say: he wants children to have the kind of education he had at his posh school...

...I say: yes – you're absolutely right.

I went to a great school and I want every child to have a great education.

I'm not here to defend privilege, I'm here to spread it.

Ссылаясь на то, что сам премьер-министр получил прекрасное образование, Д. Кэмерон подчеркивает, что хотел бы того же для каждого ребенка, завершая свою мысль словами *I'm not here to defend privilege, I'm here to spread it* (дословно: «Я здесь не для того, чтобы защищать привилегию, я здесь, чтобы распространять ее»). Именно последняя реплика вызвала широкий резонанс, поскольку английское слово *spread* имеет значение *to become or cause sb/sth to be distributed over a large area* (мы выбрали значение, наиболее приемлемое в данном контексте) [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 1997]; слово *privilege* в Оксфордском толковом словаре имеет значение *a special right or advantage available only to a particular person or group of people* [Там же]. Едва ли привилегию (по сути, право на что-то) можно распространить; кроме того, в контексте сказанного Д. Кэмерон представляется неким благодетелем, «раздающим» привилегию (то есть право). На изображении Стива Белла мы видим улыбающегося Д. Кэмерона, стоящего на пороге дома и раздающего синие ленточки, символ «привилегии», серой безликой толпе, которая безропотно стоит под дождем и ждет «милости». Очевидно, что премьер-министр уверен, что он выполняет благое дело, «одаривая» людей знаками отличия. Только премьер-министр и раздаваемая (распространяемая) им «привилегия» окрашены в различные цвета, толпа людей и сама улица – серые, унылые, лиц людей практически не видно, что является ярким признаком репрезентации «чужих». В таком противопоставлении яркого и серого усматривается ирония создавшейся ситуации. Д. Кэмерон значительно выше ожидающих на улице людей, некоторые из которых стоят с опущенными головами или

сутулятся. Таким образом чужеродность манифестируется через социальное положение людей: премьер-министр смотрит на них сверху вниз.

Вербальный компонент, представленный непосредственно на изображении, демонстрирует попытку привлечь внимание к ироничной несовместимости двух лексических единиц: *spread* и *privilege*: *Spread a little privilege as you go by; please try...*, к тому же усиленное наречием *a little*, которое также семантически неуместно в данном контексте.

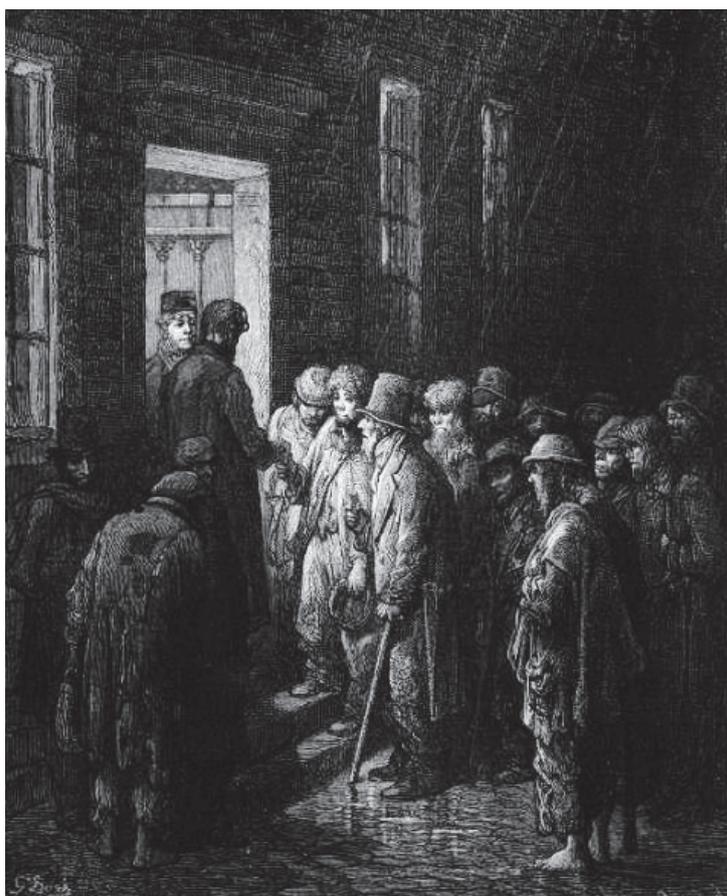

Рис. 6. Doré, G. «Refuge – Applying for Admittance»

Приведенный пример демонстрирует интердискурсивные связи с оригинальным произведением, на основании которого был сделан рисунок. На вербальном уровне об этом свидетельствует надпись на изображении *Apologies to Gustave Doré*, которая отсылает нас к работе французского художника XIX века Гюстава Доре «Приют – разрешение на вход» (*Refuge – Applying for Admittance*) (рис. 6).

Картина связана с актами 1834 и 1849 годов, направленными на борьбу с бродяжничеством в Великобритании. Хозяин приюта решал, кто может остаться на ночлег, поскольку существовали жесткие правила, что только больные или совершенно немощные люди, которые были не в состоянии продолжать путь, могли остаться на одну ночь и получить скудную пищу и место для сна. Остальные же должны были быть переданы полиции за попрошайничество. Таким образом, на картине Г. Доре люди действительно получали привилегию. Интердискурсивные связи карикатуры С. Белла с картиной Г. Доре позволяют более полно представить контекст ситуации, в которой было создано современное изображение, и тем самым акцентировать внимание реципиентов на парадоксальности произнесенной Д. Кэмероном реплики и того смысла, который эта реплика имеет при ее восприятии реципиентами.

Итак, проанализировав эти и ряд других примеров мультимодальных текстов, в которых визуальный компонент имеет очевидную интенцию манифестации отношения к «чужим», мы пришли к выводу, что при реализации чужеродности через изображение в межкультурной перспективе авторы мультимодальных текстов используют более обобщенные визуальные образы, характеризующие ситуацию в целом, имеющие в большей степени коннотативную связь с текстом. Также в рисунках используются общеизвестные метафоры (Россия – медведь), символы (флаги, цвета), известные всем персоналии (президент США Барак Обама, бывший президент Франции Николя Саркози) и др. В монокультурной перспективе акцент делается на детали, изображение «привязано» к конкретной реплике или поступку политического деятеля. Рисунок представляется более эмоционально насыщенным, что актуализируется в выражении лиц героев, их позах, действиях. В целом при проведении анализа мы заметили, что в межкультурной перспективе реализации чужеродности интенция автора очевиднее, по сравнению с рисунком, реализующим интенцию чужеродности в монокультурной перспективе.

Таким образом, политический дискурс актуализируется через непосредственный диалог политиков с народом или политиков друг с другом, а также через средства массовой информации, что способствует активному привлечению не только вербальных, но и визуальных средств манипулятивного воздействия. Коммуникация в современном обществе становится все более мультимодальной, поэтому применение

мультимодального анализа представляется весьма эффективным и способствует более качественному учету экстралингвистических факторов, а также осмыслению комбинации вербальных и невербальных средств репрезентации чужеродности в политическом дискурсе.

Итак, **подводя итоги** первой главы, необходимо отметить следующее.

Чужеродность представляет собой компонент базовой социокультурной оппозиции «свой-чужой». В связи с этим конструирование образа «чужого» основано на процессах самоидентификации и идентификации «чужих». Субъект идентифицируется как «чужой» вследствие дискурсивного маркирования, опосредованного социальными, культурными, языковыми, когнитивными факторами, а также политическими и идеологическими установками.

Учитывая семантическую амбивалентность понятия «чужой» и субъективную соотнесенность его со «своей» позицией, отношения чужеродности характеризуются коннотативной неоднозначностью, выражающей негативную, нейтральную или позитивную идентификацию.

Конструирование чужеродности имеет дискурсивный характер. Дискурс в нашем исследовании понимается как упорядоченное и систематизированное использование языка (и других семиотических систем), ориентированное на определенную общественную практику и обусловленное социальными, идеологическими и когнитивными факторами. Соответственно, отношение к «чужим» актуализируется в дискурсе как форме социальной практики и конституируется дискурсом через набор семиотических систем.

В данной работе исследуется конструирование чужеродности в пространстве политического дискурса. Под политическим дискурсом мы понимаем структурированную совокупность вербальных и невербальных знаков, актуализирующихся в институциональной сфере, ориентированных на полемический характер общения и реализующихся в тесной взаимосвязи с национально-культурным и социально-политическим контекстом.

Для обозначения перспективы отношения к «чужим» в политическом дискурсе мы выделяем понятия «монокультурная перспектива», когда изучается дискурсивное взаимодействие представителей политических партий и политических агентов, принадлежащих одному нацио-

нально-лингво-когнитивному сообществу; и «межкультурная перспектива», когда рассматривается отношение к политическим агентам – представителям других (по отношению к автору дискурса) национально-лингво-когнитивных сообществ. Национально-лингво-когнитивное сообщество определяется нами как социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей, владеющих одним языком и обладающих единой когнитивной базой.

Манифестация отношения к «чужим» мультимодальными средствами, а именно визуальными образами, носит разъясняющий характер, представляет идеологически окрашенные ракурсы, актуализируется имплицитно, основана на намеке, коннотации. Визуально чужеродность конструируется посредством «взаимоотношений» наблюдателя и изображения и реализуется в трех измерениях: дистанции, положении и взгляде. Отношения чужеродности актуализируются за счет намеренного исключения людей из ситуаций, предполагающих в реальности их присутствие; изображения личностей как действующих лиц в событиях, рассматриваемых с позиции понижения самооценки, подчинения, отклонения от нормы, криминала, порочности; визуализации людей в виде гомогенных групп, что отрицает их индивидуальные характеристики и различия; негативных культурных коннотаций, связанных с образом человека (прическа, одежда и т. п.); негативных расовых стереотипов, ассоциируемых с визуализированным объектом.

Глава 2

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧУЖЕРОДНОСТИ В БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Термин «дискурсивное конструирование» используется с разными целями в зависимости от предмета исследования. Так, можно говорить о дискурсивном конструировании социального мира [Макаров, 2003] или дискурсивных способах конструирования социальной реальности [Филинский, 2002]; национальных идентичностей [The discursive construction..., 2009]; опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе [Смирнова, 2011]; дискурсивном конструировании эмпатии, доброжелательности, «демократии в действии», солидарности и т. д. [Плотникова, 2011; Плотникова, 2008]. Анализ работ по данной проблематике позволил определить дискурсивное конструирование как инструментально-аналитический метод, позволяющий категоризовать фрагмент реальности в дискурсивных терминах.

2.1. ПОЛЕМИЧНОСТЬ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ В КОНСТИТУИРОВАНИИ ЧУЖЕРОДНОСТИ

Термин «полемика» восходит к французскому *polemique* – враждебный, воинственный. Значение слова «полемика» объединяет такие трактовки, как «научный спор», «словесная война», «литературная перепалка». Полемика представляет собой разновидность спора, отличающегося тем, что основные усилия спорящих сторон направлены на утверждение своей точки зрения по обсуждаемому вопросу. Типичным свойством политической коммуникации является дух соперничества, стремление обосновать свою позицию и делегитимировать позицию оппонента. Вследствие этого «любой политический текст можно рассматривать

не только как набор доводов в пользу чего-то или кого-то, но и как спор с другими субъектами политической борьбы, другими программами, тактиками и стратегиями, с другими актуальными альтернативами» [Алтунян, 2010: 91]. Т. Б. Троицкая рассматривает полемику в дискурсивно-когнитивной парадигме и считает, что «полемика может реализовываться в различных типах дискурса в виде определенной персуазивной стратегии, в которой происходит столкновение мнений, суждений, интересов коммуникантов» [Троицкая, 2008: 10]. Реализация полемичности основывается преимущественно на контрастивной оценочности, что объясняет полемический характер политической коммуникации, где базовой интенцией является борьба за власть, предполагающая стремление поддержать «своих» и показать в неприглядном свете «чужих». В. З. Демьянков сравнивает полемичность политической речи со своеобразной театрализованной агрессией и отмечает, что «направлена полемичность на внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего, на навязывание (в качестве наиболее естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок» [Демьянков, 2002: 36]. В свете вышеизложенного можно выделить ряд компонентов полемичности, таких как направленность на адресата, оценочность позиции оппонента, наличие противоречия и стремление отстаивать свою точку зрения. Вследствие этого дискурс о «чужих» априори носит полемический характер, так как «чужой» подразумевает наличие оппонента, чаще всего несет в себе негативную оценку и предполагает столкновение интересов с отправителем текста. Наличие в дискурсе о «чужих» готовности отстаивать свою позицию не вызывает сомнения, поскольку он содержит интенцию борьбы, которая характеризуется деятельностью, активной защитой своих интересов и «нападением» на оппонента.

При исследовании политического дискурса необходимо также учитывать тематические преференции, актуализирующие отношение к «чужим». Т. А. ван Дейк придает особое значение изучению тем (topics/themes), поскольку они передают основной (глобальный) смысл дискурса; темы чаще всего имеют сознательно контролируруемую интенцию; актуализируют (субъективно) наиболее важную информацию дискурса; выражают общее содержание ментальных репрезентаций событий; и наконец, они представляют ту идею или информацию, которую читатели (слушатели) запомнят лучше и дольше всего [Dijk, 2009: 68; Discourse,

ethnicity..., 2004: 168], то есть при восприятии дискурса мы в большей степени концентрируем внимание на общей (глобальной) теме.

Проявление чужеродности на тематическом уровне в современной политической коммуникации отмечено рядом доминирующих тем, манифестирующих отношение к «чужим» в монокультурной и межкультурной перспективах. Превалирующие темы в средствах массовой информации отражают и выражают отношение к ситуациям, в которых задействованы «чужие». Анализ тематических предпочтений показал, что дискурсивное представление «чужих» в общем содержит оппозиционные импликации, что выражается в одностороннем освещении темы, склонности к представлению фактов в черно-белых тонах, категоричности, контрасте, гиперболизации и экспрессивности. Наряду с общими принципами монокультурная и межкультурная перспективы обладают рядом дискурсивных особенностей репрезентации чужеродности на тематическом уровне, обусловленных целевыми установками политической коммуникации внутри национально-лингво-когнитивного сообщества и по отношению к представителям иного национально-лингво-когнитивного пространства. Так, в межкультурной перспективе обнаруживается тенденция к большей обобщенности, официальности; воздействующий эффект достигается выбором формальных лексических единиц с негативной коннотацией, например *ruins, attacks, arms race, revolution* и др., стремлением представить оппонента как опасного. В монокультурной перспективе наблюдается более высокая степень эмоциональности за счет неформальных лексем с негативной коннотацией, например *bollocks, fooled, bunch of schoolboys* и др., неформального стиля выражения, стремления к дискредитации оппонента.

Наиболее ярко тематический срез можно проследить через заголовки в средствах массовой информации.

В межкультурной перспективе репрезентации чужеродности преимущественно используются ёмкие, довольно резкие заголовки, в которых выражена обобщенная идея с элементами редукционизма, то есть бинарностью ценностных оппозиций или схематизацией политической коммуникации [Чудинов, 2007: 58]. Так, цитата, вынесенная в заголовок статьи о последствиях боевых действий в Северной Осетии летом 2008 года *Everything is in ruins* [Viv Groskop, New Statesman, 20.11.08], включает обобщающее (universal) местоимение *everything*

и негативно коннотированную лексему *ruins*, которые вместе создают эффект глобальной катастрофы.

Следующий пример касается введенного в 2010 году во Франции запрета на ношение женщинами-мусульманками чадры – *The French attack on the veil* [Mehdi Hasan, New Statesman, 14.07.10]. Заголовок эксплицирует агрессию за счет использования лексической единицы *attack*.

Представление оппонента как угрозы в заголовке *Russia announces new arms race* [Luke Harding, The Guardian, 17.03.11] осуществляется посредством использования концепта *arms race* и усиливается прилагательным *new*.

Для монокультурной перспективы проявления отношения к «чужим» характерна конкретизация, выражающаяся, в первую очередь, использованием в заголовках имен политических деятелей, игрой с именем политика. *David Miliband calls Tories «schoolboys»* [David Miliband, Labour Party Conference, 01.10.09]. Данный заголовок сопровождает видеозапись выступления Дэвида Милибенда, представленную в сети Интернет. В 2009 году Д. Милибенд являлся министром иностранных дел правящей партии лейбористов. Отношение к оппоненту выражено через навешивание ярлыка *schoolboys*, призванного дискредитировать политику партии консерваторов.

Игра слов, представленная в заголовке *Don't be fooled, Dave is no dove* [Mehdi Hasan, New Statesman, 21.01.10], основана на сходстве короткого имени Дэвида (*David*) Кэмерона – *Dave* и слова *dove* со значением *a person, especially a politician, who favours peace and negotiation rather than war* [Oxford Advanced Learner's Dictionary, 1997]. Первая часть заголовка «предупреждает» об опасности быть одураченным (*don't be fooled*) сходством слов, которые имеют разное значение. Идея заголовка – дискредитация политика.

Следующий пример демонстрирует открытую негативизацию «чужого», усиленную повторяющимися структурами сравнительной степени прилагательного *worse, much worse: Cameron is worse than we imagined. Much worse* [Dominic Sandbrook, New Statesman, 04.02.10].

Безусловно, данные примеры подобраны с целью демонстрации важности тематических предпочтений при конструировании чужеродности в политической коммуникации. Однако анализ довольно большого корпуса политических текстов позволяет сделать вывод, что обозначенные

тенденции имеют систематический характер и отражают особенности репрезентации отношения к «чужим» в монокультурной и межкультурной перспективах британского политического дискурса.

2.2. КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»

Дискурс-анализ (в самом широком смысле) представляет собой сферу изучения языкового общения с точки зрения его формы, функций и ситуативной социально-культурной обусловленности [Макаров, 2003: 99]. Метод дискурс-анализа лежит на пересечении лингвистики, теории коммуникации, социологии, антропологии, этнологии и других дисциплин и является «самым разносторонним и многообразным из всех методов, позволяющих анализировать процесс человеческого общения» [Леонтович, 2011: 104]. Возникновение междисциплинарного подхода к исследованию дискурса обусловлено рядом причин:

- интерес к естественному использованию языка в противовес абстрактным языковым и придуманным примерам;
- необходимость исследовать более крупные единицы, нежели изолированные слова и предложения – тексты, дискурсы, коммуникативные события;
- включение в сферу лингвистики коммуникативных действий и интеракций;
- учет не только вербальных, но и невербальных аспектов коммуникации;
- исследование языка в социальном, культурном и когнитивном контексте;
- обращение к ряду понятий, которые ранее игнорировались учеными, таким как когеренция, макроструктуры, речевые акты, мена коммуникативных ролей и т. д. [Dijk, 1981], цит. по: [Леонтович, 2011: 105].

«Чужие» дискурсивно конструируются в соответствии со многими факторами, относящимися к контексту и содержанию коммуникации. В политическом дискурсе, основной целью которого является борьба за власть, проблемы включения в группу и исключения из группы («свои-чужие») актуализируются наиболее остро. Учитывая особенности поли-

тической коммуникации, представляется логичным рассмотреть дискурсивное конструирование чужеродности в русле критического дискурс-анализа, подробно представленного в трудах Т. А. ван Дейка [Dijk, 1993, 2003a], Р. Водак [Wodak, 1999, 2007, 2011], Н. Фэрклафа [Fairclough, 1992b, 1993, 1995, 2001], Г. Кресса [Kress, 1990]; в совместных работах М. Кржижановски и Р. Водак [Krzyzanowski, Wodak, 2009], Л. Чоулиаракис и Н. Фэрклафа [Chouliaraki, Fairclough, 2010]; в сборниках [Methods..., 2001; Methods..., 2009], [Critical discourse analysis..., 2003], [A new agenda..., 2005]; а также использованного в качестве одного из основных методов исследования в диссертациях (например, А. А. Филинского [Филинский, 2002], М. Косравиника [KhosraviNik, 2010] и многих других).

Критический дискурс-анализ основывается на аутентичной повседневной коммуникации в институциональной, медийной, политической и других сферах, фокусирует свое внимание на пересечении языка, дискурса, речи, социальной структуры [Леонтович, 2009: 51] и нацелен на исследование идеологически наполненных и часто неотчетливых структур власти, политического контроля и доминирования, использования языка для реализации стратегий дискриминационного включения и исключения [The discursive construction..., 2009: 8]. Можно заключить, что критический дискурс-анализ представляет собой междисциплинарный подход с лингвистической основой.

В критическом дискурс-анализе дискурсу приписывается активная роль в конструировании социальной действительности. С помощью языка мы создаем репрезентации реальности, которые не просто отражают то, что в ней есть, но и конструируют ее [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 29]. Задача исследователя при таком подходе сводится к детальному изучению сказанного или написанного материала и определению социальных последствий различных репрезентаций реальности.

В научной литературе выделяют ряд характерных особенностей критического дискурс-анализа. Рассматривая их, мы пришли к выводу, что каждая из приведенных особенностей отражает проблематику дискурсивного конструирования чужеродности и влияет на интерпретацию данного феномена в политической коммуникации:

1) критический дискурс-анализ относится к дискурсивным методам, с помощью которых тексты производятся (создаются) и потребляются (воспринимаются и интерпретируются), представляя собой важ-

ную форму социальной практики, которая вносит свой вклад в конституирование социального мира, включая социальные идентичности и социальные отношения;

2) в рамках критического дискурс-анализа дискурс рассматривается как форма социальной практики, которая не только конституирует социальный мир, но и конституируется в других социальных практиках;

3) критический дискурс-анализ занимается конкретным лингвистическим текстовым анализом использования языка в социальном взаимодействии;

4) критический дискурс-анализ соотносит анализируемый текст с другими видами дискурса (интертекстуальность и интердискурсивность), привлекая более широкий спектр факторов, влияющих на тексты;

5) критический дискурс-анализ представлен как критический подход, что предполагает обязательное вовлечение самого исследователя в процесс интерпретации и объяснения дискурса [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 109–114; Fairclough, Wodak, 2004: 271–280; Meyer, 2001: 15–17].

Как отмечает Т. А. ван Дейк, критический дискурс-анализ – это «не просто направление, школа, специализированная область исследований, один из многих других “подходов” в дискурсивных исследованиях. Скорее, он направлен на выработку общей “модели” или “перспективы” построения теории, методологии и практики в достаточно широком исследовательском пространстве» [Дейк, 2013: 111].

Парадигма критического дискурс-анализа неоднородна. Существует несколько разновидностей, каждая из которых определена исследовательским подходом. Британский вариант, представленный в трудах Г. Кресса, Р. Ходжа, Р. Фоулера, Н. Фэрклафа, Т. ван Ливена, основан на теории дискурса М. Фуко и в своем лингвистическом аспекте ассоциируется с системной лингвистической теорией, сформулированной Дж. Р. Фиртом и М. А. К. Хэлидэйем, а также с социальной семиотикой Хэлидэйя [Halliday, 1989; Halliday, Hasan, 1989]. Когнитивно-ориентированный метод голландского критического дискурс-анализа находит отражение в работах Т. А. ван Дейка и использует трехчастную модель, чтобы показать, как личное и социальное познание служит связующим звеном между социальными структурами и дискурсивными структурами [The discursive construction..., 2009: 7].

Австрийское направление критического дискурс-анализа представлено в рамках дискурсивно-исторического подхода, основанного и развиваемого профессором Р. Водак. М. Мейер называет Р. Водак лингвистически-ориентированным исследователем критического дискурс-анализа [Meyer, 2001: 21], которая стремится применить лингвистические теории к своей модели дискурса [Там же: 22]. Дискурс при этом понимается как относящийся к макротопику набор контекстуально детерминированных семиотических практик, которые находятся в определенных сферах социального действия; социально образованный, так же как и социально образующий; и объединяющий различные отличающиеся точки зрения [Wodak, 2011: 39]. Основную задачу дискурсивно-исторического подхода можно определить как установление лингвистических отношений между определенными лингвистическими подсистемами и социальными структурами для того, чтобы исследовать особую социальную значимость и функцию конкретной лингвистической или грамматической опции [The discursive construction..., 2009: 9].

Дискурсивно-исторический подход, восходящий к социо-философской традиции критической теории, отличается направленностью на междисциплинарность, использованием многих методов исследования, привлечением разнообразных эмпирических данных и всей доступной (контекстуальной) информации по истории вопроса [Krzyzanowski, Wodak, 2009: 21; Wodak, 2002: 149; Wodak, 2011: 38; The discursive construction..., 2009: 7–8]. Такой разносторонний подход к анализу дискурса и экстралингвистических социальных структур обеспечивается благодаря принципу триангуляции, который предполагает исследование дискурсивного феномена с точки зрения различных методологических и теоретических традиций, взятых из разных дисциплин [The discursive construction..., 2009: 9]. Так, при исследовании категории «чужеродность» междисциплинарный подход позволяет объединить социально-политические, культурно-исторические и собственно лингвистические методы исследования. Принцип триангуляции предполагает использование различных методов сбора эмпирического материала и анализ различных источников, что дает возможность представить категорию «чужой» в многогранной перспективе. В нашем случае в качестве эмпирического корпуса используются политические речи, статьи в газетах,

телевизионные и радиовыступления, интервью с политиками, стенограммы заседаний парламента Великобритании и др.

Принцип триангуляции основан на детальном представлении контекста, который включает несколько уровней:

- непосредственный языковой и внутритекстовый ко-текст;
- интертекстовые и интердискурсивные отношения между высказываниями, жанрами и дискурсами;
- экстралингвистические социальные/социологические переменные и институциональные фреймы специфического «контекста ситуации» (то есть место, время, событие, роли участников и т. п.);
- более широкий социально-политический и исторический контексты, которые включают дискурсивные практики, то есть области действия и историю дискурсивного события [Wodak, 2007: 211].

Учет социального контекста является принципиальным для нашего исследования, поскольку монокультурная и межкультурная перспективы политического дискурса рассматриваются в контексте социально-политической отнесенности людей к той или иной группе. Чем шире будет представлен контекст, тем более полно можно проследить спектр отношений к «чужим» в политическом дискурсе. Важность учета контекста при анализе коммуникации отражена в исследованиях многих ученых, в частности Дж. Гумперца [Gumperz, 1999] и Д. Хаймса [Hymes, 1996]. Исследователи представили теорию «этнографии коммуникации», или «этнографии речи», которая занимается исследованием речевых актов внутри культурно обусловленных речевых событий.

Аналитический аппарат дискурсивно-исторического подхода определяется тремя уровнями анализа: содержанием, задействованными стратегиями и формами их лингвистической реализации [Wodak, 1999: 188].

Актуальным для нашего исследования является также текстоориентированный дискурс-анализ Н. Фэрклафа, который выделяет три направления дискурс-анализа: описание текста и его формальных свойств, интерпретация взаимосвязи между текстом и теми, кто его создает, и объяснение связи между текстом и социальной ситуацией, породившей этот текст [Fairclough, 2001: 21–22, 91]. Центральное место в исследованиях Н. Фэрклафа занимает представление о том, что дискурс – важная форма социальной практики, которая одновременно и воспроизводит, и изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения,

включая отношения власти, и в то же время сам дискурс формируется другими социальными практиками и структурами, которые подразумевают социальные отношения и в обществе в целом, и в специальных институтах [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 116]. Н. Фэрклаф использует детальный анализ текста, чтобы разобраться в том, как дискурсивные процессы лингвистически функционируют в конкретных текстах, взятых во взаимосвязи с другими текстами и социальным контекстом [Там же: 117].

Итак, при рассмотрении феномена чужеродности как формы актуализации социальной идентификации представляется весьма эффективным применить парадигму критического дискурс-анализа для дискурсивного конструирования «чужих» в современном политическом дискурсе. Используемый метод позволяет провести детальное изучение контекста и дать наиболее разносторонний анализ способов актуализации чужеродности в политической коммуникации.

2.3. ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С учетом того, что отношение к «чужим» является формой реализации социальной идентификации, дискурсивное конструирование чужеродности должно проходить несколько стадий, характерных для формирования группы. На наш взгляд, логичным будет следовать аналитическому подходу, предложенному зарубежными исследователями по проблеме национальной идентичности, согласно которому дискурсивное конструирование «своих» и «чужих» осуществляется по следующему принципу:

- 1) обозначение социальных деятелей;
- 2) обобщение отрицательных атрибуций;
- 3) представление аргументов, чтобы оправдать исключение большинства и включение меньшинства [Wodak, 2008: 295].

При этом Р. Водак отмечает, что дискурсивные реализации могут быть более или менее напряженными или спокойными, более или менее имплицитными или эксплицитными, в зависимости от исторических

традиций, общественного уровня толерантности, политической корректности, определенного контекста и общественной сферы [Там же: 295].

В терминах когнитивной семантики конструирование «чужеродности» проходит четыре стадии:

- 1) самоидентификация говорящего/пишущего;
- 2) осознание им присутствия «чужого»;
- 3) концептуализация «чужого», основанная на прошлом опыте;
- 4) разработка и использование инструментария таким образом, что

«чужое» воспринимается как оппозиция или даже «враг» [Sego, 2001: 111].

Итак, мы можем представить процесс конструирования чужеродности следующим образом:

- дискурсивная идентификация «чужих» (лингвистические и визуальные средства используются для четкой отнесенности социальных агентов к группе «чужих»);
- дискурсивное обоснование статуса «чужого» (лингвистические и визуальные средства используются для объяснения принадлежности агента к группе «чужих» и удержания (укрепления) статуса «чужого»);
- дискурсивное трансформирование образа «чужого» (лингвистические и визуальные средства используются для демонстрации возможного изменения отношения к «чужим»);
- дискурсивная делегитимация «чужого» (лингвистические и визуальные средства служат усилению чужеродности).

Эти составляющие конструирования образа «чужого» в политической коммуникации являются основой выделения базисных **стратегий дискурсивного конструирования чужеродности** в рамках политического взаимодействия. При понимании стратегий мы исходим из определения Р. Водак и других исследователей, характеризующих стратегии как набор процессов, которые действуют (сознательно или несознательно) на разных уровнях коммуникации и являются посредниками между целями различных партнеров по коммуникации и реализацией этих целей [Методы анализа..., 2009: 218]. Вслед за концепцией Р. Водак и ее коллег [Wodak, 2002; The discursive construction..., 2009] мы выделяем следующие стратегии в качестве основных в процессе дискурсивного конструирования чужеродности:

- стратегия идентификации чужеродности;
- стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»;

- стратегия трансформации;
- деструктивная стратегия.

Рассмотрим данные стратегии подробнее.

Стратегия идентификации чужеродности направлена на «построение» и позиционирование определенной социально-политической группы – «чужих». Данная стратегия представляется наиболее комплексной, являясь, прежде всего, вербальным выражением, которое формирует определенную «они-группу» через акты референции, например, посредством местоимения «они» (*they*) в связи с упоминанием другой партии или партийной системы, иных политических взглядов, традиций, законов и т. д. Выражения «разделения» часто прослеживаются в самом контексте и демонстрируют дистанцирование от «чужих» и их маргинализацию (в то же время предполагая отождествление и солидарность с «мы-группой», со «своими»).

Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого» стремится сохранить, поддержать и воспроизвести определенный статус, который потенциально может измениться под воздействием каких-либо обстоятельств. Данная стратегия реализуется путем обоснования, или легитимации, существующего положения дел. В отношении к «чужим» это связано с аккумулярованием «доказательств» того, что интересующий нас объект «чужой» был таким и, скорее всего, таким останется.

Стратегия трансформации направлена на изменение сложившегося, прочно установившегося статуса группы в какой-то другой образ. Например, развенчивание представленного общественности положительного образа оппонента и замена его более реалистичным с точки зрения говорящего; переход негативного образа «чужих» в более дружественный образ «других», «союзников», возможно, «друзей».

Деструктивная стратегия используется для дискредитации «чужих», высказывания недоверия, обвинений и т. п. Данная стратегия направлена на делегитимацию образа «чужих», не предлагая другой, альтернативной модели.

На основании выделенных стратегий и исходя из анализа эмпирического материала было установлено, что для каждой из представленных стратегий характерен свой определенный набор процессов реализации, опосредованный прагматической интенцией отправителя дискурса. Терминологически эти процессы мы обозначаем как дискурсивно-

семиотические техники, понимая под техникой совокупность средств, направленных на осуществление поставленной цели. Тогда **дискурсивно-семиотические техники** определяются нами как комплекс интенционально мотивированных вербальных и невербальных средств, характеризующихся мультимодальностью репрезентации, обусловленных национально-лингво-когнитивными особенностями участников коммуникации и ориентированных на выстраивание образа «чужих» в рамках определенной стратегии и культурной перспективы.

Средства, конституирующие дискурсивно-семиотические техники манифестации чужеродности, принадлежат разным уровням языка, коммуникативно-прагматического и семиотического пространств дискурса и актуализируются в таких измерениях, как семантика, грамматика, синтаксис, прагматика, визуализация и др. Обращая внимание на разнообразие уровней репрезентации средств в политической коммуникации, Л. В. Куликова пишет, что политический дискурс можно рассматривать на уровне семантики языковых знаков, где воздействие осуществляется в основном посредством метафоры и антонимии, включая использование отрицательно или положительно коннотированной лексики; на уровне номинативных средств, актуализирующих в политическом дискурсе акты политической референции и точку зрения, оценку, выражаемую политиком в отношении именуемых им референтов, например, через манипуляции с именем политика или партии; на тематическом уровне, анализируя общий выбор темы коммуникации; и наконец, на коммуникативно-прагматическом уровне, где особую роль играют характерные стратегии и тактики [Куликова, 2009: 205–214]. Дж. Уилсон отмечает, что на уровне лексического выбора интерес представляет изучение таких явлений, как «веские слова» (loaded words), термины (technical words) и эвфемизмы; в грамматике – изучение определенных функциональных систем (selected functional systems) и их организация в рамках различных идеологических структур; также изучение местоимений и их использование относительно политической и других форм ответственности; наконец, изучение более прагматически направленных аспектов, таких как имплицатуры, метафоры и речевые акты [Wilson, 2003: 410–411].

Как отмечает К. Шэффнер, анализ политического дискурса может быть наиболее успешным, если он устанавливает связь между особенно-

стями лингвистического и политического поведения участников коммуникации [Schäffner, 1996: 201]. Автор предлагает две позиции, с точки зрения которых можно анализировать политическую речь. С одной стороны, можно начать исследование непосредственно с тех языковых структур, которые служат реализации стратегических функций данной речи (например, отбор слов, синтаксические структуры и т. д.). С другой стороны, во главу угла можно поставить коммуникативную ситуацию и функцию текста и с их учетом проанализировать языковые средства, которые были выбраны для достижения заданной цели [Там же: 201]. Второй способ ближе логике нашего исследования, в соответствии с ним мы осуществляем анализ, принимая за основу такую коммуникативную ситуацию, в которой происходит столкновение интересов политических оппонентов, открытая или завуалированная полемика, нарушение принятых норм и правил, конфликт взглядов.

Таким образом, исследование дискурсивного конструирования чужеродности в политической коммуникации сводится к следующему:

- анализ содержания, то есть интерпретация взаимосвязи между текстом и ситуацией, в которой этот текст был создан;
- выявление стратегий и дискурсивно-семиотических техник реализации чужеродности;
- описание свойств текста, реализованных лингвистическими или иными семиотическими средствами.

Содержание британского политического дискурса опосредовано монокультурной или межкультурной перспективами репрезентации чужеродности. Разработанная нами лингвокоммуникативная модель конструирования чужеродности в дискурсивном пространстве британской политической коммуникации представлена четырьмя основными стратегиями конструирования чужеродности; специфическими дискурсивно-семиотическими техниками репрезентации «чужих», конституирующими каждую из стратегий и опосредованными рядом факторов, включая монокультурную и межкультурную перспективы актуализации; разноразноуровневыми (лингвистическими, прагматическими, мультимодальными) средствами репрезентации дискурсивно-семиотических техник.

Итак, дискурсивное конструирование представляет собой инструментально-аналитический метод, позволяющий категоризовать фраг-

мент реальности в дискурсивных терминах. При исследовании конструирования чужеродности в политическом дискурсе важно учитывать полемический характер политического взаимодействия и тематические предпочтения, актуализирующие отношение к «чужим». Под полемичностью мы понимаем определенный модус взаимодействия, при котором происходит диссонанс мнений, суждений, взглядов и интересов коммуникантов. Анализ доминирующих тем показал, что представление «чужих» в британском политическом дискурсе характеризуется оппозиционной направленностью, выражающейся в одностороннем освещении темы, склонности к представлению фактов в черно-белых тонах, категоричности, контрасте, гиперболизации и экспрессивности. Установлено, что монокультурная и межкультурная перспективы обладают рядом дискурсивных особенностей манифестации чужеродности на тематическом уровне, обусловленных целевыми установками политической коммуникации внутри национально-лингво-когнитивного сообщества и по отношению к представителям иного национально-лингво-когнитивного пространства.

Опираясь на аналитический аппарат методики критического дискурс-анализа, мы выделили основные направления исследования дискурсивного конструирования чужеродности в британской политической коммуникации:

- анализ содержания, то есть интерпретация взаимосвязи между текстом и ситуацией, в которой этот текст был создан;
- выявление стратегий и дискурсивно-семиотических техник реализации чужеродности;
- описание свойств текста, реализованных лингвистическими или иными семиотическими средствами.

Содержание британской политической коммуникации опосредовано монокультурной или межкультурной перспективами репрезентации чужеродности. В результате исследования выявлено, что для монокультурной перспективы репрезентации чужеродности характерна высокая степень полемичности и эмоционализации, обусловленные особенностями внутривнутриполитического дискурсивного пространства британской политической коммуникации. Межкультурная перспектива репрезентации чужеродности характеризуется стремлением к четкому определению границ «своего» и «чужого», кооперативности и критике,

детерминируемым, на наш взгляд, необходимостью обеспечения безопасности своих граждан.

В соответствии с разработанной нами лингвокоммуникативной моделью конструирования чужеродности в пространстве взаимодействия британских политиков мы выделили четыре базисные стратегии дискурсивного конструирования отношения к «чужим»: стратегию идентификации чужеродности; стратегию обоснования и удержания статуса «чужого»; стратегию трансформации; деструктивную стратегию. Стратегии определяются как набор процессов, действующих (сознательно или несознательно) на разных уровнях коммуникации и являющихся посредниками между целями различных партнеров по коммуникации и реализацией этих целей. На основании анализа эмпирического материала было установлено, что каждая из выделенных стратегий реализуется специфическими дискурсивно-семиотическими техниками репрезентации «чужих». Под дискурсивно-семиотическими техниками понимается комплекс интенционально мотивированных вербальных и невербальных средств, характеризующихся мультимодальностью репрезентации, обусловленных национально-лингво-когнитивными особенностями участников коммуникации и ориентированных на выстраивание образа «чужих» в рамках определенной стратегии и культурной перспективы. Средства манифестации дискурсивно-семиотических техник могут быть представлены разными уровнями языка и дискурса, а также визуальными образами.

Глава 3

ДИСКУРСИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ В МОНОКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Политическая сфера – важная часть национальной культуры. Языковая картина политического мира представляет собой сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, моделей, ценностей и др.), относящихся к политическому дискурсу [Чудинов, 2007: 43]. Политическая коммуникация, как правило, детерминирована культурно-историческими факторами и национально маркирована [Юдина, 2010: 10], то есть в каждой стране есть национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью, особенностями использования языка и историческими условиями формирования политической культуры. По утверждению А. В. Олянича, каждой общественно-политической системе соответствует собственная базисная модель политической культуры, что обуславливает ее своеобразие по сравнению с другими общественно-политическими системами [Олянич, 2007: 297]. К факторам социокультурного развития, существенным образом влияющим на политическое общение, можно отнести особенности развития религиозной культуры, историческое развитие структуры общества, традиции в общественно-политической сфере [Самарина, 2007: 103]. Иными словами, каждое национально-лингвокогнитивное сообщество обладает рядом дискурсивно-семиотических техник актуализации чужеродности с присущими им лингвистическими, дискурсивными и визуальными средствами репрезентации. Исходя из концепции нашего исследования, можно добавить, что для каждого национально-лингвокогнитивного сообщества характерны монокультурная и межкультурная перспективы реализации чуже-

родности, в рамках которых наблюдаются свойственные для каждой перспективы дискурсивно-семиотические техники, а также языковые и визуальные средства.

В монографии приводятся примеры из британского политического дискурса, в связи с чем считаем целесообразным представить основные черты политической коммуникации современной Англии и ее общественно-политической системы в целом.

Политический дискурс Великобритании характеризуется такими чертами общественно-политической сферы, как демократия, плюрализм мнений, политическая корректность, стремление к солидарности с избирателями [Самарина, 2007: 106]. Традиционный партийно-политический механизм основан на преобладании в нем двух главных политических партий. Общеизвестным фактом является то, что только благодаря существующей мажоритарной избирательной системе в Британии консерваторам и лейбористам удается не допустить так называемые третьи партии к власти и формировать однопартийные правительства [Перегудов, 2009: 265].

Британская двухпартийная система сложилась в конце XVII века, основными политическими партиями Британии были консервативная и либеральная, впоследствии либерально-демократическая (тори и виги/либ-демы). В 1906 году к ним добавилась третья весомая партия – рабочая, или партия лейбористов (Labour Party); в 1911 году – Социалистическая партия Британии. Более 70 лет просуществовала Коммунистическая партия Британии. В течение XX века за лидерство на политической арене боролись консервативная и лейбористская партии; после слияния социалистов и либералов новая партия (Lib-Dems) существовала как «третья сила», аффилируясь то с одной, то с другой ведущей партией [Бодрунова, 2010: 22–23]. По сути, в связи с двухпартийной системой предвыборный политический дискурс строится на основании выбора между двумя возможными вариантами – консервативной партией или лейбористской партией. Однако на сегодняшний день в британском парламенте представлены три основные партии, две из которых являются более сильными игроками на политической арене по сравнению с третьей, которая, необходимо отметить, имела решающее значение на выборах в 2010 году.

С точки зрения презентационной составляющей политического дискурса (которую А. В. Олянич определяет как особым образом

(семантически и семиотически) организованный поток речи субъекта-индивида, в задачи которого входит осуществление эффективного воздействия на социальный объект (индивид или группу индивидов) с последующим достижением целей такого воздействия – изменение поведения воздействуемых с выгодой для воздействующего [Олянич, 2003: 122–123]), для британской политической коммуникации характерен фактографически ориентированный тип информирования с четко ранжированной последовательностью ограниченного количества презентем (единиц воздействия); драматизм отражаемого события напоминает «раскадровку эпизодов» (под драматизацией, или театрализацией, автор подразумевает «прием воздействия на эффективно-мотивационную структуру сознания» [Там же: 114]); сухое и эмоционально ровное изложение фактов; информационное развитие британского дискурса вертикально – изложение фактов происходит по мере их поступления; отношение к информации представляет собой национально ориентированную сущность: для британца важны конкретные действия полисимейкеров и последствия этих действий для всего социума [Там же: 120–122]. Британский политический дискурс характеризуется экспрессивностью, при этом он не теряет логики построения и изложения, преимущества фактической информации, последовательности в решении вопросов и приоритета национально ориентированных ценностей.

3.1. ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ В МОНОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Для монокультурной перспективы британского политического дискурса «чужими» по отношению друг к другу являются представители различных политических направлений: консервативной и лейбористской партий и партии либерал-демократов, наиболее многочисленно представленных в парламенте Великобритании. Основным эмпирическим материалом для нашего исследования послужили предвыборные речи британских политиков, а также публикации в британских общест-

венно-политических газетах и журналах. Критерием отбора примеров была адресная монокультурная направленность текста и дискурса: для чистоты анализа адресат являлся представителем британского национально-лингвокогнитивного сообщества. Как показало исследование, для монокультурной перспективы британского политического дискурса характерна высокая степень полемичности в связи с тем, что проигравшая партия автоматически становится оппозицией и ведет борьбу за лидирующее место в парламенте на следующих выборах с необходимостью постоянно подчеркивать контраст между «ними» и «нами». Кроме того, по нашим наблюдениям, реализации отношения к «чужим» в монокультурной перспективе свойственна высокая эмоционализация. Под термином «эмоционализация» понимается «внедрение» эмоций в политическую коммуникацию. Считается, что политики должны выражать эмоции и чувства в ответ на требование народа, чтобы взаимодействие с политикой несло эмоциональную нагрузку [Лиллекер, 2010: 108]. Эмоционализация, на наш взгляд, связана именно с монокультурной перспективой, поскольку политический дискурс, обращенный к представителям других лингвокультур, учитывает международные этикетные нормы и выстраивается в более эмоционально сдержанной манере.

3.1.1. Стратегия идентификации чужеродности

Данная стратегия ориентирована на дискурсивное формирование сфер «свое» и «чужое». Как показали результаты исследования, для монокультурной перспективы британского политического дискурса идентификации «чужих» характерно, во-первых, стремление к негативной оценке оппонента, а во-вторых, желание позитивно представить себя. В связи с этим в рамках монокультурного взаимодействия политических оппонентов были выявлены две наиболее распространенные дискурсивно-семиотические техники идентификации чужеродности: **техника негативного позиционирования оппонентов**, которая чаще всего одновременно ориентирована на положительную самопрезентацию, и **техника изолирования**, акцентирующая внимание на разнице между «ними» и «нами». Представим техники более подробно.

Дискурсивно-семиотическая техника негативного позиционирования оппонентов характеризуется распространенной системой дискурсивных средств, ориентированных на категоризацию «чужих» как «политиков, не соответствующих возложенной на них ответственности»; аргументация выстраивается по типу «они плохие».

Основными средствами негативного позиционирования «чужих» являются личные и притяжательные местоимения *they, them, those*, которые выполняют функцию дистанцирования и способствуют формированию образа «чужих», чаще в негативном свете:

They've deliberately held their cards close to their chest. They've done their best to conceal their policies and their instincts. But the financial crisis forced them to show their hand and they showed they had no hearts [Gordon Brown, 29.09.09].

В данном примере премьер-министр Великобритании (в 2009 году) лейборист Гордон Браун высказывается в адрес консервативной партии, позиционируя ее членов как скрытных и прагматичных политиков, обманывающих народ. Изобилие местоимений 3-го лица множественного числа дистанцирует Г. Брауна и тех, кто его поддерживает, от консерваторов. Для усиления воздействия используются негативно коннотированные лексемы *conceal, deliberately*; метафора с семантикой безразличия *they showed they had no hearts*, а также метафоры с семантикой скрытности, обмана: *held their cards close to their chest* и *to show their hand*.

Для негативного позиционирования «чужих» в монокультурной перспективе британские политики прибегают к номинациям, вызывающим отрицательные ассоциации.

You are Mr Brown a prime minister «full of sound and fury, signifying nothing» [Eric Pickles, 28.02.10].

Пример демонстрирует отношение представителя консервативной партии Эрика Пиклза к политике действующего в то время премьер-министра Гордона Брауна. Негативно коннотированная номинация является частью цитаты из знаменитого произведения Уильяма Шекспира «Макбет», в оригинальном тексте цитата звучит так: *...And then is heard no more: it is a tale / Told by an idiot, full of sound and fury, signifying nothing*. Следует обратить внимание, что Э. Пиклз использовал только последнюю часть цитаты, избегая оскорбительной номинации *an idiot*, которая, однако, имплицитно предполагается, поскольку текст произве-

дения достаточно известен и может быть легко восстановлен. В этом контексте возникают отрицательные ассоциации в результате проведения параллелей с оригинальным текстом литературного произведения.

Позиционирование «чужих» также осуществляется посредством персонификаций с политическими организациями и названиями партий, представленными через негативный контекст:

This is not because of plain speaking from the Opposition, but because the markets could take fright over the prospect of the irresponsible, profligate Gordon Brown government somehow hanging onto office for another five years [Ken Clarke, 02.03.10].

Персонификация *Gordon Brown government* позволяет обозначить «чужих», при этом ключевым здесь является контекст, раскрывающий интенцию автора представить правительство Гордона Брауна безответственным, расточительным и кое-как проводящим время у власти – *irresponsible, profligate, somehow hanging onto office*.

Для негативного позиционирования оппонентов в британском политическом дискурсе активно используется метафора. По утверждению исследователей А. П. Чудинова и Э. В. Будаева, «национальная метафорика в одних своих аспектах отражает современное состояние общества, национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в третьих – имеет общечеловеческий характер» [Будаев, Чудинов, 2008: 91]. В качестве примера специфической метафоры, отражающей британскую политическую реальность, можно отметить метафору *sofa government*:

We need to end the culture of sofa government [David Cameron, 26.05.09].

Метафорическое представление правительства (в лице лейбористской партии) как *sofa government* свидетельствует о его бездействии, пассивности, отсутствии мобильности.

Анализ мультимодальных текстов британской политической коммуникации показал, что негативное метафорическое позиционирование оппонентов может осуществляться и через визуальные средства. Метафорические образы в монокультурной перспективе носят более культурно опосредованный характер, то есть представленные изображения отражают внутривнутриполитические ситуации, довольно часто являются

«визуальной реакцией» на вербальные широко обсуждаемые и, возможно, осуждаемые действия политиков. В большей степени отношение чужеродности в монокультурной перспективе ориентировано на демонстрацию негативных профессиональных качеств конкретных политических оппонентов, не институтов в целом. Например, представление премьер-министра Дэвида Кэмерона в виде кричащей чайки (рис. 7) имеет целью его негативное позиционирование.

Рис. 7. Andreou, A. Why David Cameron is the ultimate «seagull» manager // New Statesman. – 25.07.12

Отрицательный образ чайки основан на метафоре *seagull manager*, характеризующей «начальника, который влетает в офис, делает много шума, резко критикует всех, затем убегает, оставляя других разбираться с последствиями» [Alex Andreou, New Statesman, 25.07.12]. То есть Д. Кэмерон, как руководитель правительства, предстает в качестве «начальника-чайки» – несостоятельного лидера, который много говорит или даже кричит, но безрезультатно.

Второй техникой реализации стратегии идентификации чужеродности в монокультурной перспективе является **дискурсивно-семиотическая техника изолирования**, которая ориентирована на подчеркивание «своих» преимуществ и занижение достоинств и достижений оппонен-

тов. Соответственно, аргументация строится по типу «они – плохие, мы – хорошие».

Весьма продуктивным средством изолирования в монокультурной перспективе британского политического дискурса является противопоставление на основе лексической единицы *choice*. Характерной чертой подобных конструкций является использование союзов *or* или *and*, актуализирующих выбор:

future – past: It's a choice between the future and the past [David Cameron, 12.02.10];

Conservative – Labour, democracy – control: Conservative local democracy or Labour Whitehall control [Eric Pickles, 30.09.07];

Conservatives – Government, weak – strong: A choice between a weak and divided Government and a strong, united Conservative team [David Cameron, 12.02.10];

Cameron – Brown: Our country is at a fork in the road. At that fork is a choice between five more years of Gordon Brown... Or the change we need under David Cameron and the Conservatives [Caroline Spelman, 28.02.10];

tired Government – energy: It is a simple choice 5 more years of GB and his tired government or David Cameron and the conservatives who have the energy, leadership and values to get the country moving [Eric Pickles, 28.02.10].

Актуализация разницы между «ними» и «нами» осуществляется также посредством лексики *difference*:

Because there is a difference between the parties. It's the difference between Conservatives who embrace pessimism and austerity and progressives like Labour who embrace prosperity and hope [Gordon Brown, 29.09.09].

Подчеркивая различность двух партий, Гордон Браун дважды повторяет сочетание *difference between* и поясняет свою точку зрения отрицательными атрибуциями в адрес консерваторов (*who embrace pessimism and austerity*) и положительными атрибуциями в адрес партии лейбористов (*progressives, who embrace prosperity and hope*). Аргумент построен по принципу конкретизации, то есть второе предложение объясняет и дополняет первое. Синтаксически второе предложение является сложным с двумя относительными придаточными предложениями, имеющими параллельные конструкции, что придает аргументу более четкую интенцию противопоставления.

Нередки случаи переноса личных качеств политиков на характеристики партий, представителями которых они являются, также с элементом противопоставления:

Between the granite-like resilience and big brain of Gordon Brown or the plastic PR and wobbliness of David Cameron [Peter Mandelson, 04.04.10].

Агитируя избирателей голосовать за свою партию, лейборист Питер Мэнделсон использует положительно коннотированные лексемы в адрес лидера лейбористской партии Гордона Брауна *granite-like resilience*, *big brain*, противопоставляя их негативным номинациям по отношению к лидеру оппозиционной партии Дэвиду Кэмерону *plastic PR* и *wobbliness*.

Подобный пример от партии консерваторов:

The decisive George Osborne or dithering Alistair Darling? [Eric Pickles, 05.10.09].

Эпитеты *decisive* и *dithering* используются с целью представления политики партий: решительной – у консервативной; и склонной к колебаниям – у лейбористской.

Эффективным средством техники изолирования служит частица *not* в сочетании с номинацией в адрес оппозиции, а также наречие *instead*, актуализирующие интенцию исключения оппонента:

And today, we are announcing a bold and radical new reform which shows clearly how it is now the modern Conservatives, not Labour, who have the plans that will help working people to build a better life for themselves and their families [David Cameron, 15.02.10].

В данном примере конструкция *not Labour* эксплицирует контраст между партией консерваторов и партией лейбористов. На фоне положительной презентации себя вводная фраза *not Labour* противопоставляет решительные грандиозные планы консерваторов (*we are announcing a bold and radical new reform*) отсутствию планов помочь народу со стороны партии лейбористов.

That is why we intend to put an end to Labour's top down, centrally imposed house targets, and instead trust in people to decide what level of development is right and sustainable for their community [Eric Pickles, 29.02.08].

Наречие *instead* употребляется для демонстрации контраста между своими действиями и действиями партии-оппонента – лейбористской.

Как показывает исследование, реализация техники изолирования в монокультурной перспективе британского политического дискурса активно осуществляется за счет использования сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий. Авторы дискурса выделяют свои лучшие качества и тем самым косвенно указывают на недостаточность или отсутствие этих качеств у других:

The Liberal Democrats have the best plan for fixing the economy. We are the best guarantee this country has of future financial stability. <...>

I can tell you that of the three party leaders, he is the best qualified of them all to be Prime Minister [Danny Alexander, 13.03.10].

Либерал-демократ Дэнни Александер в качестве эпитетов к существительным, представляющим характеристики партии и ее лидера Ника Клегга, использует прилагательные в превосходной степени *the best plan, the best guarantee, the best qualified*. Высказывание ориентировано на положительную презентацию «себя», косвенно представляя оппонентов в менее выгодном для них свете.

Имплицитно техника изолирования актуализируется посредством использования наречия *only*, часто с определенным артиклем – *the only*:

The Liberal Democrats are the only party offering a hard-headed assessment of the needs of different regions and parts of the economy [Chris Huhne, 16.03.10].

Используя конструкцию *the only party*, либерал-демократ Крис Хан отделяет свою партию от остальных, тем самым завуалированно отрицая способность других партий дать четкую оценку ситуации и подчеркивая, что это может сделать партия либерал-демократов *the only party offering a hard-headed assessment* (*hard-headed* – трезвый, тщательно просчитанный).

3.1.2. Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»

Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого» ориентирована на дискурсивное утверждение отнесенности к «чужим» и сохранение этого статуса. Было установлено, что в монокультурной перспекти-

ве британской политической коммуникации данная стратегия реализуется четырьмя дискурсивно-семиотическими техниками. Одной из наиболее распространенных дискурсивно-семиотических техник обоснования и удержания статуса «чужого», как показало исследование, является **пресуппозиция негативного постоянства**. Пресуппозицию мы, вслед за Дж. Юлом, определяем как то, что говорящий подразумевает заранее, до фактического произнесения [Yule, 1996]. Цель пресуппозиции негативного постоянства заключается в демонстрации «застоя» в делах оппозиции. Данная техника в английском языке выражается с помощью глагола *continue*, наречия *still*, прилагательных *continuous*, *continual*, местоимения *same*, имеющих значение продолжительности. Следует отметить, что сами по себе приведенные лексические единицы не имеют негативных коннотаций, пресуппозиция негативного постоянства раскрывается при глубоком анализе контекста, в котором они используются:

I want to see a reformed House of Lords. I think the House of Lords should be predominantly elected. Gordon, you have had 13 years to sort out the House of Lords. If there are still hereditary peers sitting in the House of Lords, if you're not happy with the House of Lords, why on earth haven't you done something about it? You have had all this time [David Cameron, First prime ministerial debate, 16.04.10].

Наречие *still* реализует пресуппозицию бездействия, остановки в развитии. В данном примере *still* используется в совокупности с другими лингвистическими средствами, актуализируя обвинение в бездействии. Сложноподчиненное предложение с двумя условными придаточными (*If there are still...* и *if you're not happy with...*), соединенными бессоюзно, усиливает эффект обвинения, раскрывающегося в предложении *why on earth haven't you done something about it?* При этом выражение *on earth* интенсифицирует эмоциональный накал высказывания.

Эффект постоянства в негативном контексте достигается за счет использования сравнительной конструкции *as... as*, нередко в сочетании с наречием *ever*:

The one area where the Liberal Democrats have been clear is that they are still as soft on crime as ever. They continue to campaign to restrict the use of DNA making it harder to catch and convict criminals and oppose vital measures to prevent crime and anti-social behavior [Labour, 2010].

Партия лейбористов обвиняет партию либерал-демократов в мягком отношении к преступности, подчеркивая неизменность их позиции при помощи конструкции *as... as ever*. Негативный контекст актуализируется посредством иронии: автор сопоставляет открытость позиции либерал-демократов (*have been clear*) и негативно коннотированное выражение *soft on crime*. Пресуппозиция негативного постоянства акцентируется здесь также за счет глагола *continue* в сочетании с дистанцирующим местоимением *they* в контексте представления действий либерал-демократов, препятствующих благополучию и безопасности граждан (*making it harder to catch and convict criminals, oppose vital measures to prevent crime and anti-social behavior*).

Семантический компонент *time and again* также служит выражением негативного постоянства, в частности используется в негативном контексте и с глаголом в настоящем совершенном времени (Present Perfect Tense):

Time and again, this Government has ducked debates on subjects they're not prepared to discuss [George Young, 28.02.10].

Фраза *time and again* актуализирует пресуппозицию негативного постоянства за счет контекста, дискредитирующего партию власти – лейбористов. Особый интерес представляет фраза *has ducked debates*, которая реализует негативную интенцию автора и с точки зрения грамматики, и с точки зрения семантики: грамматически Present Perfect Tense используется для обозначения действий, которые начались в прошлом и продолжаются до настоящего времени; а лексема *duck* означает *to avoid a duty, responsibility, etc.*, соответственно, говоря *time and again, this Government has ducked debates on subjects they're not prepared to discuss*, Джордж Янг подразумевает, что правительство часто уклонялось от дискуссий, к которым оно не было готово. Представленный в таком контексте, семантический компонент *time and again*, на наш взгляд, может быть рассмотрен как средство реализации пресуппозиции негативного постоянства.

Негативное постоянство манифестируется использованием одного и того же глагола в грамматических формах настоящего и будущего времен в рамках одного контекста. Настоящее время (Present Simple или Present Perfect) представляет обстоятельства, чаще негативные, характеризующие ситуацию, сложившуюся к моменту «сейчас»; будущее время

(Future Simple) предполагает неизменность данных обстоятельств с течением времени.

Labour are top-down. Always have been. Always will be [David Cameron, 15.05.09].

В своей речи Дэвид Кэмерон противопоставляет тип управления лейбористов (*top-down*) модели, предлагаемой консерваторами (*bottom-up* – взято из более широкого контекста высказывания). В связи с этим можно с определенной долей уверенности предположить негативную интенцию реплики Д. Кэмерона в адрес оппонентов. Глагол *to be* представлен в трех временных грамматических конструкциях: Present Simple, Present Perfect, Future Simple, что характеризует неизменность или негативное постоянство позиции лейбористской партии. Грамматические конструкции усиливаются синтаксическим параллелизмом и использованием наречия *always*.

В ходе исследования было выявлено, что стратегия обоснования и удержания статуса «чужого» в монокультурной перспективе британской политической коммуникации реализуется также при помощи дискурсивно-семиотической техники **пресуппозиции негативных последствий**. Данная техника эксплицитно демонстрирует возможные или неизбежные негативные последствия действий оппонентов, намекая или явно указывая на «их» неумение вести дела. Здесь используются лексические единицы с семантикой неизбежности, безошибочности предположений (чаще негативных), например *make no mistake, inevitably*; грамматические конструкции, обозначающие «запланированные» действия в ближайшем будущем (Present Continuous Tense).

The cuts that are coming: make no mistake – they are Gordon Brown's cuts [David Cameron, 12.02.10].

Существительное *cuts* имеет негативные коннотации, связанные с ограничениями и сокращениями, которые ассоциируются с именем Гордона Брауна (*they are Gordon Brown's cuts*). При этом автор делает акцент на то, что подобные меры являются последствиями политики действующего правительства – *make no mistake*. Неизбежность мер реализуется за счет использования глагола *come* в настоящем продолженном времени (Present Continuous Tense) – *are coming*.

К лексическим средствам выражения пресуппозиции негативных последствий относятся также лексические единицы с семантикой «воз-

возможного» будущего, например *imagine*, *think of*. На грамматическом уровне при этом используются конструкции с сослагательным наклонением:

Imagine if some of our biggest business brands followed the logic of our government. <...> Imagine if they just adopted the idle and outdated logic of Gordon Brown and said that every cost reduction must inevitably lead to a cut in front line services. Think of the commercials they would have to run on the logic of what the government tells us [David Cameron, 02.07.09].

Дэвид Кэмерон употребляет лексемы *imagine* и *think of* в сочетании с глаголами в сослагательном наклонении, описывая гипотетическое развитие событий, если бы крупные компании последовали логике действующего лейбористского правительства. Тот факт, что последствия негативные, подчеркивается эпитетами *idle* (бесполезный, тщетный, пустой) и *outdated* (устаревший), характеризующими логику Гордона Брауна и его правительства.

Сослагательное наклонение используется также для того, чтобы показать, какие последствия могли бы быть в настоящем, если бы ситуация не изменилась в прошлом:

All that we have talked about today would simply not happen if the Conservatives were in power [Gordon Brown, 29.09.09].

Сказанная Гордоном Брауном в заключительной части выступления реплика подытоживает перечисление выполненных лейбористским правительством дел. Политик подчеркивает, что ситуация могла бы быть иной, если бы у власти была консервативная партия; выражено недоверие оппонентам, и мы можем предположить, что Г. Браун сомневается, что результаты правления консерваторов были бы положительными.

С точки зрения грамматики мы также заметили активное использование форм будущего времени (Future Simple Tense), маркирующих пресуппозицию негативных последствий. Простое будущее время употребляется здесь для обозначения действий, которые неизбежно произойдут. Часто глаголы и сопровождающий их контекст являются отрицательно коннотированными, связанными с проблемами, сложностями, необходимостью «нашего» вмешательства. Например:

Sorting out Gordon Brown's mistakes on the economy will be painful and we will need to get on with it straight away. There will be a high price to pay for Gordon Brown's spending, borrowing, empire-building [David Cameron, 12.02.10].

Повторяющиеся конструкции с будущим временем *will be* демонстрируют неизбежность последствий, негативные коннотации которых эксплицируются прилагательным *painful* и метафорическим выражением *a high price to pay*. Для усиления иллокутивной силы высказывания с целью показать, насколько сложная ситуация «сейчас» и насколько негативные могут быть последствия, Дэвид Кэмерон использует дискредитирующие Гордона Брауна атрибуции: *Gordon Brown's mistakes on the economy, to pay for Gordon Brown's spending, borrowing, empire-building*.

Как показал анализ мультимодальных текстов, в монокультурной перспективе британского политического дискурса пресуппозиция негативных последствий манифестируется изображениями, эксплицирующими состояние «сейчас» и состояние в будущем, имеющее негативные импликации. Например (рис. 8):

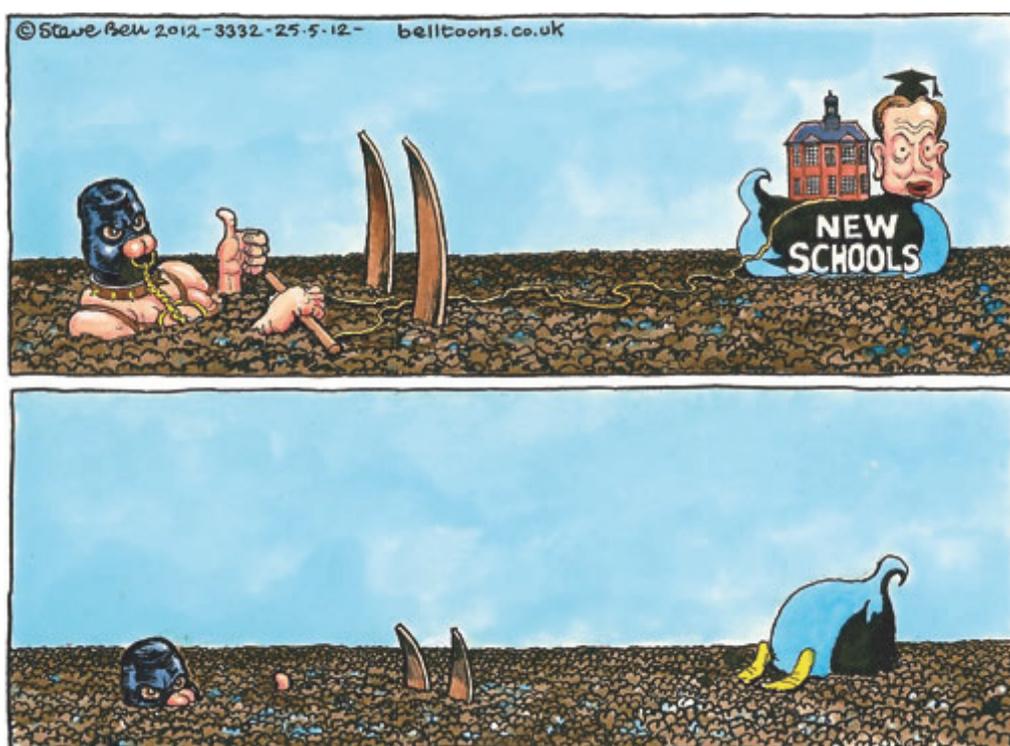

Рис. 8. Steve Bell on Michael Gove's school renovation programme – cartoon // The Guardian. – 24.05.12

Изображение преследует цель дискредитировать действия правительства в лице Джорджа Осборна, канцлера казначейства консервативной партии, и Майкла Гава, министра образования правящей партии,

относительно реформы образования. То, что речь идет об образовании, дополнительно подтверждает надпись на утке *new schools*. Использование двух частей в изображении указывает на динамику, изменение. Негативизм последствий эксплицируется во второй части изображения посредством уходящих под воду Дж. Осборна и М. Гава в образе утки, символа реформированных школ. Дискредитирующий эффект просматривается также в неизменности позиции канцлера: в обеих частях изображения он держит большой палец руки вверх – общеизвестный невербальный знак одобрения. Интерпретируя интенцию автора, мы полагаем, что представленный таким образом жест свидетельствует либо о непонимании правительством возможных последствий, либо о его нежелании дать реальную оценку развитию ситуации.

В рамках стратегии обоснования и удержания статуса «чужого» мы выделили **дискурсивно-семиотическую технику акцентирования внимания на негативной схожести**, цель которой – «приравнять» оппонентов к негативно коннотированным, с точки зрения автора дискурса, людям, организациям и т. п. С учетом того, что данная техника характерна для монокультурной перспективы британской политической коммуникации, эмпирический материал в основном отражает примеры «приравнивания» одной оппозиционной партии к другой (например, консервативная партия «приравнивает» партию либерал-демократов к лейбористской партии), однако встречались также примеры «приравнивания» политиков к представителям других институтов, например банковской сферы, в негативном контексте.

К эффективным средствам реализации техники акцентирования внимания на негативной схожести относятся лексико-грамматические конструкции *no better*, *like any other*, наречие *alongside*. Например:

The price they will pay at the next election will be nothing less than they deserve – the electorate will return the full measure of the contempt currently being shown them by this tottering Labour administration. The Liberal Democrats are no better, trying to cover their embarrassment over their u-turn on holding a referendum on the Reform Treaty with the fig-leaf of a referendum on our EU membership [Giles Chichester, 01.03.08].

Представитель консервативной партии Джайлс Чичестер употребляет выражение *the Liberal Democrats are no better* с целью «приравнять» действия либерал-демократов к действиям лейбористов, при этом

обе партии представлены в негативном контексте: колеблющаяся администрация партии лейбористов (*tottering Labour administration*), неодобрение политики лейбористов со стороны электората (*the electorate will return the full measure of the contempt currently being shown them*). Упоминание действий либерал-демократов в данном контексте носит весьма неблагоприятный для этой партии характер: их поведение описывается как стремление скрыть свои нечестные поступки: *trying to cover their embarrassment over their u-turn on holding a referendum on the Reform Treaty with the fig-leaf* (лексема *fig-leaf* имеет значение лицемерного прикрытия заведомо бесстыдных действий, нечестных поступков; *their u-turn* показывает, что сначала партия либерал-демократов заявляла о своем намерении проводить референдум, а потом внезапно отказалась, «совершив разворот на 180 градусов»).

В качестве примера использования наречия *alongside* приведем высказывание лейбориста Питера Мэнделсона:

David Cameron chooses to sit alongside the xenophobes and homophobes in the European Parliament [Peter Mandelson, 07.04.10].

П. Мэнделсон указывает на «принятие» Дэвидом Кэмероном (*David Cameron chooses to sit alongside*) групп, которые не просто не приветствуются в современном обществе, но их номинации несут в себе резко негативные коннотации – *xenophobes* и *homophobes*. Подчеркивая «принятие» данных групп, П. Мэнделсон серьезно дискредитирует лидера консервативной партии.

С целью акцентирования внимания на негативной схожести в монокультурной перспективе британского политического дискурса активно используются конструкции с местоимением *like*:

We say to them now: it is time, it is time to make the break. We cannot go on just borrowing money from China so that we can buy their goods and then borrow some more. Gordon Brown is like a credit card company who will always send you another letter saying it would be so easy when in debt to borrow even more. Every family, every small business, everyone except this Government knows it is the road to ruin [William Hague, 27.02.10].

Местоимение *like* используется в данном примере для сравнения действий Гордона Брауна с негативно коннотированными характеристиками кредитной компании, которая присылает должнику многочисленные письма с предложением взять еще один кредит. Негативные

коннотации становятся понятными из контекста, когда Уильям Хагг приводит в пример ситуацию с многократными займами из Китая, обращая внимание, что так продолжаться не может (*We say to them now: it is time, it is time to make the break. We cannot go on just borrowing money from China so that we can buy their goods and then borrow some more*), и подводит итог, используя повторяющиеся гиперболизированные эпитеты *every (every family, every small business)*, местоимение *everyone*, негативную метафору *the road to ruin*.

Рис. 9. Kuhn, L. Contains war and privatisation // Morning Star. – 30.04.12

Проведенное исследование показало, что визуальным выражением техники акцентирования внимания на негативной схожести является изображение людей, которые категоризируются «чужими», в отрицательно оцениваемой ситуации либо в компании с другими людьми, имеющими негативную репутацию. В качестве примера приведем изображение Леона Куна (рис. 9): консерваторы Дэвид Кэмерон, Борис Джонсон и либерал-демократ Ник Клегг представлены в виде «трех рыб» в упаковке.

Нахождение «в одной упаковке» подразумевает единство взглядов политиков. «Приравнивание» политиков друг к другу реализуется также через одинаковое выражение лиц, положение тела, одежду и аксессуары. Негативные коннотации актуализируются в вербальном компоненте мультимодального текста: надпись на крышке описывает содержимое как *war and privatization* – лексические единицы, имеющие отрицательные ассоциации как в общественном сознании в целом, так и в британском политическом пространстве в частности. Дискредитирующая интенция прослеживается также в надписи *throw out: May 3*. Речь идет о 3 мая 2012 года – завершении предвыборной кампании на пост мэра Лондона, в которой Б. Джонсон принимал участие в качестве кандидата от партии консерваторов. На наш взгляд, подобным образом подчеркивается недоверие как к самому Б. Джонсону, так и к коалиции консерваторов и либерал-демократов, поддерживающих его кандидатуру.

В рамках стратегии обоснования и удержания статуса «чужого» в монокультурной перспективе британской политической коммуникации реализуется **дискурсивно-семиотическая техника выражения недоверия**, которая предполагает имплицитную или эксплицитную манифестацию сомнения в том, что политические оппоненты могут справиться с поставленной задачей и быть достойными управленцами. Иными словами, применение данной дискурсивно-семиотической техники заставляет электорат задуматься о правильности своего выбора.

Наиболее продуктивными средствами выражения недоверия выступают лексические единицы с семантикой недоверия и подозрительности *doubt, suspicious, risk*, лексико-грамматические конструкции, например *we can't believe*. На дискурсивном уровне нами было отмечено преимущественное использование аргументированных утверждений для обоснования неоднозначности и двуликости действий оппонентов. С этой целью приводятся статистические данные, детализация, прямые или скрытые противопоставления. Например:

The speed of formation of the Cameron-Clegg coalition is suspicious. Within five days of the election a detailed agreement was hammered out and 11 days later 2,000 Lib Dem delegates met in Birmingham to rubber-stamp it. These arrangements appear to suggest the two leaders were far closer together than anyone thought [More questions over the coalition, The Guardian, 19.05.10].

Автор выстраивает аргументацию по принципу конкретизации: лексема *suspicious* является частью обобщающего аргумента, задавая общий тон недоверия к процессу формирования коалиции партий консерваторов и либерал-демократов (*the speed of formation of the Cameron-Clegg coalition is suspicious*). Далее следует детализация причин подозрительности: недолгое время подготовки противопоставляется тщательности разработанного соглашения (*within five days of the election a detailed agreement was hammered out*), акцентируется то, как быстро партия либерал-демократов приняла коалиционное соглашение (*and 11 days later 2,000 Lib Dem delegates met in Birmingham to rubber-stamp it*). Последнее предложение (*These arrangements appear to suggest the two leaders were far closer together than any one thought*) представляет собой утверждение, основанное на приведенных фактах, эксплицирующее недоверие в силу вышесказанного.

Изучение эмпирических данных позволило установить, что реализация дискурсивно-семиотической техники выражения недоверия характеризуется высокой степенью эмоциональности, манифестируемой риторическими вопросами, часто с модальными глаголами *should, shouldn't, can, can't* в сочетаниях *How can they...? Why should we...?*; параллельными синтаксическими конструкциями, метафорами, разговорными фразами: *How come the Lib Dems had a conversion to the centre-right so quickly? And if this is about a new politics, how come so much is was stitched up behind closed doors?* [More questions over the coalition, The Guardian, 19.05.10]. Автор использует два риторических вопроса, включающих анафорические параллельные синтаксические конструкции. Риторический вопрос предполагает прямую адресацию к слушателям и внешне представляет собой попытку задать вопрос, ответа на который не требуется и который всем хорошо известен. Анафора придает риторическим вопросам остроту и подчеркивает недоверие автора к сложившейся ситуации. Выражение *how come* относится к разговорной речи и звучит несколько иронично: *Каким же это образом? Это почему же?* Метафоры *stitched up, behind closed doors* усиливают негативный воздействующий эффект на реципиента.

Эмоциональное воздействие в рамках техники выражения недоверия осуществляется также за счет использования средств упрощения представляемых аргументов, а именно: параллельных синтаксических

и грамматических конструкций, единиц с семантикой контраста. Кроме того, воздействующий эффект достигается посредством употребления однородных членов предложения и негативно коннотированной лексики:

Are you happy to bet your job, your house, your families' future on the judgement of George Osborne? A man with an unbroken record of getting it wrong. His inexperience is a risk. His judgement is a risk.

His values are wrong. His policies are a risk. To jobs, living standards, tax credits, family finances, schools and hospitals.

Why should anyone believe that a man who got it so spectacularly wrong in the recession should suddenly get it right on the recovery. He won't [Alistar Darling, 2010].

Пример взят из речи лейбориста Алистара Дарлинга в адрес консерватора Джорджа Осборна, являющихся действующим и теневым канцлерами казначейства. Эмоционализация реализуется здесь упрощением аргументов через употребление однородных членов предложения: *to bet your job, your house, your families' future*) и *[risk] to jobs, living standards, tax credits, family finances, schools and hospitals*; параллельных синтаксических конструкций с эпитетом: *His inexperience is a risk. His judgement is a risk. His policies are a risk*. Также активно используется негативно коннотированная лексика в адрес действий оппонента (*inexperience, risk, wrong*); контраст (*got it wrong – get it right, in the recession – on the recovery*) и усиливающие этот контраст наречия, имеющие целью более сильное эмоциональное воздействие (*so spectacularly, suddenly*); риторический вопрос с модальной конструкцией *why should anyone believe*. Все эти средства задают тон сомнения и таким образом реализуют пресуппозицию недоверия.

Наблюдения показали, что одним из важных средств реализации дискурсивно-семиотической техники выражения недоверия является упоминание оппонентов в негативном контексте. Довольно ярким примером служит высказывание Дэвида Кэмерона в адрес лейбористского правительства, в котором, помимо двойного повтора номинации *A Labour Government* в анафорической позиции, детально описана негативная ситуация посредством использования числительных (*almost a million more people*), негативно коннотированной лексики (*deep poverty, dump, scrapheap of unemployment*), однокоренных слов (*rich richer, poorest poorer*):

A Labour Government – a Labour Government – that's pushed almost a million more people into deep poverty.

A Labour Government – a Labour Government – that's dumped almost a million young people onto the scrapheap of unemployment.

A Labour Government – yes a Labour Government – that made the rich richer and the poorest poorer [David Cameron, 08.02.10].

3.1.3. Стратегия трансформации

Стратегия трансформации нацелена на дискурсивную экспликацию изменения сложившегося образа «чужого» и несет в себе интенции либо изменения текущего положения дел, либо констатации уже произошедших перемен. Оба направления ориентированы на положительное представление себя и негативное представление оппонентов. Наиболее активной дискурсивно-семиотической техникой здесь является **пресуппозиция негативного настоящего с последующим предложением выхода из сложившейся ситуации**. Основная задача данной техники заключается в демонстрации того, как можно преодолеть негативную ситуацию, сложившуюся на данный момент. При этом идет очень четкое позиционирование себя как «спасателей», а оппонентов – как тех, кто создал проблемы, трудности и т. д. Актуальными средствами реализации пресуппозиции негативного настоящего с последующим предложением выхода из сложившейся ситуации являются, с одной стороны, негативно коннотированные эпитеты при описании текущего положения дел, часто гиперболизированные, имеющие целью усилить негативизм сложившейся ситуации, и, с другой стороны, лексические единицы со значением урегулирования проблем, помощи, выхода (например, *rescue*, *way out*). На уровне грамматики используются формы будущего времени (Future Simple Tense) или формы настоящего времени с отнесенностью к будущему (Present Continuous Tense). Например:

We've got a monster deficit, massive social problems, and you're on the frontline of fixing them both [David Cameron, 05.03.10].

Дэвид Кэмерон употребляет негативно коннотированные эпитеты *monster* и *massive*, описывающие текущую ситуацию (использование настоящего времени – *we've got*). Возникшая ситуация противопоставлена

возможности уладить проблемы *you're on the frontline of fixing them both*. Конструкция *to be on the frontline* относит действие к будущему, глагол *to fix* предполагает исправление, укрепление.

Характерным для данной техники является позиционирование себя как единственного ресурса выхода из сложившейся ситуации, что реализуется через использование наречия *only*, часто в сочетании с определенным артиклем и существительным *way – the only way*:

If people with progressive values don't want to go back to the same old Tories, then backing Labour is the only way to prevent it [Labour, 2010].

В приведенном примере выражение *the only way* относится к способу предотвратить возвращение к «тем же самым старым Тори» (*go back to the same old Tories*), таким образом лейбористская партия призывает избирателей с прогрессивными взглядами (*people with progressive values*) поддержать партию лейбористов. Грамматически пример представляет собой нулевой тип условных предложений, посредством которых выражаются закономерности, правила, неизменные ситуации. В таком контексте фраза *the only way* усиливает актуализацию презентации «себя» как «спасателей».

Тесно связанной с пресуппозицией негативного настоящего с последующим предложением выхода из сложившейся ситуации является дискурсивно-семиотическая техника **пресуппозиции грядущих перемен**, цель которой – продемонстрировать, что ситуация «накалена», текущее положение дел не может оставаться прежним, а перемены необходимы и неизбежны. В контексте монокультурной перспективы британской политической коммуникации данная техника становится наиболее актуальной в период предвыборной борьбы, когда авторы дискурса настраивают электорат на то, что положение дел «как есть», представленное в негативном свете, больше продолжаться не должно и изменения, чаще всего позитивные, обязательно произойдут с приходом к власти авторов дискурса.

Основными средствами выражения пресуппозиции грядущих перемен являются лексические единицы с семантикой изменений (*change, make a difference, different*), грамматические конструкции с интенцией будущего (*to be about, to be ready*):

Mr Speaker, after 13 years of Labour, Britain is ready for something different. As we stand on the brink of an election campaign where everything is to play for [Nick Clegg, 24.03.10].

Либерал-демократ Ник Клегг использует конструкции *is ready for something different* и *on the brink of an election campaign*, которые эксплицируют грядущие перемены. Дополнительно отнесенность к будущему реализуется за счет темпоральных дейктических средств, представленных в данном примере предлогом *after* (*after 13 years of Labour*).

Пресуппозиция грядущих перемен актуализируется также лексико-грамматическими конструкциями со значением необходимости перемен (*we need change, can't go on like this*). Например:

Put simply Mr Speaker, it can't go on like this. Our Armed Forces cannot take another five years of Labour. This is it – they need to be valued [Liam Fox, 01.03.10].

В примере используются параллельные конструкции с модальным глаголом в отрицательной форме *can't* и *cannot* в сочетании с лексическими средствами, реализующими интенцию длительности: в первом случае через глагол *go on*, во втором – неопределенное местоимение *another* (еще), что, на наш взгляд, ведет к усилению негативного эффекта. Способ аргументации, задействованный в примере, – конкретизация: автор сначала представляет обобщенный аргумент, а затем уточняет его, опираясь на конкретные объекты (*Our Armed Forces cannot take another five years of Labour*). «Желаемая» переменная эксплицируется в последнем предложении: *they need to be valued*. Одновременно модальный глагол *need* выражает необходимость этих перемен.

Исследование показало активное использование метафоры, что является проявлением эмоциональности британской политической речи. Метафора сопровождается грамматическими средствами отнесенности к будущему времени, например временами группы Present Continuous Tense и Future Simple Tense:

Over the next 18 months, Labour need to feel our breath on their necks.

To know that the wind of change is coming.

It may start as a gentle breeze,

But by the time Mr Brown has the courage to face the nation, it will have the force of a hurricane.

A hurricane that blows away this tired, worn out pointless government [Eric Pickles, 29.02.08].

В данном примере метафоризации подвергается лексема «ветер», представленная в разных проявлениях: *the wind of change, a gentle*

breeze, a hurricane. Интенция автора заключается в том, чтобы показать нарастающую интенсивность перемен, которые сначала более нейтрально выражены метафорой «ветер перемен» (*the wind of change*), затем – «слабый ветер» (*a gentle breeze*) и, наконец, «ураган» (*a hurricane*). Для большей экспрессивности использован риторический прием анадиплосиса, то есть повторение лексической единицы в конце одной фразы и в начале следующей: *But by the time Mr Brown has the courage to face the nation, it will have the force of a hurricane. A hurricane that blows away this tired, worn out pointless government*. Ориентированность в будущее реализуется посредством настоящего продолженного времени (Present Continuous Tense), будущего простого времени (Future Simple Tense): *is coming* и *will have*, а также через темпоральные дейктические средства: *over the next 18 months*.

Для экспликации идеи изменений в монокультурной перспективе британской политической коммуникации важной является дискурсивно-семиотическая техника, актуализирующая **пресуппозицию разницы между «теперь» и «тогда»**. Цель данной техники – акцентировать внимание на отрицательных характеристиках настоящего, которое представлено как результат «их» неверных действий и положительной презентации прошлого, возможно, связанного с «нами». В ходе работы с эмпирическим материалом было установлено, что техника по своей реализации напоминает своеобразную ностальгию по прошлому.

Лексическими средствами маркирования ситуации «теперь» и «тогда» выступают единицы *now, today*, выдвигающие на передний план сложившиеся негативные обстоятельства; грамматически разница манифестируется контрастирующими временными формами (Present Simple Tense – Past Simple Tense). Контекст представлен положительно коннотированными лексическими единицами относительно прошлого и негативно коннотированными единицами в адрес настоящего, активно используются статистические данные, экземплификация, подтверждающие разницу между «положительным» прошлым и «отрицательным» настоящим.

When Gordon Brown took over, this, our great country, was the 4th largest economy in the world. Now it is falling behind and forecast within 5 years to be the 11th, behind not just growing giants like China, but behind our neighbours France and Italy. We were ranked 7th in the world for the

competitiveness of our economy. Now we are 13th. We were 4th in the world for our tax and regulation. Now we are 84th and 86th [William Hague, 27.02.10].

Положение дел в прошлом Уильям Хааг описывает положительно коннотированной номинацией *our great country*. Наречие *now* на протяжении всего высказывания маркирует характеристики негативной ситуации, сложившейся на сегодняшний день. Для подчеркивания контраста активно задействована статистика: лучшие показатели в прошлом (в начале правления Гордона Брауна) и удручающие данные сейчас (*4th largest economy in the world – Now it is falling behind and forecast within 5 years to be the 11th, We were ranked 7th in the world for the competitiveness of our economy – Now we are 13th, We were 4th in the world for our tax and regulation – Now we are 84th and 86th*).

Посредством визуализации пресуппозиция разницы между «теперь» и «тогда» реализуется изображениями, выражающими идею позитивного прошлого и негативного настоящего (рис. 10):

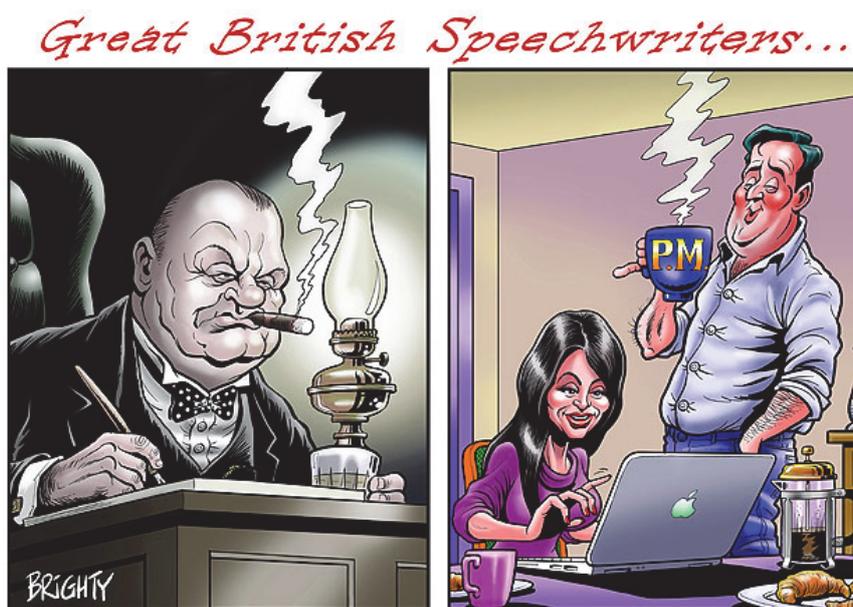

Рис. 10. Bright, S. Great British speechwriters // The Sun. – 28.01.13

Изображение состоит из двух частей, представляющих общественных деятелей в процессе подготовки политических речей (о чем свидетельствует надпись над изображением – *Great British Speechwriters*). Левая часть изображения представлена в черно-белом цвете, правая –

цветная. На черно-белой части изображения – Уинстон Черчилль, признанный выдающийся политик Великобритании, который в данном контексте имплицитно представляет «положительное прошлое». У. Черчилль сосредоточен на собственноручном написании речи, из атрибутов у него только ручка, бумага и лампа. На наш взгляд, интенция автора заключается в репрезентации серьезного, вдумчивого подхода к решению политических вопросов. На цветной части изображения – нынешний премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон (дополнительным средством идентификации служит надпись на кружке, которую держит политик – *P.M.*, – известная аббревиатура для обозначения должности премьер-министра – *Prime Minister*). Д. Кэмерон представляет «негативное настоящее», которое реализуется в общем контексте происходящего: премьер-министр диктует речь секретарю; улыбки на лицах, поза премьер-министра, присутствие на изображении дополнительных атрибутов в виде чая и булочек свидетельствуют о непринужденности ситуации, возможно, несерьезном отношении к подготовке выступления. Создается впечатление, что речь готовится «между делом». Вторая часть изображения и надпись *Great British Speechwriters* позволяет увидеть интенцию автора подчеркнуть разницу между серьезным вдумчивым, сконцентрированным подходом У. Черчилля («тогда») и несерьезным, поверхностным отношением Д. Кэмерона («теперь»).

3.1.4. Деструктивная стратегия

Деструктивная стратегия направлена на дискурсивную интенсификацию чужеродности. Наиболее распространенными здесь являются две техники: **дискурсивно-семиотическая техника умаления авторитета**, которая чаще всего носит менее агрессивный характер, и **дискурсивно-семиотическая техника обвинения** в адрес оппонента, более агрессивная.

Дискурсивно-семиотическая техника умаления авторитета нацелена на разоблачение и дискредитацию «чужих» и актуализируется преимущественно за счет детального описания действий оппонентов в негативном контексте посредством отрицательно коннотированных прилагательных и глаголов (*fail, lack, unable*); экземплификации негатив-

ных характеристик, маркированных лексическими единицами *illustrate, show, describe, demonstrate*; фиктивных сценариев. Например:

Nothing has better illustrated Cameron's inexperience and lack of judgement than his intervention in the South Ossetia conflict in 2008, when he rushed to Tbilisi to declare his support for embattled Georgia, which, he wrongly claimed, had been «illegally invaded» by Russia [Mehdi Hasan, *New Statesman*, 16.04.10].

Журналист использует негативно коннотированные лексические единицы *inexperience, lack of judgement* в адрес Дэвида Кэмерона как иллюстрацию его «неверной», по мнению автора статьи, позиции. Неодобрение автора эксплицируется наречием *wrongly* в выражении *he wrongly claimed* и графически при помощи кавычек в выражении «*illegally invaded*» by Russia. Глагол *illustrate* способствует усилению воздействия путем визуализации негативно оцениваемого поведения Д. Кэмерона, при этом синтаксическая конструкция *nothing has better... than* используется для усиления эффекта «эксклюзивности» негативных качеств оппонента.

Нередко техника умаления авторитета маркируется конструкциями *let's make it clear* или *I want to be clear, let's be fair*, стоящими в начале или середине предложения. Имплицитно подобные конструкции направлены на укрепление доверительных отношений автора дискурса с реципиентом и в контексте с негативными характеристиками в адрес оппонента усиливают дискредитирующий эффект, тем самым умаляя авторитет «чужого».

They want us to stand up, grasp this issue by the scruff of the neck and start dealing with it. And I want to make something very clear: I believe Gordon Brown has proved he is just not capable of doing that [David Cameron, 25.01.10].

Конструкция *I want to make something very clear* предвосхищает идею Дэвида Кэмерона о несостоятельности оппонента, актуализированную при помощи выражения *he is just not capable*. Решительные действия, ожидаемые от партии консерваторов, эксплицируются метафорой *grasp this issue by the scruff of the neck*, при этом выражение *I want to make something very clear*, разделяющее «свои» уверенные действия и неспособность на них оппонентов, позволяет сконцентрировать внимание слушающих на негативной презентации «чужих».

Активным дискурсивным средством реализации техники умаления авторитета в монокультурной перспективе британского политического дискурса является упрощение представляемых аргументов: на уровне семантики это выражено через лексические единицы *simple* или *the simple truth*; на синтаксическом уровне – посредством простых предложений, повтора слов в рамках нескольких предложений и синтаксического параллелизма, а также использования противопоставлений. При помощи упрощения автор дискурса представляет поведение оппонентов в виде своеобразной «схемы», предлагая только ключевые (негативные) позиции, что является очень сильным средством манипулирования общественным сознанием и ведет к умалению авторитета «чужих». Например:

But here's the simple truth. Labour's mistakes have left Britain with two great problems. A broken economy and a broken society. The problem with the economy is immediate and short-term. But the problem with society is more fundamental and long-term [David Cameron, 12.02.10].

Реплика инициируется фразой *here's the simple truth*, которая предполагает дальнейшее объяснение (или разоблачение) позиции оппонентов. В данном примере Дэвид Кэмерон разоблачает действия лейбористов, о чем свидетельствует предложение *Labour's mistakes have left Britain with two great problems* с негативно коннотированными лексемами *mistakes* и *problems* (последняя усилена эпитетом *great*). Слово *problems* присутствует в структуре практически каждого предложения: *with two great problems, the problem with the economy, the problem with society*. Лексема *broken* повторяется в качестве эпитета к двум словам в одном предложении. Два последних предложения имеют одинаковую синтаксическую структуру и содержат эксплицитное противопоставление *short-term – long-term*. Таким образом, Д. Кэмерон позиционирует оппонентов как виновных в существующих проблемах, что, безусловно, умаляет их авторитет в глазах электората.

Противопоставление как средство актуализации дискурсивно-семиотической техники умаления авторитета может иметь имплицитный характер и выражаться несоответствием «слов и дела»:

We are committed to letting the people decide on a more legitimate way of electing MPs, but our proposals were blocked yesterday by a Conservative Party that likes to talk about change, but never to deliver it [Gordon Brown, 07.04.10].

Гордон Браун дискредитирует консервативную партию намеком на то, что консерваторы любят говорить о перемене, но не претворяют ее в жизнь (*[Conservative Party] that likes to talk about change, but never to deliver it*); несоответствие «слов и дела» выражается в противопоставлении глаголов *to talk* в сочетании с глаголом *likes* и *to deliver* с наречием *never*.

Дискурсивным средством реализации техники умаления авторитета является рефрейминг содержания, основанный на переоценивании и наполнении новым содержанием высказываний оппонентов. В работе Р. Бэндлера и Д. Гриндера слово *reframe* трактуется следующим образом: «вставить в новую рамку (ту же картину)», «вставить в ту же рамку (новую картину)», «заново приспособить», «по новому сформулировать» [Бэндлер, Гриндер, 1995]. Чаще всего «новая» интерпретация позиционирует оппонента в невыгодном для него свете. В качестве примера рассмотрим отрывок из речи консерватора Эрика Пиклза, в котором политик интерпретирует высказывания оппонентов, придавая им «новый» смысл.

What has always fascinated me about New Labour Speak is its knack of saying one thing that means exactly the opposite.

Let me give you a few examples so that you too can enjoy New Labour Speak.

Now let's try a phrase «freedom to local Councils».

In New Labour speak this does not mean «here are our proposals what do you think?» No it really means «this is what we are going to do and anyone who disagrees is a scaremonger».

«Localism», in New Labour Speak means «Central control delivered through Regional Quangos».

As any councillor in the audience will tell you what this actually means is «Jump when we tell you – we will leave it up to you to decide how high».

The final and newest addition to the Labour lexicon comes from Gordon Brown himself.

When he pledges to «robustly protect the Green Belt», what he is actually saying is «Please don't stand in front of the Bulldozer – we have concrete to lay» [Eric Pickles, 30.09.07].

Пример представляет собой субъективную интерпретацию высказываний оппонентов с целью умаления их авторитета. Так, демократичная по

своей семантической природе фраза *freedom to local Councils*, которая должна была бы, по мнению Э. Пиклза, трактоваться как *Here are our proposals. What do you think?* («Вот наши предложения. Что вы об этом думаете?») Однако с позиции лейбористов (какой ее видит Э. Пиклз) на самом деле означает *this is what we are going to do and anyone who disagrees is a scaremonger* («Это то, что мы собираемся делать, и тот, кто не согласен – паникер»). Налицо негативное толкование той же самой фразы. Далее автор приводит еще несколько примеров «другого» определения понятий: *localism – Central control delivered through Regional Quangos; robustly protect the Green Belt – Please don't stand in front of the Bulldozer – we have concrete to lay*. Общий тон примера ироничный, о чем свидетельствует, например, использование положительно коннотированного глагола *enjoy* в сочетании с негативной трактовкой реплик оппонентов. Приведенное высказывание также может быть иллюстрацией так называемого фиктивного сценария, когда «чужим» «приписываются» определенные роли, в соответствии с которыми они якобы действуют. В данном случае, интерпретируя фразы лейбористов, Э. Пиклз тиражирует придуманный им негативный образ позиции оппонентов.

Характерной чертой реализации деструктивной стратегии является наличие обширного контекста, способствующего нагнетанию негативизма. В связи с этим для манифестации умаления авторитета используется детальное описание отрицательных особенностей или поступков оппонентов. В приведенном ниже примере Дэвид Кэмерон описывает процесс подготовки и принятия законопроекта в палате общин.

Let me take you on the journey of a piece of legislation as it passes through the modern House of Commons.

It's likely to have been dreamt up on the sofa of Number Ten.

A Bill gets drafted.

It's sent to the House for a couple of hours of routine debate among a few MPs.

Then the bell rings, the whip gets cracked and suddenly, out of nowhere, all these other MPs turn up to vote.

More often than not, they don't even know what they're voting for.

<...>

Every Bill now has a «programme motion» setting out how much time can be spent scrutinising and debating each part.

These are automatic guillotines, and the time allowed for scrutiny is set in advance, before anyone can see whether or not a particular issue is contentious or complex.

Watching a minister in the Commons drawing out one point for an hour to fill the time, to an audience of dozing backbenchers – this is not accountability.

How has the mother of all Parliaments turned itself into such a pliant child? [David Cameron, 26.05.09].

Детальное описание негативных действий оппонентов преследует цель утвердить электорат в мысли о том, что действующая власть безответственна, безразлична, бюрократична. Общий негативный контекст складывается из представленных «шагов», дискредитирующих правительство: *It [a Bill]'s likely to have been dreamt up on the sofa of Number Ten* – метафора *sofa government* является символом бездействия; глагол *dream up*, имеющий значение «выдумывать, придумывать, сочинять», принижает статус законопроекта, «созданного» таким образом. Следующий «шаг» – *It's sent to the House for a couple of hours of routine debate among a few MPs*. Данная реплика подчеркивает несерьезность процедуры рассмотрения закона посредством использования разговорной фразы *for a couple of hours* («на пару часов») и местоимения *a few* («несколькими [членами парламента]»). Третий «шаг» демонстрирует процесс голосования, опять же представляя ситуацию в негативном свете – *Then the bell rings, the whip gets cracked and suddenly, out of nowhere, all these other MPs turn up to vote. More often than not, they don't even know what they're voting for*. Появление членов парламента именно в момент голосования Д. Кэмерон называет «внезапным, из ниоткуда» (*suddenly, out of nowhere*), добавляя при этом дискредитирующую реплику *they don't even know what they're voting for*, где *even* используется для усиления дискредитирующей интенции. Семантическая конструкция *more often than not* реализует пресуппозицию негативного постоянства в безответственном отношении к процессу принятия законов. В противовес такому «легкому» подходу Кэмерон называет следующий «шаг», когда закон обсуждается и, вне зависимости от сложности вопроса, обсуждение длится отведенное и утвержденное для него время. Результат – дремлющие на задних рядах члены парламента: *These are automatic guillotines, and the time allowed for scrutiny is set in advance, before anyone can*

*see whether or not a particular issue is contentious or complex. Watching a minister in the Commons drawing out one point for an hour to fill the time, to an audience of dozing backbenchers – this is not accountability (негативно окрашенная фраза в адрес несостоятельной системы (*automatic guillotines*), стремление показать ненужность действия (*to fill the time*) и, наконец, критика в качестве вывода – *this is not accountability*). Тон данного примера ироничный, автор использует индуктивный способ построения аргументов, то есть от частных «шагов» к более глобальному выводу, который выражен в форме риторического вопроса и содержит метафорические элементы: *How has the mother of all Parliaments turned itself into such a pliant child?**

Анализ визуального материала подтвердил, что техника умаления авторитета актуализируется также через изображения. Субъекты («чужие») показаны в сложной, явно запутанной ситуации и не знают, как из нее выйти, что имплицитно подразумевает некомпетентность, отсутствие четкой позиции. Например, рис. 11:

Рис. 11. Brown, D. Cartoon – Do you think it's a Recovery? // The Independent. – 26.04.13

Премьер-министр Дэвид Кэмерон и канцлер казначейства Джордж Осборн представлены в образе героев известного произведения Алана Милна – Винни-Пуха и Пятачка. Изображение сделано в виде страницы

из детской книги и снабжено репликами одного из героев, что значительно дополняет визуальный компонент и придает остроты негативно-му позиционированию правительства. Итак, мы видим Винни-Пуха и Пятачка, которые в поисках верного пути ходят по кругу, не осознавая этого. Винни-Пух, репрезентирующий Д. Кэмерона, озадачен сложившейся ситуацией, однако Пятачок (Дж. Осборн) все еще верит, что они движутся в правильном направлении, о чем свидетельствует вербальная составляющая изображения: «Следы, – сказал Пятачок. – Мы на правильном пути». Он воодушевленно взвизгнул: «О! Пух, ты думаешь, это... выход?» Таким образом, изображение эксплицирует запутанную ситуацию (следы по кругу); замешательство Винни-Пуха выражает некомпетентность руководителя правительства, а бездумное следование Пятачка за своим другом говорит о несамостоятельности правительственного аппарата, что подтверждается вербально. На наш взгляд, данное изображение направлено на дискредитацию «чужих», умаление их авторитета в глазах электората.

Дискурсивно-семиотическая техника обвинения является более агрессивной, и если техника умаления авторитета характеризуется непрямыми, часто завуалированными высказываниями в адрес оппонента, то техника обвинения может содержать элементы (фиктивного) прямого обращения к оппоненту с обвинительными высказываниями, что придает ей бóльшую эмоциональность. С точки зрения содержания техника обвинения представлена такими тематическими блоками, как обвинение в неискренности по отношению к народу, в разрушении страны и системы, в трусости, некомпетентности, бездействии, непоследовательности и др.

Как показало исследование, на языковом уровне техника обвинения реализуется негативно коннотированными лексемами с семантикой оскорбления, метафорами, грамматическими и синтаксическими параллельными конструкциями для придания речи выразительности.

Because this Prime Minister has single handedly destroyed our country
He has destroyed our economy
He has failed to meet the great social challenges facing our country
And his legacy will be one of neglect and cynicism
It is a legacy of failure
So if you're listening Mr Brown – I'll tell you why

Because YOU, Mr Brown, have dithered and delayed
Because YOU, Mr Brown, have flapped and flustered
Because YOU, Mr Brown, spend more time facing down mutinies
in your own party than running our country.

Because YOU have unleashed the forces of hell on your own [Eric Pickles. 28.02.10]. (Местоимение YOU выделено заглавными буквами в оригинальном тексте речи.)

Пример актуализирует обвинение в разрушении страны. Консерватор Эрик Пиклз ассимилирует себя с народом, что эксплицируется с помощью дейктической единицы *our* (*our country, our economy*). Все высказывание эмоционально окрашено за счет использования большого количества негативно коннотированных лексем (*single handedly destroyed, failed, neglect, cynicism, failure, dithered, delayed, flapped, flustered*), метафоры (*unleashed the forces of hell*). Вторая часть примера содержит местоимение *you*, которое является в данной ситуации фиктивным обращением (*I'll tell you why*), то есть высказано не в ситуации *face-to-face*, а «заочно», как если бы оппонент слышал говорящего (*if you're listening Mr Brown*). Конструкции *single handedly* и *on your own* придают обвинению более личностный характер, что сближает обвинение с оскорблением. Воздействующий эффект достигается также посредством использования грамматических и синтаксических параллельных конструкций, анафоры.

Характерная черта британского политического дискурса – подчеркивание действий, сделанных для народа, в интересах страны, поэтому фактор неискренности в отношении электората очень часто является предметом обвинения среди политических деятелей. В основном при этом задействованы лексические единицы со значением «честность», «искренность», «прямолинейность» в контексте отсутствия данных качеств у оппонента.

При общей тенденции к активному использованию метафоры и других выразительных средств для реализации дискурсивно-семиотической техники обвинения в британской политической коммуникации, особое внимание следует обратить на метафоры театральности и эпитеты со значением «вымышленности», «подделки» с целью демонстрации обмана народа. В качестве примера рассмотрим отрывок из речи лидера либерал-демократической партии Ника Клегга, произнесен-

ной им на заседании парламента в ответ на выступление консервативной партии по поводу бюджета на 2010 год:

The battle we have just seen between the Chancellor and the Leader of the Opposition was a depressing spectacle. A phoney war to cover up the fact that they are both the same: Neither has the courage to come up with details of the cuts we need to tackle Britain's deficit. Neither is being straight with people about the tough times ahead. This budget was a budget in denial about the scale of change needed. About as honest as the CV of the hon member for North Tyneside. It is built on growth figures that are unlikely to materialise. It is built on false comfort from a small drop in borrowing that doesn't affect the structural deficit. And above all, it is a budget in denial about the cuts needed. We have had just waffle today [Nick Clegg, 24.03.10].

Обобщенно Ник Клегг представляет ситуацию метафорой театральности с негативно коннотированным прилагательным – *depressing spectacle*, которая характеризует общий тон недовольства лидера партии либерал-демократов в адрес оппозиции. «Нереальность», «фальшивость» позиции консерваторов выражена эпитетом *phoney*, демонстрирующим действия «напоказ», очевидный обман граждан. И наконец, грубая номинация *waffle* (ерунда, вздор) «подытоживает» негативное отношение Н. Клегга к услышанному. Непосредственные обвинения в недосказанности, утаивании от народа реальной ситуации, трусости эксплицируются лексическими единицами с семантикой отрицания *neither, denial: neither is being straight with people, this budget was a budget in denial about the scale of change needed, neither has the courage to come up with details of the cuts*. На обман также указывают обвинения в фальсификации: *built on growth figures that are unlikely to materialise, built on false comfort* посредством использования модальной конструкции *to be unlikely* и прилагательного *false*. Дополнительно можно отметить, что в примере актуализируется дискурсивно-семиотическая техника акцентирования внимания на негативной схожести, описанная ранее. Средствами ее реализации здесь являются конструкция *they are both the same* и местоимение *neither* (ни один, ни другой), задействованное дважды в анафорической синтаксической конструкции.

Таким образом, проанализировав дискурсивно-семиотические техники репрезентации чужеродности в монокультурной перспективе британской политической коммуникации, мы выявили наиболее актуальные

лингвистические, дискурсивные и визуальные средства, актуализирующие идею чужеродности в процессе дискурсивного конструирования. Общей для всех техник тенденцией является приоритет лексических средств манифестации чужеродности, а именно: лексических единиц и метафор с семантикой выбора, различия, перемен, недоверия, обвинения, оскорбления. На морфологическом и синтаксическом уровнях в монокультурной перспективе преобладают сравнительные конструкции, синтаксический параллелизм, однородные члены предложения. Среди дискурсивных средств эффективными являются риторические вопросы, фиктивные сценарии, рефрейминг содержания, намеки, детализация. Визуальные средства в основном репрезентируют образы ключевых политических деятелей Великобритании, актуализируя интердискурсивные монокультурные связи; изображения характеризуются высокой степенью детализации.

3.2. ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

С точки зрения межкультурной перспективы «чужими» по отношению к британскому национально-лингвокогнитивному сообществу являются все небританские политические партии и сообщества. В рамках данного исследования мы рассматривали примеры взаимодействия Великобритании с Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки, Францией, Германией, Китаем, Ираном, Ираком, Афганистаном, Сирией и другими государствами.

Основным источником эмпирического материала послужили публикации в британских СМИ, связанные с международными отношениями; выступления политиков на заседаниях парламента и речи британских политиков, посвященные вопросам международной политики. При сборе материала мы ориентировались на освещенные в прессе крупные международные мероприятия; ситуации, в которых происходило столкновение интересов Великобритании и других стран; отраженная в СМИ реакция Великобритании на мировые политические события.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что репрезентация чужеродности в межкультурной перспективе британской политической коммуникации характеризуется формальностью и официальностью выражения, тенденцией к эмоционализации, склонностью к критике, стремлением к четкому разграничению «своего» и «чужого», подчеркнутым желанием найти компромисс, позиционированием себя как «помощников» в урегулировании конфликтов или выходе из затруднительного положения. Проанализировав различные случаи проявления отношений чужеродности в межкультурной перспективе, мы обнаружили, что средства английского языка и дискурса отражают интенции политиков и реализуют негативную, нейтральную или позитивную формы актуализации. Следует также учитывать, что в межкультурной перспективе мы рассматриваем британское национально-лингвокогнитивное сообщество как единую группу и не акцентируем внимание на том, какую из британских партий поддерживает автор дискурса.

3.2.1. Стратегия идентификации чужеродности

Целью стратегии идентификации чужеродности является дискурсивное формирование сфер «свое» и «чужое». Проведенный анализ показал, что для межкультурной перспективы британской политической коммуникации характерно стремление четко определить границы «своего» и «чужого» и обозначить свою позицию по отношению к этому «чужому». Следует отметить, что мы предпочитаем не использовать термин «оппонент», поскольку отношения чужеродности в межкультурной перспективе не всегда ориентированы на соперничество; скорее здесь речь идет именно о «чужих» как представителях небританских национально-лингво-когнитивных сообществ, с которыми выстраиваются разнообразные отношения в зависимости от сложившихся исторических и политических обстоятельств. В связи с этим в качестве одной из основных была выделена **дискурсивно-семиотическая техника оценочного позиционирования других государств**, которая позволяет определить позицию «чужих» посредством нейтральной, положительной или отрицательной идентификации.

Нейтральная идентификация актуализируется посредством личных и пространственных номинаций (*Russia, Russians, China, the US, Obama*):

...both Russia and China have adopted a tougher stance on the issue of new sanctions against Iran [Liam Fox, 15.10.09].

В данном случае номинации не несут явной оценочной коннотации, а используются для нейтрального маркирования «чужих».

Кроме того, активно употребляются дейктические средства (*there, in Beijing, in Ukraine, they, them, their*), выполняя роль либо нейтральных идентификаторов группы «чужих», либо приобретая контекстуально опосредованную окраску. Например:

What I noticed there was that the Chinese and the Russians, they only listened to what we were saying because I was representing the largest single market in the world of 475 million consumers [Nick Clegg, Second prime ministerial debate, 23.04.10].

В данном примере Ник Клегг использует наречие *there*, ссылаясь на встречу, и местоимение *they*, идентифицирующее китайскую и российскую стороны. Дейктические средства здесь способствуют противопоставлению Великобритании группе Россия–Китай, о чем дополнительно свидетельствует дублирование Н. Клеггом подлежащего: *the Chinese and the Russians, they only listened...* Однако, основываясь на интерпретации контекста, мы полагаем, что интенция автора заключается в том, чтобы подчеркнуть значимость Китая и России, а также положительно позиционировать Великобританию. Представляя Китай и Россию как государства, которые «не всех слушают», политик косвенно выражает идею, что Великобритания «попала в число избранных, имея определенные заслуги и достижения» (*they only listened to what we were saying because I was representing the largest single market in the world of 475 million consumers*).

Нейтральное, позитивное или негативное позиционирование «чужих» осуществляется преимущественно за счет лексических средств. В ходе исследования мы выявили, что для экспликации определенной позиции, выражающей отношение к «нам», используются лексические единицы *rival, opponent, ally, friend*:

Today China is a rival, rather than an opponent, and there is of course a danger that any prophesy becomes self-fulfilling [Timothy Kirkhope, 17.02.10].

Тимоти Керкхоуп тщательно выбирает номинацию, называя Китай не соперником (*opponent*), а конкурентом (*rival*), то есть тем, с кем нужно не бороться, а кого нужно брать в расчет, чьи интересы нужно принимать во внимание. На наш взгляд, таким образом имплицитно реализуется интенция положительной идентификации «чужих».

Приведем пример эксплицитной положительной идентификации:

Without doubt the US is the most important ally of the UK [William Hague, 14.05.10].

Уильям Хаг использует положительно коннотированную номинацию *ally* в адрес Соединенных Штатов Америки, при этом воздействующий эффект усиливается за счет превосходной степени прилагательного *important*.

Наблюдения показали, что позиционирование в межкультурной перспективе британского политического дискурса в основном реализует негативные идентификации и осуществляется с помощью оценочных эпитетов, метафоры и метонимии с семантикой неодобрения:

But as ethnic violence, score-settling, and political confusion continue to roil the impoverished central Asian country, the coming question is whether a clever-boots Kremlin has bitten off more than it can chew [Simon Tisdall, The Guardian, 21.04.10].

Номинация в адрес Киргизии (*central Asian country*) представлена оценочным эпитетом *impoverished* («обедневший»). Автор использует метафорическую конструкцию *has bitten off more than it can chew*, которая в сочетании с эпитетом *clever-boots* («умники») и метонимической номинацией *Kremlin* выражает неодобрение позиции России.

В качестве эмоционально окрашенной негативно коннотированной номинации выступает ярлык:

But the improved climate in the relationship between Washington and Moscow that New Start puts on display is important because it decreases the chances that Russia will act as a «spoiler» just to thwart the US goal [Max Bergmann, Samuel Charap and Peter Juul, The Guardian, 09.04.10].

Номинация *spoiler* (третий кандидат на выборах, портящий шансы наиболее вероятного победителя) в адрес России является примером ярлыка, актуализирующего интенцию недоверия, которая усиливается в сочетании с дальнейшей фразой *just to thwart the US goals*, придающей вероятным действиям российской стороны непредсказуемый характер.

Визуализация оценочного позиционирования других государств представлена либо через образы ключевых политических фигур, либо изображением группы людей, однозначно идентифицирующихся с определенным народом. Наблюдения показали, что в иллюстрации реализуется интерпретация политической линии «чужих», а не конкретных высказываний или действий. Образы более обобщенные, метафоры общеизвестные, присутствует элемент стереотипизации. Так, изображение на первой странице журнала *New Statesman* канцлера Германии Ангелы Меркель в образе терминатора является примером однозначно негативного позиционирования «чужого» (рис. 12):

Рис. 12. Europe's most dangerous leader // New Statesman. – 26.06.12

Одна сторона лица канцлера выражает спокойствие, уверенность, вторая – «вскрывает» сущность безжалостной неостановимой машины (тот образ, с которым ассоциируется робот из известного американского фильма «Терминатор»). Помимо актуализации на уровне визуаль-

ных средств важную роль в интерпретации интенции автора играет вербальный компонент. Надпись *Europe's most dangerous leader* содержит негативно коннотированное прилагательное *dangerous* в превосходной степени, усиливающее воздействующий эффект. В надписи ниже также присутствуют лексические единицы с семантикой снижения роста, застоя: *before she terminates growth, new Depression*. Используя глагол *to terminate*, автор «связывает» визуальный и вербальный компоненты мультимодального текста, интенсифицируя силу воздействия на реципиента.

Второй важной техникой в рамках стратегии идентификации «чужих» является **дискурсивно-семиотическая техника патерналистского отношения**, которая также позволяет определить «свою» позицию в адрес «чужих». Термин «патернализм» непосредственно связан с исследованием чужеродности, поскольку актуализирует отношения «чужого» и более влиятельного «господина», который считает своим долгом проявлять заботу и заступничество по отношению к «чужаку» [Белецкий, 2010]. Обязательным является имплицитное или эксплицитное присутствие адресата, на которого направлено патерналистское отношение. Следует отметить, что идея патерналистского отношения не всегда имеет положительные коннотации, поскольку при анализе контекста становится очевидно, что патерналистские отношения предполагают некоторую зависимость или подчинение того, кому оказывается помощь.

Техника патерналистского отношения характерна только для межкультурной перспективы британской политической коммуникации. Основными средствами ее манифестации являются лексические единицы с семантикой заботы, попечительства, помощи, обеспечения безопасности, мира, стабильности, партнерства (*support, help, safety, train, partner, contact*). В качестве примеров приведем два высказывания Гордона Брауна (в обоих случаях занимающего пост премьер-министра Великобритании) в отношении Афганистана:

Over the next nine months, President Karzai will be expected to implement, with our support and that of our international partners, far-reaching reforms to ensure that from now on all 400 provinces and districts have a governor appointed on merit, free from corruption with clearly defined roles, skills and resources [Gordon Brown, Hansard, 30.11.09].

Конструкция *with our support* эксплицирует намерение Великобритании помочь (вместе с другими международными партнерами) афганскому президенту провести реформы. Однако использование в контексте выражения с пассивной формой *President Karzai will be expected to implement* указывает, по нашему мнению, на «навязанное» оказание помощи.

Our strategy in Afghanistan depends on contact with the local people, persuading them they are safe with us and safe in an Afghanistan free of the Taliban [Gordon Brown, Second prime ministerial debate, 23.04.10].

Намерение позаботиться выражается в конструкции *they are safe with us*; лексема *contact* также имеет положительные коннотации и предполагает диалог, сотрудничество. Однако причастие *persuading* со значением «уговаривая, убеждая» несет, на наш взгляд, интенцию вмешательства.

В ходе анализа были зафиксированы примеры, демонстрирующие контраст между сложившейся негативной ситуацией и ролью Великобритании в качестве путевода, убежища или миротворца. Намерение автора здесь заключается в имплицитном и эксплицитном подчеркивании значительной роли Великобритании на мировой политической арене. Нередко это сопровождается преуменьшением роли «чужого», а именно того, кто является виновником сложившейся неблагоприятной ситуации:

This time round, all the indicators on the state of the relationship are negative. British companies have been shouldered out of joint ventures in Russia. Embassy and British Council staff have been harassed by a pro-Putin youth movement, Britain has emerged as a haven for wealthy Russian dissidents, and the Litvinenko affair, involving a horrific assassination and the dispersal of lethally radioactive material around London, is in itself far more than a spy scandal [Julian Borger, the Guardian, 17.07.07].

Контраст реализуется за счет негативно коннотированных лексических конструкций, характеризующих взаимоотношения России и Великобритании в июле 2007 года (*all the indicators on the state of the relationship are negative, shouldered out, harassed, a horrific assassination, the dispersal of lethally radioactive material around London, far more than a spy scandal*), усиленных параллельными синтаксическими конструкциями, которые также способствуют более трагическому восприятию накоп-

ленных проблем и позиционированию Великобритании как убежища для «богатых российских диссидентов» (*Britain has emerged as a haven for wealthy Russian dissidents*).

Исследование показало, что стремление оказать помощь и поддержку может принимать форму прямого обращения к потенциальным «нуждающимся в помощи». Подобный способ презентации материала способствует созданию более сильного воздействующего эффекта. Рассмотрим заявление Дэвида Кэмерона, сделанное им на саммите G8 в Довиле в мае 2011 года и цитированное британской газетой *The Guardian*. Высказывание обращено к государствам Ближнего Востока и Северной Африки:

We'll help you build your democracies; we'll help you build your economies; we'll help you with trade – we'll help you in all the ways that we can, because the alternative to successful democracies is more of the poisonous extremism that has done so much damage in our world [David Cameron, *The Guardian*, 26.05.11].

В своем прямом обращении британский премьер-министр использует положительно коннотированные лексемы *help, build, successful democracies*, анафорические повторы и синтаксический параллелизм, способствующие большей убедительности высказывания. Немаловажным является тот факт, что желание помочь странам Ближнего Востока и Северной Африки связано со стремлением спасти мир от экстремизма, что выражено в предложении *because the alternative to successful democracies is more of the poisonous extremism that has done so much damage in our world*. Таким образом, мы делаем вывод, что интенция автора – не только показать готовность помочь, но и подчеркнуть значимость Великобритании.

При реализации дискурсивно-семиотической техники патерналистского отношения визуальными средствами обязательным компонентом является имплицитное или эксплицитное присутствие в мультимодальном тексте адресанта и адресата коммуникации, то есть того, кто оказывает помощь или защиту, и того, кто их получает. Обнаружено, что интенция покровительства манифестируется через невербальные знаки оказания помощи, например один персонаж изображения передает что-то другому или, по крайней мере, стремится это сделать; положение руки поверх объекта с интенцией конструктивного воздействия на этот

объект и др. Демонстрируем один из подобных примеров, представляющий собранный корпус материалов (рис. 13).

Рис. 13. Kuhn, L. The hand over // Morning Star. – 30.09.12

На наш взгляд, изображение актуализирует негативное проявление техники патерналистского отношения. Очевидно, что рука в манжете с изображением британского флага актуализирует образ Великобритании: этот человек «помогает» ливийцу (о том, что второй субъект на изображении – представитель Ливии, свидетельствует надпись на листе бумаги – *Libyan oil contracts* («Ливийские нефтяные контракты») – и ливийский флаг). Ливиец держит ручку, «руководит» которой, по сути, британец. Надпись под изображением также содержит негативные импликации – *The hand over* («Передача контроля»). Пытаясь интерпретировать интенцию автора, мы, учитывая контекст изображения и вербальную составляющую, сделали вывод, что, данное изображение направлено на неодоб-

рение вмешательства в политику Ливии. Таким образом, мы полагаем, что приведенный мультимодальный текст способствует реализации дискурсивно-семиотической техники патерналистского отношения с негативными коннотациями.

3.2.2. Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»

Данная стратегия направлена на дискурсивное утверждение отнесенности к «чужим» и сохранение этого статуса. В рамках исследования мы обнаружили, что средства реализации стратегии обоснования и удержания статуса «чужого» в межкультурной перспективе отличаются от средств в монокультурной перспективе меньшим разнообразием. Мы связываем это с разницей в целях, которые ставят перед собой политики в обеих перспективах взаимодействия. Так, на наш взгляд, политикам внутри национально-лингвокогнитивного сообщества сложнее поддерживать статус «чужого» относительно своих оппонентов: электорат выбирает то одну, то другую партию, то есть для народа каждая из партий на протяжении определенного отрезка времени может выступать в качестве «своих» или «чужих». Соответственно, политические деятели вынуждены задействовать большее количество средств, подтверждающих, что в данный момент «они» – «чужие». В отношении иных национально-лингвокогнитивных сообществ у политиков нет задачи убедить народ, что именно сейчас «какие-то они» – «чужие», поскольку они априори «чужие», были такими и останутся, и здесь цель авторов дискурса в большей степени – объяснить и поддержать определенное, уже сформировавшееся отношение к «чужим», чаще негативное или позитивное. Учитывая, что в основном мы исследуем в своей работе проблемные политические ситуации, нейтральная идентификация в рамках данной стратегии представлена редко.

Одной из важных дискурсивно-семиотических техник в рамках стратегии обоснования и удержания статуса «чужого» в межкультурной перспективе является **пресуппозиция повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих»**. Цель данной техники – подтвердить, что подобные негативные случаи уже были и этот – далеко не первый. Чаще всего на семантическом уровне техника реализуется при помощи

лексических единиц со значением повторяемости, неединичности, последовательности (*the latest in a line, earlier, pursue, previous, first... last*); ссылки на предыдущие случаи, представленные в негативном контексте:

The row with Britain is the latest in a line of international disputes Mr Putin has faced. Earlier this year, Russian relations with Estonia plummeted after the Bronze Soldier Soviet war memorial in central Tallinn was removed [James Sturcke and David Batty, *The Guardian*, 19.07.07].

Целью авторов данного текста было показать, что ситуация с Великобританией – не единственный международный спор, с которым столкнулась Россия, что и подчеркивается конструкцией *the latest in a line* («последний в череде»). В качестве подтверждения автор ссылается на ситуацию с военным мемориалом Солдату в Эстонии, которая произошла ранее в том же году (*earlier this year*). Негативный контекст усиливается за счет глагола *plummet*, имеющего значение «резко упасть, ухудшиться».

Far from «deconstructing the war on terror», Obama is clearly pursuing it with the same vigour, ideological backing and deception as the previous administration. George W. Bush's first war, in Afghanistan, and last war, in Pakistan, are now Obama's wars – with thousands more US troops to be deployed, more bombing and more slaughter of civilians [John Pilger, *New Statesman*, 05.02.09].

В данном примере подчеркивается преемственность политической риторики, а именно то, что президент США Барак Обама следует принципам предыдущей администрации Белого дома (*is pursuing, as the previous administration*). Акцент на постоянную вовлеченность США в военные действия манифестируется за счет перечисления с использованием порядковых числительных *first, last*, а в отношении настоящего времени – *now*, что реализует также идею последовательности: *George W. Bush's first war, in Afghanistan, and last war, in Pakistan, are now Obama's wars*. Повтор существительного *war* усиливает негативную тенденцию.

The last time Britain and Russia conducted tit-for-tat expulsions, in 1996, the incident represented a blip amid a rapport that had been improving since John Major became the first western leader to invite his Russian counterpart to a G7 meeting five years earlier [Julian Borger, *The Guardian*, 17.07.07].

Для репрезентации неединичности используется дейктическое средство временной отнесенности *the last time* и упоминание года, которые имплицитно указывают на повтор ситуации; используется метафора *tit-for-tat* («око за око, зуб за зуб»), которую можно интерпретировать как отрицательно коннотированную в условиях международного политического взаимодействия.

Средствами экспликации пресуппозиции повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих» выступает также сравнение данных за некоторый период с целью демонстрации прогрессии:

Is my hon. Friend aware that over the same period last year there were 627 rocket attacks into Israel, with an upsurge of 200 in the last month? [James Clappison, Hansard, 17.04.12].

Эффект повторяемости достигается использованием дейктических единиц *last year... last month* в сочетании с фразой *over the same period*, интенция прогрессии актуализируется через лексему *upsurge* («рост, повышение») с числительным *200*.

Для межкультурной перспективы репрезентации чужеродности в британской политической коммуникации характерна дискурсивно-семиотическая техника, актуализирующая **пресуппозицию очевидности представляемых аргументов**, которая ориентирована на уже свершившиеся дела и характеризуется стремлением продемонстрировать прозрачность сложившейся ситуации. В английском языке техника представлена в основном временами группы *Past Simple Tense* и *Present Simple Tense*; маркируется лексическими и лексико-грамматическими единицами с семантикой ясности: *it's beyond argument, without doubt, what seems increasingly clear, apparently, clearly* – и часто сопровождается обоснованными или необоснованными утверждениями, которые представляются как уже известные факты. Например:

It's beyond argument, two weeks after the overthrow of Kyrgyzstan's president, Kurmanbek Bakiyev, that Russia played a critical, possibly decisive role in his downfall [Simon Tisdall, The Guardian, 21.04.10].

Пример направлен на осуждение причастности России к политическому перевороту в Киргизии. Пресуппозиция очевидности представляемых аргументов актуализируется посредством вводной конструкции *it's beyond argument* и необоснованного утверждения: *Russia played a critical, possibly decisive role in his downfall*.

В ходе исследования были выявлены случаи выражения пресуппозиции очевидности представляемых аргументов при помощи намека на то, что реальное положение дел известно:

But what seems increasingly clear from eyewitness testimony and examination of the destruction is that a considerable number of the deaths were caused by Georgia's use, in its initial attack on Tskhinvali, of notoriously inaccurate Grad rockets and of tank shells which, in some cases, were apparently fired directly into residential apartments. Now it is also becoming clear that those western nations that have given such strong diplomatic backing to Georgia since the war probably knew all along about the nature of that assault [Tim Whewell, New Statesman, 20.11.08].

В сочетании с конструкциями *what seems increasingly clear*, *apparently* и *it is also becoming clear*, которые подчеркивают стремление автора показать ясную, детальную картину произошедшего, намек на осведомленность некоторых государств о природе нападения на Цхинвал придает еще большую очевидность представляемым аргументам. Дополнительным средством актуализации пресуппозиции очевидности является обоснованное заявление (*a considerable number of the deaths were caused by Georgia's use, in its initial attack on Tskhinvali, of notoriously inaccurate Grad rockets and of tank shells which, in some cases, were apparently fired directly into residential apartments*), подтвержденное выражением *from eyewitness testimony and examination of the destruction*.

По нашим наблюдениям, дискурсивно-семиотическая техника пресуппозиции очевидности представляемых аргументов используется британскими политиками для объяснения своей позиции в мировом политическом пространстве. Так, Ник Клегг, комментируя свое отношение к введению британских войск на территорию Афганистана, говорит следующее:

Clearly, the principle of the reason why we went into Afghanistan, why I supported our mission in Afghanistan, unlike the illegal invasion in Iraq, is to keep us safe [Nick Clegg, Second prime ministerial debate, 23.04.10].

Вводная фраза *clearly* относит все нижесказанное к неоспоримым фактам и имплицитно объясняет и оправдывает действия говорящего.

Для реализации пресуппозиции очевидности представляемых аргументов в межкультурной перспективе британского политического дискурса используется детальное «пошаговое» представление действий

в отношении «чужих», маркированное порядковыми числительными, прилагательными и наречиями:

Our aims are clear: first, to advance our judicial process; secondly, to bring home to the Russian Government the consequences of their failure to co-operate; and thirdly, to emphasise our commitment to promoting the safety of British citizens and visitors [David Miliband, Hansard, 16.07.07].

Пример касается отношений России и Великобритании в июле 2007 года, когда британские власти официально попросили российскую сторону экстрадировать А. Лугового, причастного, по мнению британской полиции, к смерти А. Литвиненко несколькими месяцами ранее. Высказывание начинается с вводной фразы *our aims are clear*, предполагающей безусловность представляемых аргументов. Далее следует структурированное разъяснение позиции Великобритании, маркированное прилагательным и наречиями *first, secondly, thirdly*. Подобная детализация и структуризация информации обусловлена, на наш взгляд, стремлением избежать двусмысленности, недосказанности в отношениях с другими государствами.

Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого» в межкультурной перспективе реализуется также при помощи дискурсивно-семиотической техники, актуализирующей **пресуппозицию отсутствия изменений в позиции «чужих»**, цель которой – подчеркнуть неизменность негативных качеств «чужих» и их нежелание, по мнению авторов дискурса, меняться.

Среди актуальных лексических средств репрезентации пресуппозиции отсутствия изменений в позиции «чужих» являются лексические единицы со значением нежелания менять себя или существующее положение дел (*choose not to stop, prefer not to change, neither, miss, fail*):

Obama has chosen not to stop any of this. Neither do his ballyhooed executive orders put an end to Bush's assault on constitutional and international law [John Pilger, New Statesman, 05.02.09].

Журналист Джон Пилджер эксплицирует нежелание президента Обамы менять ситуацию при помощи глагола *choose*, предполагающего выбор решения, в сочетании с негативной конструкцией *not to stop*, лексически и грамматически подтверждающей решение не прекращать (не менять существующее положение). Усиление эффекта происходит за счет отрицательного наречия *neither* относительно президентских зако-

нов, маркированных отрицательно коннотированным эпитетом *ballyhooed* («вздорный, шумный»), которые не останавливают (соответственно, не меняют) политику прежнего руководства (*put an end to Bush's assault on constitutional and international law*).

Дискурсивно пресуппозиция отсутствия изменений в позиции «чужих» эксплицируется утверждениями, констатирующими неизменность. Например:

The man of «change» is changing little [John Pilger, *New Statesman*, 05.02.09].

В примере речь идет о президенте США Бараке Обаме. Интенция неизменности реализуется за счет игры слов: лексема *change* в метафоре *the man of «change»* сочетается с негативно коннотированной конструкцией с однокоренным словом: *is changing little*.

Мы также выявили, что эффективным дискурсивным средством актуализации интенции неизменности является подчеркивание отсутствия положительного результата. Грамматически данная интенция сопровождается использованием негативно коннотированных глаголов в совершенном времени (Present Perfect Tense), демонстрируя негативный результат или чаще его отсутствие к настоящему моменту; глаголов в простом прошедшем времени (Past Simple Tense) для констатации уже свершившихся фактов; негативных конструкций, например *neither... nor*:

Elections on 7 November were neither free nor fair. The military regime is clearly using them to entrench its grip on power. No political prisoners have been freed, including Aung San Suu Kyi. An opportunity for national reconciliation has been missed [Jeremy Browne, *Hansard*, 09.11.10].

Комментируя политическую ситуацию в Бирме, министр иностранных дел и по делам Содружества Джереми Брауни подчеркивает отсутствие положительного результата по прошествии выборов, которые, как, очевидно, предполагалось, должны были изменить политическую ситуацию. В первом предложении автор дискурса использует негативную конструкцию *neither... nor (elections... were neither free nor fair)*, констатирующую отрицательный результат. Также отсутствие результата эксплицируется в перфектных конструкциях *no political prisoners have been freed* с отрицанием *no* и *an opportunity for national reconciliation has been missed* в сочетании с глаголом *miss*, актуализирующим безрезультатность.

Визуально пресуппозиция отсутствия изменений в позиции «чужих» эксплицируется изображением, состоящим из двух частей, расположенных рядом: изображения эксплицируют деятельность (движение рук, тела) и в то же время неизменность основных компонентов. Например (рис. 14):

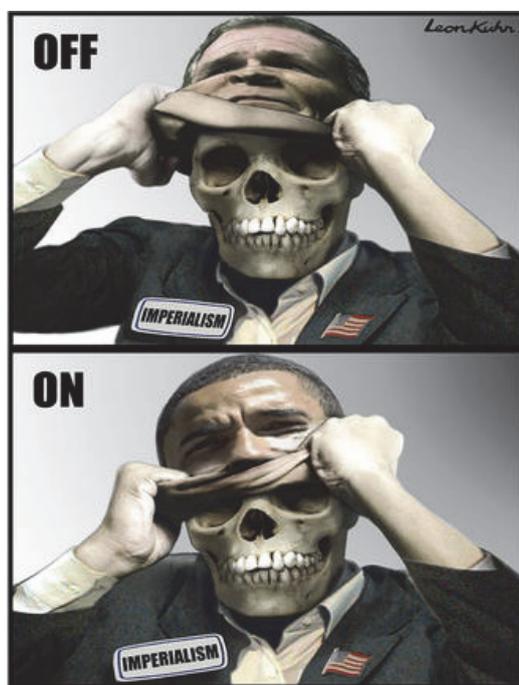

Рис. 14. Kuhn, L. On / Off

Изображение эксплицирует идею смены президентов Соединенных Штатов Америки. Надписи *off* и *on* актуализируют деятельность, что соответствует типичному для снятия и надевания вещей на голову (или через голову) жесту рук. Общий облик людей одинаков на обеих частях изображения, меняется только маска. Так, в снимаемой маске (на верхней части изображения) можно узнать образ Джорджа Буша, бывшего президента США; надеваемая маска (на нижней части изображения) репрезентирует образ нынешнего президента Барака Обамы. Интенция автора выражается, по нашему мнению, в том, чтобы продемонстрировать отсутствие изменений в позиции «чужого», то есть при внешних изменениях суть остается прежней. Общий тон изображения, скорее всего, негативный, учитывая вербальный компонент в виде значка с надписью *imperialism* – лексемы с отрицательными коннотациями.

Анализ эмпирического материала позволил нам выделить в рамках стратегии обоснования и удержания статуса «чужого» в межкультурной

перспективе репрезентации чужеродности британской политической коммуникации **дискурсивно-семиотическую технику экспликации подозрительности**. Данная техника направлена на выявление противоречий в действиях оппонентов, уличение в отсутствии ясности в их позиции, демонстрацию осведомленности об истинных намерениях и стремление разоблачить оппонентов. На лексическом уровне техника экспликации подозрительности представлена номинациями и метафорами с семантикой недоверия, опасности, тайны, осторожности (*backroom deal, keep a close eye on, never lose sight of*). Например:

I agree with my hon. Friend that it is important that we keep a close eye on that situation to ensure that it does not develop any further [Kim Howells, Hansard, 01.05.07].

Пример взят из выступления Кима Хауэлса в парламенте и относится к обсуждению сложного взаимодействия двух стран Ближнего Востока – Ирана и Ирака. Интенция подозрительности реализуется посредством использования метафоры *keep a close eye on*, актуализирующей идею осмотрительности, недоверия.

Global economic power is moving dramatically in favour of China. Only this year it has become the world's biggest exporter and its economy is on course to be the world's second largest in the near future. <...> But we must never lose sight of the fact that considerable economic power is being concentrated in Beijing and it may not always be in hands we can trust [Timothy Kirkhope, 17.02.10].

Констатируя факт стремительного роста экономики Китая, характеризуя Китай как мирового лидера по экспорту и прогнозируя, что экономика этой страны очень скоро станет второй по величине в мире (*Only this year it has become the world's biggest exporter and its economy is on course to be the world's second largest in the near future*), Тимоти Керкхуп высказывает опасения по поводу сконцентрированности значительной экономической власти в Пекине и того, в чьих руках будет эта власть. В первом случае политик использует метафору *we must never lose sight*, предполагающую подозрительность и контроль; во втором случае – метафору с семантикой недоверия: *it [considerable economic power] may not always be in hands we can trust*.

Синтаксическими средствами репрезентации подозрительности выступают конструкции с союзом *but*, наречиями *nevertheless, however*,

выражением *at the same time*, эксплицирующие противоречие на фоне общего положительного контекста. Соответственно, аргументация выстраивается по принципу «да, но...» (*yes, but*). Например:

The Russian government, like any other, has the right to regulate NGOs. But it also has a duty to ensure that any restrictions on NGOs (nongovernmental organisations) are compatible with Russia's obligations under international human rights laws that protect freedom of expression and association [Tom Porteous, *New Statesman*, 21.02.08].

Том Портос демонстрирует признание за Россией права регулировать негосударственные организации. С этой целью используется обобщающая конструкция *the Russian government, like any other*, которая имплицитно подчеркивает толерантность Великобритании к политике любого государства. Немаловажную роль в формировании положительного контекста играет выражение *has the right*, поскольку именно оно содержит компонент уважительности к устоям и нормам «чужих». Для экспликации ограничения используется фраза *has a duty*. Таким образом формируется конструкция «да, но...»: *The Russian government... has the right... But it also has a duty*, в данном случае представленная параллельной конструкцией.

Russia has offered to assist the US in the transport of non-military supplies to Afghanistan. At the same time, however, Moscow agreed a backroom deal last month with Kyrgyzstan which is likely to lead to the closure of the US's key military base in central Asia [Luke Harding, *The Guardian*, 17.03.09].

Глаголы *to offer, to assist* имеют положительную коннотацию, направлены на сотрудничество и в косвенной форме предполагают укрепление отношений между Россией и США. Однако представленные во второй части высказывания вводные конструкции *at the same time, however* эксплицируют идею противоречия намерений, что выражено далее посредством метафоры с семантикой скрытности, тайны – *a backroom deal* («закулисная сделка») – и модальной конструкции, актуализирующей предположение негативных последствий (*is likely to lead to the closure*).

В ходе исследования было обнаружено, что экспликация подозрительности часто имеет очень завуалированную форму и элемент недоверия либо выражен имплицитно, либо подчеркнуто положительном контексте. Мы считаем, что подобный подход объясняется стремлением хотя и обозначить опасения или сомнения в адрес «чужих», но при этом

сделать все возможное, чтобы «смягчить» негативизм подозрительности. С целью «смягчения» негативной части высказывания используется положительно коннотированная лексика и модальные конструкции:

I have a simple attitude towards our relationship with America. It is an immensely important, special relationship, but it shouldn't be a one-way street. We shouldn't always automatically do what our American friends tell us to do [Nick Clegg, Second prime ministerial debate, 23.04.10].

Характеризуя отношения с Соединенными Штатами Америки как *immensely important u special*, автор отчетливо демонстрирует уважение к государству, подчеркивает важность отношений (*immensely* – «чрезвычайно», «в очень большой степени»). Интенция осторожности, осмотрительности в отношении выстраивается в «мягкой» форме с помощью модального глагола *shouldn't: it shouldn't be a one-way street; we shouldn't always automatically do*, подразумевая, что «мы можем следовать их советам, но, возможно, не всем». «Смягчение» также актуализируется за счет положительно коннотированной номинации – *our American friends* (во-первых, используется дейктическая единица *our*, сближающая страны; во-вторых, лексема *friends*, безусловно имеющая положительные коннотации).

«Смягчающий» эффект может также быть достигнут посредством использования пассивных конструкций и акцентированием внимания на положительных характеристиках «чужих». В рамках второго тура предвыборных дебатов в 2010 году Дэвиду Кэмерону был задан вопрос об отношениях Великобритании и Европы (*I can't see any advantage of us being in Europe. I think there's far too much interference politically and legally, and I just wonder what you intend to do to stop it?* – Кристофер Нелмз). Лидер консервативной партии ответил:

Very directly, Christopher, I think we should be in Europe, because we're a trading nation, we're part of Europe, we want to co-operate and work with our allies in Europe to get things done. But I do agree with you that we have let too many powers go from Westminster to Brussels, we've passed too much power over and we should take some of those powers back. I want us to be in Europe but not run by Europe. <...> President Sarkozy of France, he stands up for France in Europe. Angela Merkel in Germany, she stands up for Germany in Europe. I would do exactly the same for Europe [David Cameron, Second prime ministerial debate, 23.04.10].

В первой части примера Д. Кэмерон объясняет закономерность «присутствия» Великобритании в Европе: *we're a trading nation, we're part of Europe*, подкрепляя свои аргументы положительными лексическими единицами в адрес европейских партнеров: *we want to co-operate and work with our allies in Europe to get things done*. Во второй части примера вводится противоречие, маркированное противительным союзом *but* и последующей пассивной конструкцией *but not run by Europe*, которая позволяет предположить снижение степени «влиятельности» Европы. Для подтверждения последней фразы используются параллельные синтаксические конструкции, которые, во-первых, четко определяют позицию Франции и Германии, представляя их в положительном свете; во-вторых, дают представление о развитии отношений Великобритании и Европы, которые предполагают применение положительного опыта ранее названных государств.

Дискурсивно-семиотическая техника экспликации подозрительности, а именно идея осмотрительности, может стать очевидной только при изучении широкого контекста. Например, обсуждая на заседании палаты общин ситуацию с экстрадицией А. Лугового, британский министр иностранных дел начал свое выступление с перечисления преимуществ положительного взаимодействия Великобритании и России. Интенция осмотрительности актуализируется в последнем предложении репликой, что по всем этим положительным причинам наши отношения должны основываться на доверии и взаимоуважении, что имплицитно говорит о том, что в данный момент эти качества отсутствуют: *For all those reasons we need a relationship based on trust and mutual respect* [David Miliband, Hansard, 16.07.07].

3.2.3. Стратегия трансформации

Данная стратегия направлена на дискурсивную экспликацию возможного изменения устоявшегося образа «чужого» и в рамках межкультурной перспективы ориентирована в основном на перемены в будущем. В отличие от монокультурной перспективы репрезентации чужеродности, в межкультурной перспективе наблюдается тенденция к изменениям в положительную сторону, что, согласно нашим данным, продикто-

вано международным этикетом и соображениями безопасности своего народа. Стремление к положительным переменам отражено в некоторых из представленных ниже техник.

Стратегия трансформации актуализируется при помощи **дискурсивно-семиотической техники прогнозирования ситуации**, цель которой – предсказать дальнейшее развитие событий. В отношении «чужих» подобное прогнозирование часто имеет нейтральный или негативный характер. В качестве ключевого грамматического средства, манифестирующего интенцию прогнозирования ситуации, мы выделили использование глаголов в простом будущем времени (Future Simple Tense), что объясняется одной из функций простого будущего времени в английском языке делать прогноз на будущее, основываясь на предположении.

As a senior Labour source said: «Obama will want to work with a united Europe, not the 27 divided nations envisaged by a David Cameron, William Hague and [the Eurosceptic backbencher] Bill Cash vision of Europe. Tory isolationism is the last thing Obama's new foreign policy team will want from London» [James Macintyre, New Statesman, 04.12.08].

В данном примере журналист приводит высказывание лейбористов, делающих прогноз относительно планов администрации Барака Обамы о сотрудничестве с Европой и, в частности, с Великобританией. Дважды повторяемая глагольная форма *will want* относит действие к будущему, реализуя субъективный прогноз, возможно, не основанный на конкретных достоверных фактах, а являющийся лишь предположением.

Простое будущее время может также использоваться для репрезентации предупреждений, что тоже является формой прогнозирования ситуации:

...and Russia's failure to extradite Mr. Lugovoy in these exceptional circumstances will only damage its reputation in the world [William Hague, Hansard, 16.07.07].

Интерпретация данного примера как предупреждения возможна, на наш взгляд, благодаря негативно коннотированной лексике в ближайшем контексте. Так, конструкция *will only damage its reputation* выражает пессимистичную перспективу с единственным вариантом развития событий – «только навредит своей репутации». Фразы *Russia's failure to extradite; in these exceptional circumstances; damage its reputation in the world* воспринимаются негативно в силу эксплициро-

ванной исключительности ситуации (*exceptional*) и ее глобальности (*in the world*).

Техника прогнозирования ситуации реализуется при помощи лексических единиц с семантикой предсказуемости поведения «чужих»: *clearly, have no doubt*. Следует обратить внимание, что данный случай актуализации дискурсивно-семиотической техники прогнозирования ситуации ориентирован на будущее время. Например:

Clearly Russia will not go as far as the US or the Europeans would like, and the Kremlin will make its ultimate decision based on its understanding of Russia's national interests [Max Bergmann, Samuel Charap and Peter Juul, *The Guardian*, 09.04.10].

Вводное наречие *clearly* предполагает очевидность поведения «чужих», конструкции *will not go, will make* относят действия к будущему. Общий тон примера – нейтральный.

Отнесенность к будущему может также быть выражена глаголами и конструкциями *to intend; to plan; to be going to*. Например:

I have no doubt that it will at various stages try to obstruct the observers and that it does not necessarily intend to engage sincerely in any process of political transition [William Hague, Hansard, 17.04.12].

Пример взят из выступления министра иностранных дел Великобритании Уильяма Хаага и касается политической ситуации в Сирии. Отнесенность к будущему реализована грамматической конструкцией *it does not necessarily intend*, а также глаголом *it will try*. Предсказуемость действий, о которых говорит У. Хааг, эксплицируется вводной фразой *I have no doubt*.

Визуально техника прогнозирования ситуации представлена изображением действующего лица в условиях, оцениваемых негативно с точки зрения гипотетического будущего, например, изображение человека в тоннеле, в конце которого нет света (рис. 15).

Человек, представленный на изображении, очевидно, репрезентирует Соединенные Штаты Америки, а именно президента страны – Барака Обаму, балансирующего на доске для серфинга; шорты и доска окрашены в цвета флага США, что дополнительно идентифицирует человека. Отнесенность к будущему и негативный прогноз выражаются несколькими семиотическими средствами. Во-первых, человек явно движется: судя по положению рук, он пытается удержать равновесие на

доске при движении, кроме того, он изображен спиной к наблюдателю, лицом по направлению к уходящему вдаль тоннелю; во-вторых, в конце тоннеля нет света, а сплошная темнота; в-третьих, вода, в которой движется человек, очень грязная. Надпись на изображении *Exit strategy* («Стратегия выхода») также относит действие к будущему и, с учетом визуально пессимистичного контекста будущего, общий прогноз ситуации, на наш взгляд, негативный (рис. 15).

Рис. 15. Bell, S. Barak Obama's war: the final push in Afghanistan // The Guardian. – 02.12.09

В рамках стратегии трансформации была также выделена **дискурсивно-семиотическая техника прескриптивного совета или рекомендации**, представленная положительно коннотированными лексическими единицами *help, good* в сочетании с сослагательным наклонением:

It would certainly help if Russia and the US, and regional powers like China and Kazakhstan, do not try to exploit the power vacuum, confine themselves to constructive advice and assistance, and stop using the country as a Great Game playboard [Simon Tisdall, The Guardian, 08.04.10].

Журналист Саймон Тисдал использует конструкцию *it would certainly help if*, выражая желание изменений к лучшему, и перечисляет

действия, которые необходимо для этого сделать (*do not try to exploit the power vacuum, confine themselves to constructive advice and assistance, and stop using the country as a Great Game playboard*). В данном случае мы говорим о «непрямом» совете.

Наблюдения показали, что прескриптивный совет может быть выражен посредством повелительного наклонения:

And I say to Iran as they face a crucial date this week; join the international community now or face isolation [Gordon Brown, 29.09.09].

«Настойчивость» совета Гордона Брауна актуализируется за счет глаголов в повелительной форме, а также контраста: *join the international community – face isolation*, который прослеживается в контексте.

В ходе исследования были выявлены примеры имплицитного выражения рекомендации через демонстрацию недовольства существующей ситуацией:

It is within Israel's legitimate immigration rights to do what they are doing (речь идет о задержании британца Энтони Рэдклифа израильскими властями в Тель-Авиве за попытку пройти с мирными намерениями на оккупированные территории на западном берегу – Палестину), *but clearly the situation is not comfortable* [Alistair Burt, Hansard, 17.04.12].

Парламентский заместитель министра по иностранным делам и делам Содружества Алистар Берт принимает позицию израильских властей, но называет сложившуюся ситуацию «некомфортной», тем самым имплицитно «желательные» перемены.

В качестве специфической именно для межкультурной перспективы британского политического дискурса мы выделили **дискурсивно-семиотическую технику толерирования**, направленную на избегание конфликта или стремление выйти из него с наименьшими потерями, предполагающую сохранение уважительных отношений с «чужими». Действия при этом имплицитно или эксплицитно ориентированы в будущее.

Лексическими средствами реализации техники толерирования является положительно коннотированная лексика с семантикой консолидации (*relationships, to build, to partner, to co-operate, mutual*):

So we must seek to build a positive relationship with China but we must also not ignore reality [Timothy Kirkhope, 17.02.10].

Консолидирующие лексемы *to build; a positive relationship* создают положительный контекст, предполагающий развитие хороших отноше-

ний. Однако следует отметить, что выражения *we must seek; but we must also not ignore reality* придают этому процессу несколько прагматичный характер, демонстрируя, что развитие отношений – это стратегический политический шаг.

Эффективное грамматическое средство манифестации техники толерирования – это сравнительная степень прилагательных для демонстрации улучшающихся отношений:

I am pleased that the opening round of negotiations in Istanbul went better than previous rounds [William Hague, Hansard, 17.04.12].

Уильям Хагг употребляет сравнительную конструкцию *better than previous*, подчеркивая прогресс. Пример относится к настоящему и прошедшему времени, но, учитывая динамику улучшения ситуации, представленную в тексте, мы можем предположить, что здесь присутствует отнесенность к будущему с продолжающимися изменениями к лучшему.

На уровне дискурсивных средств реализации интенции толерирования мы установили, что аргументация строится по типу «их действия не очень правильные, но...»:

While Russia still tends to treat international relations as a zero sum game, it is possible that there might now, and in relation to preventing the acquisition by Iran of a nuclear capability for military purposes, be an alignment of interests [Liam Fox, 15.10.09].

Первая часть примера эксплицирует отсутствие изменений в позиции «чужих», что выражено наречием *still* и глаголом *tend to* (иметь тенденцию), однако во второй части автор предполагает возможное изменение, корректировку интересов (*it is possible that there might now... be an alignment of interests*). Выражение *an alignment of interests* имеет положительные коннотации, ориентировано на сотрудничество.

К дискурсивным средствам также относится использование обоснованных утверждений, демонстрирующих пользу от взаимного сотрудничества. Обоснованность утверждений актуализируется контекстуально в виде фактов, интерпретаций, статистических данных и др., часто маркируется обобщающими наречиями *so, thus* или другими лексико-грамматическими конструкциями. Например:

The foundation of an effective international partnership is a set of shared values. The measures that I am announcing are intended to uphold key individual rights and vital principles of independent judicial process. On that

basis, we will continue to work with the Government of Russia for mutual benefit [David Miliband, Hansard, 16.07.07].

В данном примере, касающемся британо-российских разногласий в июле 2007 года, обоснованием выступает заявленная Дэвидом Милибэндом позиция (*the measures that I am announcing*), подытоженная фразой *on that basis*. Интенция толерирования манифестируется использованием автором позитивно коннотированных выражений: *effective international partnership; shared values; we will continue to work; mutual benefit*.

3.2.4. Деструктивная стратегия

Целью деструктивной стратегии является дискурсивная интенсификация чужеродности. В межкультурной перспективе британского политического дискурса мы выделили одну дискурсивно-семиотическую технику, имеющую наиболее частотную повторяемость проявления чужеродности, а именно **дискурсивно-семиотическую технику критического представления позиции других государств**.

На лексическом уровне техника актуализируется негативно коннотированными номинациями и атрибуциями с семантикой неодобрения, критики, например, *foolish*:

It was foolish idealism that led to Nato's eastward expansion into the new democracies of the old Soviet bloc [Sholto Byrnes, New Statesman, 12.02.09].

Лексема *foolish* имеет резко отрицательные коннотации, усиленные эффектом критики в словосочетании *foolish idealism*. Кроме того, грамматически автор употребляет исключаящую конструкцию «*it was... that led to...*», в которой негативно коннотированное выражение *foolish idealism* оказывает большее воздействие на реципиента.

Как показал анализ, техника критического представления позиции других государств характеризуется использованием разнообразных экспрессивных средств, таких как гипербола, литота, риторический вопрос, эпитет:

Is support for a ban among Europe's political leaders, and the alarmist and vitriolic rhetoric that so often goes with it, really an expression of concern for Muslim women? And why, when confronted with a multitude of so-

cial and economic problems, including a debt crisis that could destroy its common currency, are they so obsessed with a small piece of cloth that so few women wear over their face? It is difficult to understand why so much political capital across the continent is being spent passing legislation to ban it, despite its minuscule impact on European societies [Mehdi Hasan, *New Statesman*, 14.07.10].

Пример касается введенного в 2010 году во Франции запрета на ношение женщинами-мусульманками чадры. Журналист использует эпитеты *alarmist* («поддающийся панике») и *vitriolic* («резкий, язвительный, саркастический»), демонстрируя критику по поводу пристального внимания к этому предмету одежды. Литота используется для реализации контраста между серьезными социальными проблемами, затратами на проведение закона и «раздутостью» ситуации с чадрой (*a small piece of cloth, so few women, minuscule*). Весь пример представлен в виде риторических вопросов, ответы на которые, судя по форме и содержанию этих вопросов, очевидны реципиенту.

На дискурсивном уровне техника критического представления позиции других государств манифестируется упрощением и категоричностью аргументации. Например:

The European Union is not perfect – of course not. This is a club that took 15 years to define «chocolate» in a chocolate directive. Anything that takes 15 years to define chocolate is not a model of democratic efficiency [Nick Clegg, *Second prime ministerial debate*, 23.04.10].

Упрощение достигается посредством метафоризации (*to define «chocolate» in a chocolate directive*), объяснения сложных процессов в доступных терминах. Критика реализуется через контраст простоты действия и времени, затраченного на него. В последнем предложении Ник Клегг использует обобщающее местоимение *anything* в негативной конструкции *is not a model of democratic efficiency*, актуализируя категоричность своего аргумента.

Мы также выявили, что дискурсивно-семиотическая техника критического представления позиции других государств выражается при помощи негативной экземплификации с акцентом на деталях:

On 31 January, unaware he was being filmed, Tel Aviv's ambassador to Australia described the massacres in Gaza as a «pre-introduction» – a dress rehearsal – for an attack on Iran [John Pilger, *New Statesman*, 05.02.09].

Журналист детально описывает случай, указывая время и обстоятельства произошедшего, при этом автор использует негативно коннотированную лексику (*massacres, attack*) и метафору театральности (*a dress rehearsal*). Общий тон примера отражает возмущение и критику со стороны журналиста.

В ходе анализа было выявлено использование такого дискурсивного средства критического представления позиции других государств, как интерпретация поведения «чужих», чаще в негативном контексте:

Russian coverage of the vote may say more about Russia itself than its attitude to Britain. Komsomolskaya Pravda, the country's biggest tabloid, made a big show of Gordon Brown's meeting with the Queen, in which he was reported to have personally nominated David Cameron as his successor. That's not quite how it works, but it's something Russian readers will understand [UK coalition government: How the world reacted, The Guardian, 12.05.10].

Репортаж в британской газете The Guardian освещает то, как российская пресса комментирует предвыборную кампанию в Великобритании. Статья критикует российскую сторону за неточную подачу информации (*Russian coverage of the vote may say more about Russia itself than its attitude to Britain. That's not quite how it works, but it's something Russian readers will understand*). Для обоснованности своей критики авторы статьи приводят детали представленного в «Комсомольской Правде» материала (*Komsomolskaya Pravda, the country's biggest tabloid, made a big show of Gordon Brown's meeting with the Queen, in which he was reported to have personally nominated David Cameron as his successor*). Таким образом, интерпретируя действия российских журналистов, британцы, по сути, подвергают их критике и, соответственно, представляют российскую сторону в негативном свете.

Анализ мультимодальных средств показал, что визуализация критического представления позиции других государств основывается на контрасте позитивного и негативного образов, например голубь (символ мира), закрытый в клетке (символ ограничения свободы). Нередко косвенно указывается объект критики (рис. 16).

На данном изображении семиотический компонент представлен белым голубем, закрытым стеклянным куполом и сверху удерживаемым рукой. Видна часть манжета с изображением американского флага, что позволяет идентифицировать объект критики. Традиционно голубь вос-

принимается как красивое, дружелюбное, нежное и, прежде всего, мирное создание [Лакофф, Джонсон, 2008: 67]. Надпись на куполе *Syrian democratic revolution* («Сирийская демократическая революция») метонимически соотносит голубя с демократией и идентифицирует пострадавшего в этой ситуации. Очевидно, интенция автора – критика того, кто лишил птицу свободы, то есть США за вмешательство в политику Сирии. Неодобрение автором изображения эксплицируется и в надписи под изображением – *Hands off!* («Руки прочь!»). На наш взгляд, приведенный мультимодальный текст является ярким примером реализации дискурсивно-семиотической техники критического представления позиции других государств.

Рис. 16. Kuhn, L. Hands off! // Morning Star. – 23.08.12

Таким образом, анализ дискурсивно-семиотических техник конструирования чужеродности в межкультурной перспективе британской политической коммуникации позволил выделить общие тенденции реа-

лизации чужеродности лингвистическими, дискурсивными и визуальными средствами английского языка и дискурса. Так, на уровне лексики наиболее актуальными являются дейктические средства идентификации, а также лексические единицы с семантикой ясности, очевидности, предсказуемости, заботы, попечительства, критики. Основные морфологические и синтаксические средства – пассивные конструкции, модальные глаголы, противопоставления, сложноподчиненные предложения с сослагательным наклонением. Дискурсивные средства представляют приоритетную группу средств конструирования чужеродности в межкультурной перспективе. К ним относятся риторические вопросы, обоснованные и необоснованные утверждения, детализация, конкретизация, интерпретация. Следует отметить, что отличительной чертой реализации чужеродности в межкультурной перспективе британского политического дискурса являются положительные интенции в отношении «чужих», которые проявляются на лингвистическом и дискурсивном уровнях, но не представлены на уровне мультимодальности. Реализация чужеродности визуальными средствами характеризуется обобщенностью репрезентированных образов.

Итак, анализ обширного эмпирического материала позволил выделить ряд дискурсивно-семиотических техник конструирования чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации, конституирующих выделенные ранее основные стратегии и реализующихся разноуровневыми средствами английского языка и дискурса.

В монокультурной и межкультурной перспективах современного британского политического дискурса мы выделили 11 и 10 дискурсивно-семиотических техник репрезентации чужеродности соответственно, а также описали языковые, дискурсивные и визуальные средства реализации техник на материале публичных выступлений политических деятелей, отчетов заседаний парламента, публикаций в СМИ Великобритании.

Стратегия идентификации чужеродности направлена на дискурсивное определение сфер «свое» и «чужое». В монокультурной перспективе британского политического дискурса стратегия реализуется посредством дискурсивно-семиотических техник негативного позиционирования оппонентов и изолирования; в межкультурной перспективе –

дискурсивно-семиотическими техниками оценочного позиционирования других государств и патерналистского отношения.

Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого» ориентирована на дискурсивное утверждение отнесенности к «чужим» и сохранение этого статуса. Данная стратегия в монокультурной перспективе британского политического дискурса представлена четырьмя дискурсивно-семиотическими техниками – пресуппозицией негативного постоянства, пресуппозицией негативных последствий, техникой акцентирования внимания на негативной схожести, техникой выражения недоверия; в межкультурной перспективе – четырьмя дискурсивно-семиотическими техниками – пресуппозицией повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих», пресуппозицией очевидности представляемых аргументов, пресуппозицией отсутствия изменений в позиции «чужих», техникой экспликации подозрительности.

Стратегия трансформации нацелена на дискурсивную репрезентацию возможного изменения сложившегося образа «чужого». В монокультурной перспективе британского политического дискурса данная стратегия конституируется дискурсивно-семиотическими техниками пресуппозиции негативного настоящего с последующим предложением выхода из сложившейся ситуации, пресуппозиции грядущих перемен, пресуппозиции разницы между «теперь» и «тогда»; в межкультурной перспективе – дискурсивно-семиотическими техниками прогнозирования ситуации, прескриптивного совета или рекомендации, толерирования.

Деструктивная стратегия ориентирована на дискурсивную интенсификацию чужеродности и в монокультурной перспективе британского политического дискурса представлена дискурсивно-семиотическими техниками умаления авторитета и обвинения; в межкультурной перспективе – дискурсивно-семиотической техникой критического представления позиции других государств.

Проведенный анализ показал, что для дискурсивного взаимодействия представителей политических партий и политических агентов, принадлежащих британскому национально-лингво-когнитивному сообществу (консервативная, лейбористская и либерал-демократическая партии), характерно стремление к дискредитации оппонента за счет негативно коннотированной и стилистически сниженной лексики, сравнительных конструкций, рефрейминга содержания. При манифестации

чужеродности в отношении политических агентов – представителей небританских национально-лингво-когнитивных сообществ обнаруживается тенденция к толерированию и четкой дифференциации «чужих» посредством выбора более формальных лексических единиц с негативной, нейтральной или положительной коннотацией.

В ходе исследования нами были выявлены лексические, морфологические, синтаксические, дискурсивные и визуальные средства, способствующие реализации каждой из выявленных дискурсивно-семиотических техник. Результаты, отражающие конструирование чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британской политической коммуникации, представлены в приложениях 1 и 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей монографии предпринята попытка выявить и проанализировать лингвосомиотические и лингвопрагматические средства дискурсивного конструирования чужеродности в современной британской политической коммуникации с учетом монокультурной и межкультурной перспектив. Под дискурсивным конструированием в своем исследовании мы понимаем инструментально-аналитический метод, позволяющий категоризовать фрагмент реальности в дискурсивных терминах. В начале работы была выдвинута гипотеза о том, что дискурсивные средства конструирования чужеродности в британской политической коммуникации дифференцируются в отношении политических оппонентов в монокультурной и межкультурной перспективах. Данная гипотеза нашла подтверждение в ходе исследования.

Чужеродность является частью базовой социокультурной оппозиции «свой-чужой». Вследствие этого основу конструирования образа «чужого» составляют процессы самоидентификации и идентификации «чужих». Чужеродность в политической коммуникации характеризуется коннотативной неоднозначностью, выражающей негативную, нейтральную или позитивную идентификацию, что обусловлено социальными, культурными, языковыми, когнитивными факторами, а также политическими и идеологическими установками адресанта. Политический дискурс рассматривается нами как пространство экспликации чужеродности в силу присущих этой социальной сфере ярко выраженных полемичности, мультимодальности (совокупность вербальных и невербальных знаков) и ее тесной взаимосвязи с национальным, культурным и социальным контекстами общества.

Исследованием подтверждено, что в пространстве современной британской политической коммуникации актуализируются две перспективы отношения к «чужим»: монокультурная, при которой мы рассматривали дискурсивное взаимодействие представителей политических партий и политических агентов, принадлежащих британскому национально-лингво-когнитивному сообществу (консервативная, лейбористская и либерал-демократическая партии); и межкультурная, реализую-

щая отношение к политическим агентам – представителям небританских национально-лингво-когнитивных сообществ (в рамках данного исследования были задействованы примеры взаимоотношений Великобритании с Российской Федерацией, Соединенными Штатами Америки, Францией, Германией, Китаем, Ираном, Ираком, Афганистаном, Сирией и другими государствами).

При разработке лингвокоммуникативной модели дискурсивного конструирования чужеродности мы опирались на метод критического дискурса-анализа, аналитический аппарат которого использовался в работе для изучения способов репрезентации чужеродности в монокультурной и межкультурной перспективах британского политического дискурса. В результате были выявлены четыре основные стратегии дискурсивного конструирования чужеродности и конституирующие их дискурсивно-семиотические техники – 11 техник, характерных для монокультурной перспективы, и 10 техник, характеризующих межкультурную перспективу британской политической коммуникации. Дискурсивно-семиотические техники определяются нами как комплекс интенционально мотивированных вербальных и невербальных средств, характеризующихся мультимодальностью репрезентации, обусловленных национально-лингво-когнитивными особенностями участников коммуникации и ориентированных на выстраивание образа «чужих» в рамках определенной стратегии и культурной перспективы.

Структурная взаимосвязь основных стратегий и дискурсивно-семиотических техник представлена в приложении 3.

В современной британской политической коммуникации дискурсивно-семиотические техники эксплицируются лингвистическими, прагматическими и мультимодальными средствами, а именно: лексическими единицами с семантикой, соответствующей прагматической направленности дискурсивно-семиотических техник, дейктическими единицами, метафорами, метонимиями, гиперболами, литотами, эпитетами, ярлыками; сравнительными оборотами, пассивными структурами, модальными глаголами, синтаксическим параллелизмом, однородными членами предложения, негативными конструкциями; рефреймингом содержания, риторическими вопросами, фиктивными сценариями, прямыми обращениями, ссылками, намеками, обоснованными аргументами, детализацией, упрощением, конкретизацией; визуализированными

метафорическими образами с прямым или косвенным маркированием чужеродности.

Представленная лингвокоммуникативная модель дискурсивного конструирования чужеродности в британской политической коммуникации может быть спроецирована на исследование актуализации отношения к «чужим» в других национально-лингво-когнитивных сообществах (например, российском политическом дискурсе). Возможно детальное рассмотрение конструирования чужеродности в определенных жанрах политического дискурса (например, парламентские дебаты, предвыборная речь, международные переговоры и др.). Кроме того, интерес представляет изучение авторского идиостиля дискурсивного конструирования чужеродности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Свое» и «чужое»: межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте / Л. А. Шкатова, Е. В. Харченко, Н. А. Нефедова [и др.]. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2003. – 185 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 3. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2005а. – С. 5–13.
3. Алефиренко, Н. Ф. Спорные вопросы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005б. – 326 с.
4. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов : учеб. пособие / А. Г. Алтунян. – 2-е изд. – М. : Логос, 2010. – 384 с.
5. Андрющенко, Е. А. Репрезентация образа «чужого» в англоязычном медиадискурсе (на материале британских СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Андрющенко. – Волгоград, 2013. – 18 с.
6. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Директмедиа Паблишинг, электронная версия, 2009. – CD-ROM. – С. 1243–1248.
8. Астафурова, Т. Н. Лингвосемиотика нейтрализации социальных фобий / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2012. – № 1 (15). – С. 86–92.
9. Баженова, Е. А. Оппозиция свой-чужой в политическом дискурсе / Е. А. Баженова, С. А. Лапчева // Современная политическая лингвистика : материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – С. 16–18.
10. Базылев, В. Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В. Н. Базылев // Политический дискурс – 2 : материалы рабочего совещания (Москва, 29 марта 1998 г.) /

под ред. Ю. А. Сорокина и В. Н. Базылева. – М. : Диалог МГУ, 1998. – С. 6–8.

11. Базылев, В. Н. Политический аспект брани / В. Н. Базылев // Политический дискурс в России: святые без житий : материалы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 8. – С. 5–10.

12. Байбурин, А. К. Ритуал: свое и чужое / А. К. Байбурин // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л. : Наука, 1990. – С. 3–18.

13. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 20 с.

14. Балясникова, О. В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Балясникова. – М., 2003. – 22 с.

15. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 42 с.

16. Белецкий, С. Б. Патернализм в институциональной коммуникации : дискурсивные практики, стратегии, жанры : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. Б. Белецкий. – Красноярск, 2010. – 176 с.

17. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист / пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.

18. Бергельсон, М. Б. Лингвистические методы исследования в области (межкультурной) коммуникации [Электронный ресурс] / М. Б. Бергельсон // Тез. пленар. докл. на II Междунар. конф. РКА «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты» (Коммуникация – 2004). – 2004. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/b/bergelson01.shtml

19. Бергельсон, М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / М. Б. Бергельсон. – М. : 2005. – 45 с.

20. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста : история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение : специализир. вестн. / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.

21. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88–125.
22. Бодрунова, С. С. Современные стратегии британской политической коммуникации / С. С. Бодрунова – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 423 с.
23. Бойко, М. А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / М. А. Бойко. – Воронеж, 2006. – 23 с.
24. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М., 1983. – 414 с.
25. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
26. Бэндлер, Р. Рефрейминг : ориентация личности с помощью речевых стратегий : пер. с англ. / Р. Бэндлер, Д. Гриндер. – Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – 256 с.
27. Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 44–87.
28. Вальденфельс, Б. Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск, 1999. – 176 с.
29. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о чужом / Б. Вальденфельс // Логос. – М., 1995. – № 6. – С. 77–94.
30. Визгин, В. П. На пути к другому: размышление на заданную тему / В. П. Визгин // Постижение культуры. Вып. 11. – М., 2001. – С. 267–283.
31. Виноградова, Л. Н. Человек/нечеловек в народных представлениях / Л. Н. Виноградова // Человек в контексте культуры. Славянский мир. – М., 1995. – С. 17–26.
32. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак / пер. с англ. и нем. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.
33. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 3 (23). – С. 73–78.
34. Выготский, Л. С. Мышление и речь // Л. С. Выготский. – Соч.: в 6 т. – М., 1982. – Т. 2. Педагогика. – 504 с.

35. Выходцева, И. С. Концепт «свой-чужой» в советской словесной культуре (20–30-е гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. С. Выходцева. – Саратов, 2006. – 20 с.

36. Григорьева, О. В. Дихотомия «свое/чужое» как объект социолингвистических и лингвокультурологических исследований / О. В. Григорьева // Дискурс, текст, когниция : коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. – С. 326–333.

37. Гришаева, Л. И. Аккультурация как трансформация оппозиции «свой-чужой» в оппозицию «свой-другой» / Л. И. Гришаева // Коммуникативные исследования – 2003: современная антология / под ред. проф. О. А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2003а. – С. 20–43.

38. Гришаева, Л. И. Образование как условие, средство и способ инкультурации личности / Л. И. Гришаева // Мир образования – образование в мире : науч.-метод. журнал / под ред. В. А. Разумного. – 2003б. – № 1. – С. 41–52.

39. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

40. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк / пер. с англ. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

41. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 32–43.

42. Диспозиция «свой-чужой» в культуре : монография / под ред. А. С. Кравца (отв. ред.), В. Т. Титова, Е. Н. Ищенко, Л. И. Гришаевой. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 257 с.

43. Донец, П. Н. Сигналы «чужого» в межкультурной коммуникации / П. Н. Донец // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 42–48.

44. Жельвис, В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.

45. Зайцева, Е. Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации) :

автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Л. Зайцева. – Чебоксары, 2006. – 24 с.

46. Захарова, Е. П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения / Е. П. Захарова // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – С. 87–94.

47. Зигманн, Ж. В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ж. В. Зигманн. – М., 2003. – 239 с.

48. Имя собственное в политике: язык власти и власть языка / А. А. Романов, Е. Г. Романова, Н. Ю. Воеводкин. – Тверь : Лилия ЛТД, 2000. – 112 с.

49. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

50. Иссерс, О. С. «Посмотрите на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) / О. С. Иссерс // Вестн. Ом. ун-та. – 1997. – Вып. 3. – С. 81–84.

51. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 4-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.

52. Иссерс, О. С. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) / О. С. Иссерс, М. Х. Рахимбергенова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – 3 (23). – С. 90–96.

53. Казула, Ф. П. Теория дискурса и дискурс-анализ : как идеи и символы формируют политику / Ф. П. Казула // Политическая наука : сб. науч. тр. – М. : ИНИОН, 2009. – Вып. 4 : Идеи и символы в политике: методологические проблемы и современные исследования; ред.-сост. вып. О. Ю. Малинова. – С. 59–78.

54. Канчани, П. Оппозиция «свои-чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Канчани Петер. – М., 2007. – 24 с.

55. Карасик, В. И. Эмблематика современной массовой культуры : образ врага / В. И. Карасик // Бытие в языке : сб. науч. трудов к 80-летию В. И. Жельвиса / под науч. ред. Т. Г. Кучиной. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 239–257.

56. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2010. – 351 с.
57. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
58. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
59. Кашкин, В. Б. Введение в теорию дискурса / В. Б. Кашкин. – М. : Восточная книга, 2010. – 152 с.
60. Кашкин, В. Б. Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге / В. Б. Кашкин // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 49–62.
61. Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 278–339.
62. Кишина, Е. В. Категория «свойственность-чуждость» в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Кишина. – Кемерово, 2006. – 188 с.
63. Колосов, С. А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. А. Колосов. – Тверь, 2004. – 18 с.
64. Корчак, А. С. Философия Другого Я: история и современность / А. С. Корчак. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 152 с.
65. Косова, О. А. Коммуникативная ситуация отчуждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. А. Косова. – Иркутск, 2010. – 17 с.
66. Кочкин, М. Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Ю. Кочкин. – Волгоград, 2003. – 184 с.
67. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
68. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении : монография / Л. В. Куликова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 288 с.
69. Куликова, Л. В. Концепт «чужой» в теории межкультурной коммуникации (русско-немецкий контекст) / Л. В. Куликова // Вестник

МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004а. – № 1. – С. 179–187.

70. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур : монография / Л. В. Куликова. – Красноярск : РИО КГПУ, 2004б. – 196 с.

71. Купина, Н. А. Советизмы: к определению понятия [Электронный ресурс] / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2009. – 2 (28). – Режим доступа: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling28/ling_28_03.pdf.

72. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон / пер. с англ. и предисл. А. Н. Баранова. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 256 с.

73. Леонтович, О. А. Метод дискурс-анализа и сферы его применения / О. А. Леонтович // Дискурс, концепт, жанр : коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 50–67.

74. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.

75. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения : монография / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.

76. Лиллекер, Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / Д. Лиллекер / пер. с англ. С. И. Остнек. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010. – 300 с.

77. Лотман, Ю. М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Ученые записки. – Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1982. – Вып. 576. – С. 110–121.

78. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса : монография / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 277 с.

79. Манаенко, Г. Н. Координаты понятия «дискурс» / Г. Н. Манаенко // Дискурс, концепт, жанр : коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 15–35.

80. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, Р. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер / пер. с англ. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2009. – 359 с.

81. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 356 с.
82. Михальская, А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. : Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.
83. Невинская, М. Д. Концептуальная оппозиция «народ-власть» в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Д. Невинская. – Волгоград, 2006. – 19 с.
84. Нестерова, Я. А. Мотив реформы в современном немецком политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.04 / Я. А. Нестерова. – М., 2006. – 204 с.
85. Новикова-Грунд, М. В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / М. В. Новикова-Грунд // Полис. – М., 2000. – № 4. – С. 82–93.
86. Олешков, М. Ю. Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов / М. Ю. Олешков // Дискурс, текст, когниция : коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. – С. 49–59.
87. Олянич, А. В. Драматургия межкультурной коммуникации (этнокультурная специфика презентационной структуры дискурса) / А. В. Олянич // Коммуникативные исследования – 2003: современная антология / под ред. проф. О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 113–125.
88. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
89. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 232 с.
90. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. – М. : Наука, 1989. – С. 54–82.
91. Перегудов, С. П. Конституциональная реформа в Великобритании / С. П. Перегудов // Политические институты на рубеже тысячелетий. – 3-е изд., стереотип. – Дубна : ООО «Феникс+», 2009. – С. 258–283.

92. Петроченко, М. Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Петроченко. – Томск, 2005. – 227 с.

93. Пивоев, В. М. «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре / В. М. Пивоев // «Свое» и «чужое» в культуре : сб. науч. ст. / отв. ред. В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. – С. 7–18.

94. Плотникова, С. Н. «Дискурсивное оружие»: роль технологий политического дискурса в борьбе за власть / С. Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. – 2008. – № 2. – С. 138–144.

95. Плотникова, С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи / С. Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе : коллективная монография / под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 6–43.

96. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. – М. : [Фонд ИНДЭМ], 2004. – 94 с.

97. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000. – 352 с.

98. Почепцов, Г. Г. Коммуникативный инжиниринг: теория и практика : учеб. пособие / Г. Г. Почепцов. – Киев : Альтерпрес, 2008. – 408 с.

99. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.

100. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 328 с.

101. Рожкова, О. Е. Когнитивно-прагматические аспекты политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Е. Рожкова. – Калининград, 2003. – 169 с.

102. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : монография / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.

103. Самарина, И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Самарина. – М., 2007. – 158 с.

104. Санцевич, Н. А. Метафорические модели и оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ» как способ описания языковой картины мира России в немецкой периодической печати [Электронный ресурс] / Н. А. Санцевич // Тр. Международного семинара Диалог'2002. – М. : Наука, 2002. – Режим доступа: <http://www.deutsch-best.ru/artikel-ausdruck.htm#metaphermodel>
105. Сараджева, Л. А. Противопоставление свой-чужой в индоевропейской культурно-языковой традиции / Л. А. Сараджева // Политический дискурс в России: святые без житий: материалы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 8. – С. 26–34.
106. Сахно, С. Л. «Свое-чужое» в концептуальных структурах / С. Л. Сахно // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 95–101.
107. Серио, П. Деревянный язык, чужой язык и свой язык. Поиск настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов [Электронный ресурс] / П. Серио // Политическая лингвистика. – 2008. – 2 (25). – Режим доступа: [http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling25/ling_5\(25\)2008_serio.pdf](http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling25/ling_5(25)2008_serio.pdf)
108. Серио, П. О языке власти: критический анализ / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков : Око, 1993. – Т. 1. – С. 83–100.
109. Смирнова, Д. С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе: на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д. С. Смирнова. – Тверь, 2011. – 18 с.
110. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–196.
111. Сорокин, Ю. А. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. – Днепропетровск : ДГУ, 1988. – С. 4–10.
112. Стернин, И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 27 с.
113. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж, 2003. – 185 с.
114. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М. : Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

115. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур / С. Г. Тер-Минасова. – М. : АСТ, Астрель, Хранитель, 2007. – 288 с.
116. Троицкая, Т. Б. Средства реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.02.04 / Т. Б. Троицкая. – М., 2008. – 26 с.
117. Уфимцева, Н. В. Русские – свои или чужие: взгляд европейцев / Н. В. Уфимцева // Бытие в языке : сб. науч. трудов к 80-летию В. И. Жельвиса ; под науч. ред. Т. Г. Кучиной. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 234–238.
118. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Филинский. – Тверь, 2002. – 163 с.
119. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.
120. Цивьян, Т. В. Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира / Т. В. Цивьян // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т. М. Николаева. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 465–475.
121. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
122. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
123. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 256 с.
124. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с.
125. Шапинская, Е. Н. Образ Другого в текстах культуры / Е. Н. Шапинская. – М. : КРАСАНД, 2012. – 216 с.
126. Шейгал, Е. И. Power as Discourse Category / Е. И. Шейгал // Коммуникативные исследования – 2003: современная антология / под ред. О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 181–188.

127. Шейгал, Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал // Вопросы стилистики. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – Вып. № 28: Антропоцентрические исследования. – С. 204–222.
128. Шейгал, Е. И. Прагматика дейксиса в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал // Языковая личность: система, нормы, стиль : тез. докл. науч. конф. – Волгоград : «Перемена», 1998. – С. 121–123.
129. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 326 с.
130. Шипилов, А. В. «Свои», «чужие» и другие / А. В. Шипилов. – М. : Прогрес-Традиция, 2008. – 568 с.
131. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц / пер. с нем. и англ. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
132. Юдина, Т. В. Германия. Новая политэстетика / Т. В. Юдина. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 175 с.
133. Юдина, Т. В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи : автореф. дис ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Т. В. Юдина. – М., 2001. – 35 с.
134. Якимович, А. К. «Свой-чужой» в системах культуры / А. К. Якимович // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 48–60.
135. A new agenda in (critical) discourse analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity / ed. by R. Wodak, P. Chilton. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co, 2005. – 321 p.
136. Bausinger, H. Das Bild der Fremde in der alltagskultur / H. Bausinger // Universitas 43, 2, H. 9. – 1988. – S. 946. Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft Stuttgart.
137. Berger, J. Ways of seeing / J. Berger. – London : Penguin Books Ltd, 1972. – 165 p.
138. Bergsdorf, W. Innenpolitische Kommunikation / W. Bergsdorf // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft: ein Handbuch mit Lexikonteil / O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg). – Opladen / Wiesbaden : Westdeutscher Verlag GmbH, 2002. – S. 531–540.
139. Bitzer, L. F. Political rhetoric / L. F. Bitzer // Handbook of political communication / ed. by D. D. Nimmo, K. R. Sanders. – Beverly Hills : Sage Publications Inc., 1982. – P. 225–248.

140. Blommaert, J. Critical discourse analysis / J. Blommaert, Ch. Bulcaen // *Annual Review of Anthropology*. – Annual Reviews Inc., 2000. – P. 447–466.

141. Bollnow, O. F. Das kritische Verstehen / O. F. Bollnow // *Studien zur Hermeneutik, Bd.1. Zur Philosophie der Geisteswissenschaften*. – Freiburg / München : Verlag Karl Alber, 1982. – S. 94–96.

142. Chilton, P. *Analysing political discourse: Theory and practice* / P. Chilton. – London : Routledge, 2004. – 226 p.

143. Chilton, P. *Discourse and politics* / P. Chilton, C. Schäffner // *Discourse as social interaction. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2* / ed. by T. A. van Dijk. – London : Sage Publications Ltd, 2004. – P. 206–230.

144. Chilton, P. *Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse* / P. Chilton, C. Schäffner // *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse* / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co, 2002. – P. 1–41.

145. Chouliaraki, L. *Critical discourse analysis in organizational studies: Towards an integrationist methodology* / L. Chouliaraki, N. Fairclough // *Journal of Management Studies*. – 2010. – 47 : 6 September. – P. 1213–1218.

146. Cillia, R. de *The discursive construction of national identities* / R. de Cillia, M. Reisigl, R. Wodak // *Discourse and Society*. – London : SAGE Publications, 1999. – Vol. 10 (2). – P. 149–173.

147. *Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity* / ed. by G. Weiss, R. Wodak. – New York : Palgrave Macmillan Ltd, 2003. – 321 p.

148. Dijk, T. A. van *Critical discourse analysis* / T. A. van Dijk // *Handbook of discourse analysis* / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – Oxford : Blackwell publishing Ltd, 2003a. – P. 352–371.

149. Dijk, T. A. van *Critical discourse studies: A sociocognitive approach* / T.A. van Dijk // *Methods of critical discourse analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London : SAGE Publications Ltd, 2009. – P. 62–86.

150. Dijk, T. A. van *Discourse and ideology* / T. A. van Dijk // *Discourse studies: A multidisciplinary introduction* / ed. by T. A. van Dijk. – Second edition. – London : Sage Publications Ltd, 2011. – P. 379–407.

151. Dijk, T. A. van *Discourse and manipulation* / T. A. van Dijk // *Discourse and Society*. – London : SAGE Publications, 2006. – Vol. 17 (2). – P. 359–383.

152. Dijk, T. A. van Discourse studies and education / T. A. van Dijk // *Applied Linguistics*, 1981. – 2. – P. 1–26.
153. Dijk, T. A. van Introduction: Levels and dimensions of discourse analysis / T. A. van Dijk // *Handbook of discourse analysis. Vol. 2 : Dimensions of discourse* / ed. by T. A. van Dijk. – London : Academic Press Limited, 1989. – P. 1–11.
154. Dijk, T. A. van Knowledge in parliamentary debates / T. A. van Dijk // *Journal of Language and Politics*. – John Benjamins Publishing Company, 2003б. – 2:1. – P. 93–129.
155. Dijk, T. A. van Political discourse and political cognition / T. A. van Dijk // *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse* / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Co, 2002. – P. 203–237.
156. Dijk, T. A. van Political discourse and racism: Describing others in western parliaments / T. A. van Dijk // *The language and politics of exclusion: others in discourse* / ed. by S.H. Riggins. – London : Sage Publications Ltd, 1997a. – P. 31–64.
157. Dijk, T. A. van Principles of critical discourse analysis / T. A. van Dijk // *Discourse and Society*. – London : SAGE Publications, 1993. – Vol. 4 (2). – P. 249–283.
158. Dijk, T. A. van The study of discourse / T. A. van Dijk // *Discourse as structure and process. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 1.* / ed. by T. A. van Dijk. – London : Sage publications Ltd, 1997б. – P. 1– 34.
159. Discourse, ethnicity, culture and racism / T. A. van Dijk, S. Ting-Toomey, G. Smitherman, D. Troutman // *Discourse as a social interaction. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2* / ed. by T. A. van Dijk. – London : Sage Publications, 2004. – P. 144–180.
160. Edelman, M. Politics as symbolic action: Mass arousal and quiescence / M. Edelman. – New York : Academic Press, Inc., 1971. – 143 p.
161. Fairclough, N. Analysing discourse : Textual analysis for social research / N. Fairclough. – London and New York : Routledge, 2003. – 197 p.
162. Fairclough, N. Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak // *Discourse as a social interaction. Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2* / ed. by T. A. van Dijk. – London : SAGE Publications, 2004. – P. 258–284.

163. Fairclough, N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities / N. Fairclough // *Discourse and Society*. – London : SAGE Publications. – 1993. – Vol. 4 (2). – P. 133–168.

164. Fairclough, N. Critical discourse analysis: The critical study of language / N. Fairclough. – Essex : Longman Group Limited. – 1995. – 265 p.

165. Fairclough, N. Discourse and social change / N. Fairclough. – Cambridge, 1992a. – 259 p.

166. Fairclough, N. Intertextuality in critical discourse analysis / N. Fairclough // *Linguistics and Education*. – 1992б. – № 4. – P. 269–293.

167. Fairclough, N. Language and power / N. Fairclough. – Second edition. – Essex : Pearson Education Limited, 2001. – 226 p.

168. Foucault, M. L'Archeologie du savoir, 1969 / М. Foucault / рус. пер. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия» ; Университетская книга, 2004. – 416 с.

169. Galasin'ska, A. Discursive strategies for coping with sensitive topics of the Other / A. Galasin'ska, D. Galasin'ski // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2003. – 29 : 5. – P. 849–863.

170. Graber, D. A. Political language / D. A. Graber // *Handbook of political communication* / ed. by D. D. Nimmo, K. R. Sanders. – Beverly Hills : Sage Publications, Inc., 1982. – P. 195 – 223.

171. Gudykunst, W. B. Bridging differences: Effective intergroup communication / W. B. Gudykunst. – Third edition. – London : Sage publications Ltd, 1998. – 351 p.

172. Gumperz, J. J. Discourse strategies / J. J. Gumperz. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 225 p.

173. Hall, S. The spectacle of the “Other” / S. Hall // *Discourse theory and practice. A reader* / ed. by M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates. – London : Sage Publications Ltd, 2006. – P. 324–344.

174. Halliday, M. A. K. Dimensions of discourse analysis: Grammar / M.A.K. Halliday // *Handbook of discourse analysis. Vol. 2: Dimensions of discourse* / ed. by T. A. van Dijk. – London : Academic Press Limited, 1989. – P. 29–56.

175. Halliday, M.A.K. Language, context, and talk: aspects of language in a social-semiotic perspective / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 126 p.

176. Hart, C. Analysing political discourse: Towards a cognitive approach / C. Hart // *Critical Discourse Studies*. – 2005. – № 2 (2). – P. 189–194.
177. Hodge, R. *Social semiotics* / R. Hodge, G. Kress. – Ithaca, New York : Cornell University Press, 1995. – 285 p.
178. Holliday, A. *Intercultural communication: An advanced resource book* / A. Holliday, M. Hyde, J. Kullman. – London : Routledge, 2004. – 233 p.
179. Hymes, D. *Ethnography, linguistics, narrative inequality: Towards an understanding of voice* / D. Hymes. – London : Taylor and Francis Ltd, 1996. – 258 p.
180. Jäger, T. *Außenpolitische Kommunikation* / T. Jäger // *Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft: ein Handbuch mit Lexikonteil* / O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg). – Opladen / Wiesbaden : Westdeutscher Verlag GmbH, 2002. – S. 516–524.
181. Jarren, O. “Politische Kommunikation” als Forschungs- und als politisches Handlungsfeld: Einleitende Anmerkungen zum Versuch der systematischen Erschließung / O. Jarren, U. Sarcinelli, // *Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft: ein Handbuch mit Lexikonteil* / O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg). – Opladen / Wiesbaden : Westdeutscher Verlag GmbH, 2002. – S. 13–20.
182. KhosraviNik, M. The representation of refugees, asylum seekers and immigrants in British newspapers: A critical discourse analysis / M. KhosraviNik // *Journal of Language and Politics*. – John Benjamins Publishing Company, 2010. – 9:1. – P. 1–28.
183. Kress, G. *Critical discourse analysis* / G. Kress // *Annual Review of Applied Linguistics*. – 1990. – № 11. – P. 84–99.
184. Kress, G. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication* / G. Kress. – London : Routledge, 2010. – 212 p.
185. Kress, G. *Reading images. The grammar of visual designs* / G. Kress, T. van Leeuwen. – Abingdon and New York : Routledge, 2006. – 291 p.
186. Kress, G. What is mode? / G. Kress // *The Routledge handbook of multimodal analysis* / ed. by C. Jewitt. – Oxon : Routledge, 2009. – P. 54–67.
187. Krzyzanowski, M. *The politics of exclusion: Debating migration in Austria* / M. Krzyzanowski, R. Wodak. – New Brunswick : Transaction Publishers, 2009. – 240 p.

188. Leeuwen, T. van Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis / T. van Leeuwen. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 172 p.

189. Leeuwen, T. van Discourse semiotics / T. van Leeuwen, G. Kress // Discourse studies: A multidisciplinary introduction / ed. by T. A. van Dijk. – Second edition. – London : Sage Publications Ltd, 2011. – P. 107–125.

190. Leeuwen, T. van Introducing social semiotics / T. van Leeuwen. – Oxon : Routledge, 2005. – 301 p.

191. Lemke, J. L. Textual politics: Discourse and social dynamics / J. L. Lemke. – London : Taylor and Francis Ltd, 1995. – 169 p.

192. Maaz, H.-J. Der Gefühlsstau. Ein Psychogramm der DDR / H.-J. Maaz. – Berlin: Argon, 1990. – 243 S.

193. Machin, D. Global media discourse: A critical introduction / D. Machin, T. van Leeuwen. – Oxton : Routledge, 2007. – 188 p.

194. Maletzke, G. Interkulturelle Kommunikation: Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen / G. Maletzke. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1996. – 226 S.

195. Methods of critical discourse analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London: SAGE Publications Ltd, 2001. – 200 p.

196. Methods of critical discourse analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. – Second edition. – London: SAGE Publications Ltd, 2009. – 204 p.

197. Meyer, M. Between theory, method, and politics: Positioning of the approaches to CDA / M. Meyer // Methods of critical discourse analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London : SAGE Publications Ltd, 2001. – P. 14–31.

198. O'Halloran, K. L. Multimodal discourse analysis [Электронный ресурс] / K. L. O'Halloran // Companion to discourse / ed. by K. Hyland, B. Paltridge. – 2011. – Режим доступа: [http://multimodal-analysis-lab.org/_docs/pubs14OHalloran\(in%20press%202011\)Multimodal_Discourse_Analysis.pdf](http://multimodal-analysis-lab.org/_docs/pubs14OHalloran(in%20press%202011)Multimodal_Discourse_Analysis.pdf)

199. O'Halloran, K. L. Multimodal text analysis [Электронный ресурс] / K. L. O'Halloran, B. A. Smith. – 2010. – Режим доступа: http://multimodalanalysislab.org/_docs/encyclopedia/01Multimodal_Text_Analysis-O'Halloran_and_Smith.pdf

200. O'Halloran, K. L. Visual semiosis in film / K. L. O'Halloran // Multimodal discourse analysis: Systemic-functional perspectives / ed. by K. L. O'Halloran. – London, New York : Continuum, 2004. – 252 p.

201. Okulska, U. Exploring “political communication(s)”: Contexts, procedures and outlook / U. Okulska, P. Cap // Perspectives in politics and discourse / ed. by U. Okulska, P. Cap. – Amsterdam : John Benjamins B. V., 2010. – P. 399–405.

202. Psychology today: An introduction / R. R. Bootzin, G. H. Bower, J. Crocker, E. Hall. – Seventh edition. – New York : McGraw-Hill, Inc., 1991. – 728 p.

203. Reisigl, M. Rhetoric of political speeches / M. Reisigl // Handbook of communication in public sphere / ed. by R. Wodak, V. Koller. – Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2008. – P. 243–269.

204. Riggins, S. H. The research of othering / S.H. Riggins // The language and politics of exclusion: Others in discourse / ed. by S. H. Riggins. – London : Sage Publications Ltd, 1997. – P. 1–30.

205. Roth, J. «Us» versus «them»: Towards a better understanding of Russian communicative behavior / J. Roth // Коммуникативные исследования 2003: современная антология / под ред. проф. О. А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 66–80.

206. Schäffner, C. Editorial: Political speeches and discourse analysis / C. Schäffner // Current Issues in Language and Society. – London : Routledge, 1996. – Vol. 3, No 3. – P. 201–204.

207. Sego, L. P. Philistines, barbarians, aliens, *et alii*: Cognitive semantics in political “Otherness” / L. P. Sego, // Language and ideology. Vol. II: Descriptive cognitive approaches / ed. by R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. – Amsterdam : John Benjamins B.V., 2001. – P. 107–116.

208. Sumner, W. Folkways. A study of the sociological importance of usages, Manners, customs, mores, and morals [Электронный ресурс] / W. Sumner. – 2008. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/24253/pg24253.txt>

209. The discursive construction of national identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. – Second edition. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd, 2009. – 276 p.

210. Wilson, J. Political Discourse / J. Wilson // The handbook of discourse analysis / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2003. – P. 398–415.

211. Wodak, R. 1968: The power of political jargon – a “Club-2” discussion / R. Wodak // Language, power, and ideology: Studies in political

discourse / ed. by R. Wodak. – Amsterdam : John Benjamins B. V., 1989. – P. 137–163.

212. Wodak, R. Critical discourse analysis at the end of the 20th century / R. Wodak // Research on language and social interaction. – Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1999. – 32 (1&2). – С. 185–193.

213. Wodak, R. Das Ausland and anti-semitic discourse: The discursive construction of the other / R. Wodak // The language and politics of exclusion : others in discourse / ed. by S. H. Riggins. – London : Sage Publications Ltd, 1997. – P. 65–87.

214. Wodak, R. Fragmented identities: Redefining and recontextualizing national identity / R. Wodak // Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. – Amsterdam : John Benjamins B.V., 2002. – P. 143–169.

215. Wodak, R. Pragmatics and critical discourse analysis: A cross-disciplinary inquiry / R. Wodak // Pragmatics and Cognition, – John Benjamins Publishing Company, 2007. – 15:1. – P. 203–225.

216. Wodak, R. The contribution of critical linguistics to the analysis of discriminatory prejudices and stereotypes in the language of politics / R. Wodak // Handbook of communication in public sphere / ed. by R. Wodak, V. Koller. – Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2008. – P. 291–315.

217. Wodak, R. The discourse of politics in action: Politics in action / R. Wodak. – Second edition. – New York : Palgrave Macmillan, 2011. – 252 p.

218. Wodak, R. The discourse-historical approach / R. Wodak // Methods of critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer. – London : SAGE Publications Ltd, 2001. – P. 63–94.

219. Yule, G. Pragmatics / G. Yule. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 152 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

1. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

2. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус.яз., 1999.

3. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by J. Crowther, K. Kavanagh, M. Ashby. – Fifth edition. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – 1430 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

Публикации в газетах и журналах:

1. Bergmann, M., Charap, S., Juul, P. New start to rein in Iran's ambitions / Max Bergmann, Samuel Charap and Peter Juul // The Guardian. – 09.04.10.

2. Borger, J. British companies and envoys feel Russian backlash / Julian Borger // The Guardian. – 17.07.07.

3. Byrnes, S. Time to rethink realpolitik / Sholto Byrnes // New Statesman. – 12.02.09.

4. Cameron, D. In : G8 summit: UK offers Egypt and Tunisia £110 m. to boost democracy / Patric Wintour // The Guardian. – 26.05.11.

5. Groskop, V. «Everything is in ruins» / Viv Groskop // New Statesman. – 20.11.08

6. Harding, L. Russia announces new arms race / Luke Harding // The Guardian. – 17.03.09.

7. Hasan, M. Does Cameron want war with China and Russia? / Mehdi Hasan // New Statesman. – 16.04.10.

8. Hasan, M. Don't be fooled, Dave is no dove / Mehdi Hasan // New Statesman. – 21.01.10.

9. Hasan, M. I'm proud to be a «deficit denier» / Mehdi Hasan // New Statesman. – 16.04.10).

10. Hasan, M. The French attack on the veil / Mehdi Hasan // New Statesman. – 14.07.10.

11. Labour, The liberal democrat risk [Электронный ресурс] // Labour, 2010. – Режим доступа: <http://www.friendsreunited.com/Discussion/1210265>

12. Macintyre, J. «Cameron's a lightweight» / James Macintyre // New Statesman. – 04.12.08.

13. More questions over the coalition // The Guardian. – 19.05.10.
14. Pilger, J. The politics of bollocks / John Pilger // New Statesman. – 05.02.09.
15. Porteous, T. Putin's war on civil society / Tom Porteous // New Statesman. – 21.02.08.
16. Sandbrook, D. Cameron is worse than we imagined. Much worse / Dominic Sandbrook // New Statesman. – 04.02.10.
17. Sturcke, J., Batty, D. Putin calls for «common sense» in diplomatic spat / James Sturcke, David Batty // The Guardian. – 19.07.07.
18. Tisdall, S. Kyrgyzstan: A Russian revolution? / Simon Tisdall // The Guardian. – 08.04.10).
19. Tisdall, S. Russia may regret Kyrgyzstan coup / Simon Tisdall // The Guardian. – 21.04.10.
20. UK coalition government: How the world reacted // The Guardian. – 12.05.10.
21. Whewell, T. South Ossetia: The plaything of Russia – or Georgia? / Tim Whewell // New Statesman. – 20.11.08.

Стенограммы парламентских заседаний и предвыборных дебатов:

1. Brown, G. Hansard. Vol. 501 [Электронный ресурс]. – 30.11.09. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmhansrd/cm091130/debindx/91130-x.htm>
2. Brown, G. Second prime ministerial debate [Электронный ресурс]. – 23.04.10. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_seconddebate.pdf
3. Browne, J. Hansard. Vol. 518 [Электронный ресурс]. – 09.11.10. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm101109/debindx/101109-x.htm>
4. Burt, A. // Hansard. Vol. 543 [Электронный ресурс]. – 17.04.12. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201212/cmhansrd/cm120417/debindx/120417-x.htm>
5. Cameron, D. First prime ministerial debate [Электронный ресурс]. – 16.04.10. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/16_04_10_firstdebate.pdf
6. Cameron, D. Second prime ministerial debate [Электронный ресурс]. – 23.04.10. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_seconddebate.pdf

7. Clappison, J. Hansard. Vol. 543 [Электронный ресурс]. – 17.04.12. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201212/cmhansrd/cm120417/debindx/120417-x.htm>
8. Clegg, N. Second prime ministerial debate [Электронный ресурс]. – 23.04.10. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/23_04_10_seconddebate.pdf
9. Hague, W. Hansard. Vol. 543 [Электронный ресурс]. – 17.04.12. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201212/cmhansrd/cm120417/debindx/120417-x.htm>
10. Hague, W. Hansard. Vol. 463 [Электронный ресурс]. – 16.07.07. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmhansrd/cm070716/debindx/70716-x.htm>
11. Howells, K. Hansard. Vol. 459 [Электронный ресурс]. – 01.05.07. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmhansrd/cm070501/debindx/70501-x.htm>
12. Miliband, D. // Hansard. Vol. 463 [Электронный ресурс]. – 16.07.07. – Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmhansrd/cm070716/debindx/70716-x.htm>

Публичные выступления политических деятелей:

1. Alexander, D. Danny Alexander gives speech to Spring Conference [Электронный ресурс] / D. Alexander // Public speech. – 13.03.10. – Режим доступа: http://www.libdems.org.uk/speeches_detail.aspx?title=Danny_Alexander_gives_speech_to_Spring_Conference&pPK=fd065790-acc6-43dd-a1a5-1aacb60ee029
2. Brown, G. Brown's conference speech [Электронный ресурс] / G. Brown // Public speech. – 29.09.09. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=181>
3. Brown, G. Gordon Brown's speech on new politics at Centre Point [Электронный ресурс] / G. Brown // Public speech. – 07.04.10. – Режим доступа: <http://www2.labour.org.uk/gordon-browns-speech-on-new-politics-at-centre-point,2010-04-07>
4. Cameron, D. Fixing broken politics [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 26.05.09. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2009/05/David_Cameron_Fixing_Broken_Politics.aspx

5. Cameron, D. Join us help bring the change Britain needs [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 15.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/David_Cameron_Join_us_help_bring_the_change_Britain_needs.aspx

6. Cameron, D. Our whole country is crying out for change [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 25.01.10). – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/01/David_Cameron_Our_whole_country_is_crying_out_for_change.aspx

7. Cameron, D. Rebuilding trust in politics [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 08.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/David_Cameron_Rebuilding_trust_in_politics.aspx

8. Cameron, D. Speech to Scottish Party Conference [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 15.05.09. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2009/05/David_Cameron_Speech_to_Scottish_Party_Conference.aspx

9. Cameron, D. Speech to the LGA Conference [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 02.07.09. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2009/07/David_Cameron_Speech_to_the_LGA_Conference.aspx

10. Cameron, D. The real choice in British politics [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 12.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/David_Cameron_The_real_choice_in_politics.aspx

11. Cameron, D. Value for money in your town hall [Электронный ресурс] / D. Cameron // Public speech. – 05.03.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/03/David_Cameron_Value_for_money_in_your_town_hall.aspx

12. Chichester, G. Brown has turned into the Grand Old Duke of York of British Politics [Электронный ресурс] / G. Chichester // Public speech. – 01.03.08. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2008/03/Chichester_Brown_has_turned_into_the_Grand_Old_Duke_of_York_of_British_Politics.aspx

13. Clarke, K. Labour's economic incompetence [Электронный ресурс] / K. Clarke // Public speech. – 02.03.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/03/Ken_Clarke_Labours_economic_incompetence.aspx

14. Clegg, N. The Liberal Democrat Leader speech in response to the 2010 Budget [Электронный ресурс] / N. Clegg // Public speech. – 24.03.10. – Режим доступа: http://www.libdems.org.uk/speeches_detail.aspx?title=Budget_2010%3A_Nick_Clegg's_speech_in_full&pPK=824f7747-aa33-4fd3-81dd-180f6d52fa45

15. Darling, A. Would you bet your future on the judgement of George Osborne? [Электронный ресурс] / A. Darling // Public speech. – Апрель, 2010. – Режим доступа: <http://www.labour.org.uk/alistair-darling>

16. Fox, L. Labour's treatment of the Territorial Army is unforgivable [Электронный ресурс] / L. Fox // Public speech. – 15.10.09. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2009/10/Liam_Fox_Labours_treatment_of_the_Territorial_Army_is_unforgivable.aspx

17. Fox, L. The armed forces cannot take another five years of Labour [Электронный ресурс] / L. Fox // Public speech. – 01.03.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/03/Liam_Fox_The_Armed_Forces_cannot_take_another_five_years_of_Labour.aspx

18. Hague, W. Hague and Clinton hail the «unbreakable alliance» [Электронный ресурс] / W. Hague // Inthenews.co.uk. – 14.05.10. – Режим доступа: <http://www.inthenews.co.uk/printerfriendly.aspx?itemid=21377471>

19. Hague, W. The change this country needs [Электронный ресурс] / W. Hague // Public speech. – 27.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/William_Hague_The_change_this_country_needs.aspx

20. Huhne, C. Tory immigration policy worst of both worlds [Электронный ресурс] / C. Huhne // Public speech. – 16.03.10. – Режим доступа: http://www.libdems.org.uk/news_detail.aspx?title=Tory_immigration_policy_worst_of_both_worlds_says_Huhne&pPK=67dd0361-a856-46da-8d5d-b90b2b2a49f0

21. Kirkhope, T. The Transatlantic Alliance is more relevant than ever [Электронный ресурс] / T. Kirkhope // Public speech. – 17.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/Timothy_Kirkhope_-_The_Transatlantic_Alliance_is_more_relevant_than_ever.aspx

22. Mandelson, P. Peter Mandelson issues «State of the Race» memo to supporters [Электронный ресурс] / P. Mandelson // Public speech. – 04.04.10. – Режим доступа: <http://www2.labour.org.uk/peter-mandelson-issues-state-of-the-race-memo-to-supporters,2010-04-04>

23. Mandelson, P. Seizing this progressive moment [Электронный ресурс] / P. Mandelson // Public speech. – 07.04.10. – Режим доступа: <http://www2.labour.org.uk/seizing-this-progressive-moment-peter-mandelson-speech,2010-04-07>

24. Miliband, D. David Miliband calls Tories «schoolboys» [Электронный ресурс] / D. Miliband // Labour party conference. – 01.10.09. – Режим доступа: <http://video.uk.msn.com/watch/video/david-miliband-calls-tories-schoolboys/2g38zn8d>

25. Pickles, E. Making a real change for the communities we represent [Электронный ресурс] / E. Pickles // Public speech. – 29.02.08. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2008/02/Eric_Pickles_Making_a_real_change_for_the_communities_we_represent.aspx

26. Pickles, E. Mr. Brown, your time is up [Электронный ресурс] / E. Pickles // Public speech. – 28.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/Eric_Pickles_Mr_Brown_your_time_is_up.aspx

27. Pickles, E. Trust the people and they will trust you [Электронный ресурс] / E. Pickles // Public speech. – 30.09.07. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2007/09/Eric_Pickles_Trust_the_people_and_they_will_trust_you.aspx

28. Pickles, E. Trust us with your vote [Электронный ресурс] / E. Pickles // Public speech. – 05.10.09. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2009/10/Eric_Pickles_Trust_us_with_your_vote.aspx

29. Spelman, C. At the fork of the road localism is the path [Электронный ресурс] / C. Spelman // Public speech. – 28.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/Caroline_Spelman_At_the_fork_in_the_road_localism_is_the_path.aspx

30. Young, G. New politics [Электронный ресурс] / G. Young // Public speech. – 28.02.10. – Режим доступа: http://www.conservatives.com/News/Speeches/2010/02/Sir_George_Young_New_Politics.aspx

Мультимодальные тексты:

1. Рис. 4: A united Europe is the most effective way to deal with Russia // New Statesman. – 14.08.08.

2. Рис. 5: Steve Bell on David Cameron's privilege pledge – cartoon / S. Bell // The Guardian. – 11.10.12.

3. Рис. 6: Doré, G. «Refuge – Applying for Admittance» [Электронный ресурс] / G. Doré. – Режим доступа: <http://dl.tufts.edu/catalog/tufts:MS004.002.045.DO01.00176>
4. Рис. 7: Andreou, A. Why David Cameron is the ultimate «seagull» manager / A. Andreou // *New Statesman*. – 25.07.12.
5. Рис. 8: Steve Bell on Michael Gove's school renovation programme – cartoon / S. Bell // *The Guardian*. – 24.05.12.
6. Рис. 9: Kuhn, L. Contains war and privatisation / L. Kuhn // *Morning Star*. – 30.04.12.
7. Рис. 10: Bright S. Great British speechwriters / S. Bright (Brighty) // *The Sun*. – 28.01.13.
8. Рис. 11: Brown, D. Cartoon – Do you thin it's a Recovery? / D. Brown // *The Independent*. – 26.04.13.
9. Рис. 12: Europe's most dangerous leader // *New Statesman*. – 26.06.12.
10. Рис. 13: Kuhn, L. The hand over / L. Kuhn // *Morning Star*. – 30.09.12.
11. Рис. 14: Kuhn, L. On / Off [Электронный ресурс] / L. Kuhn. – Режим доступа: http://www.leonkuhn.org.uk/pclarge/bush_obama.htm
12. Рис. 15: Bell, S. Barak Obama's war: the final push in Afghanistan / S. Bell // *The Guardian*. – 02.12.09.
13. Рис. 16: Kuhn, L. Hands off! / L. Kuhn // *Morning Star*. – 23.08.12.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ В МОНОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Стратегии	Дискурсивно-семиотические техники	Средства реализации
Стратегия идентификации чужеродности	1. Техника негативного позиционирования оппонентов	Личные и притяжательные местоимения (<i>they, them, those</i>). Номинации, вызывающие отрицательные ассоциации. Персонификации с политическими организациями и названиями партий, представленными через негативный контекст (<i>Gordon Brown Government</i>). Метафоры (<i>sofa government, seagull manager</i>). Визуальные метафорические образы, ориентированные на негативные профессиональные качества оппонентов
	2. Техника изолирования	Противопоставление на основе лексических единиц <i>choice</i> и <i>difference</i> с союзами <i>or, and</i> . Перенос личных качеств политиков на характеристики партий, представителями которых они являются (<i>the plastic PR and wobbliness of David Cameron</i>). Частица <i>not</i> и наречие <i>instead</i> в сочетании с номинацией в адрес оппозиции (<i>Conservatives, not Labour</i>). Сравнительная и превосходная степени прилагательных и наречий. Прилагательное <i>the only</i>
Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»	1. Пресуппозиция негативного постоянства	Лексические единицы с семантикой повторяемости, остановки в развитии, бездействия (<i>still, continual, same, time and again, always, continue</i>) в негативном контексте. Использование в одном контексте определенного глагола в грамматических формах настоящего и будущего времен (<i>Labour are top-down. Always have been. Always will be</i>). Сравнительные конструкции (<i>as...as ever</i>). Present Perfect Tense

Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»	2. Пресуппозиция негативных последствий	<p>Лексические единицы с семантикой неизбежности, безошибочности (<i>inevitably, make no mistake</i>).</p> <p>Лексические единицы с семантикой «возможного» будущего (<i>imagine, think of</i>).</p> <p>Present Continuous Tense.</p> <p>Future Simple Tense.</p> <p>Сослагательное наклонение.</p> <p>Визуализация изображений, репрезентирующих состояние «сейчас» и предполагаемое состояние в будущем, чаще негативное</p>
	3. Техника акцентирования внимания на негативной схожести	<p>Конструкции <i>no better, alongside, like any other, all</i>.</p> <p>«Приравнение» одной оппозиционной партии к другой в негативном ключе.</p> <p>«Приравнение» политиков к представителям других институтов в негативном контексте.</p> <p>Визуализация людей, которые категоризируются «чужими», в отрицательно оцениваемой ситуации либо с другими людьми, которые имеют негативную репутацию</p>
	4. Техника выражения недоверия	<p>Лексические единицы и лексико-грамматические конструкции с семантикой недоверия (<i>doubt, we can't believe</i>).</p> <p>Лексемы с семантикой подозрительности (<i>suspicious, risk</i>).</p> <p>Модальные глаголы <i>should, shouldn't, can, can't</i> в конструкциях <i>How can they...? Why should we...?</i></p> <p>Метафоры (<i>behind closed doors</i>).</p> <p>Однородные члены предложения (<i>to bet your job, your house, your families' future</i>).</p> <p>Анафоры, эпифоры.</p> <p>Риторические вопросы.</p> <p>Детализация.</p> <p>Упрощение аргументов.</p> <p>Упоминание оппонентов в негативном контексте</p>
Стратегия трансформации	1. Пресуппозиция негативного настоящего с последующим предложением выхода из сложившейся ситуации	<p>Негативно коннотированные эпитеты при описании текущего положения дел (<i>a monster deficit, massive social problems</i>).</p> <p>Лексические единицы со значением урегулирования проблем, помощи, выхода (<i>rescue, way out, the only way</i>).</p> <p>Условные предложения («нулевой тип»).</p> <p>Present Continuous Tense.</p> <p>Однородные члены предложения для усиления воздействующего эффекта.</p> <p>Повторы</p>

Стратегия трансформации	2. Пресуппозиция грядущих перемен	<p>Лексические единицы с семантикой перемен (<i>change, make a difference, different</i>).</p> <p>Лексико-грамматическая конструкция <i>can't go on like this</i>.</p> <p>Лексические единицы со значением необходимости перемен (<i>we need change</i>).</p> <p>Метафоры (<i>wind of change</i>).</p> <p>Present Continuous Tense.</p> <p>Конструкции, репрезентирующие отнесенность к будущему <i>to be about, to be ready</i></p>
	3. Пресуппозиция разницы между «теперь» и «тогда»	<p>Положительно коннотированные лексические единицы для презентации прошлого (<i>our great country was the 4th largest economy in the world</i>).</p> <p>Отрицательно коннотированные лексические единицы для характеристики настоящего (<i>Now it is falling behind</i>).</p> <p>Лексические единицы <i>now, today</i>.</p> <p>Статистика.</p> <p>Экземплификация.</p> <p>Present Simple Tense.</p> <p>Визуализация посредством изображений, эксплицитно или имплицитно реализующих идею позитивного прошлого и негативного настоящего</p>
Деструктивная стратегия	1. Техника умаления авторитета	<p>Негативно коннотированные лексические единицы (<i>lack, fail, unable</i>).</p> <p>Конструкции <i>let's make it clear, I want to be clear, let's be fair</i>.</p> <p>Рефрейминг содержания.</p> <p>Противопоставление «слов и дела».</p> <p>Описание действий оппонента в негативном контексте.</p> <p>Экземплификация негативных характеристик, маркированная, например, лексическими единицами <i>illustrate, show, describe, demonstrate</i>.</p> <p>Упрощение, маркированное выражениями <i>the simple truth, simply</i>.</p> <p>Фиктивные сценарии.</p> <p>Визуализация посредством изображения субъектов в сложной, запутанной ситуации, не знающих, как из нее выйти</p>
	2. Техника обвинения	<p>Негативно коннотированные лексемы с элементом оскорбления (конструкции с <i>you</i>).</p> <p>Лексические единицы со значением нечестности, неискренности, отсутствия прямолинейности (<i>lie, deceive</i>).</p> <p>Метафоры театральности и эпитеты со значением вымысленности, подделки (<i>depressing spectacle, a phoney war</i>).</p> <p>Синтаксические параллельные конструкции.</p> <p>Анафоры.</p> <p>(Фиктивное) прямое обращение к оппоненту</p>

Приложение 2
ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЧУЖЕРОДНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ
БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Стратегии	Дискурсивно-семиотические техники	Средства реализации
Стратегия идентификации чужеродности	1. Техника оценочного позиционирования других государств	<p>Личные и пространственные номинации (<i>Russia, Russians, China, Chinese, the USA, Obama, Georgia</i>).</p> <p>Дейктические средства (<i>there, in Beijing, in Ukraine, they, them, their</i>).</p> <p>Лексемы, семантически эксплицирующие позицию по отношению к «нам» (<i>rival, opponent, ally, friend</i>).</p> <p>Эмоционально окрашенные единицы – ярлыки (<i>spoiler</i>).</p> <p>Превосходная степень прилагательных и наречий (<i>the US is the most important ally of the UK</i>).</p> <p>Визуализация реализуется через образы ключевых политических фигур, изображение человека или группы людей, однозначно идентифицирующихся с определенным народом посредством специфической атрибутики (например, флаги), манифестируя политическую линию «чужих» в негативном свете</p>
	2. Техника патерналистского отношения	<p>Лексические конструкции со значением заботы, попечительства, помощи, партнерства, обеспечения безопасности, мира, стабильности (<i>support, help, safety, train, partner, contact</i>).</p> <p>Прямое обращение для усиления воздействующего эффекта (<i>We'll help you</i>).</p> <p>Контраст между сложившейся негативной ситуацией и ролью Великобритании в качестве путевода, убежища или миротворца (<i>Britain has emerged as a haven for wealthy Russian dissidents</i>).</p> <p>Визуально интенция покровительства манифестируется через знаки оказания помощи</p>
Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»	1. Пресуппозиция повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих»	<p>Лексические единицы с элементом повторяемости, неединичности, последовательности, представленные в негативном контексте (<i>the latest in a line, earlier, pursue, previous, first... last</i>).</p> <p>Сравнение данных за некоторый период с целью демонстрации прогрессии (маркированное, например, выражением <i>over the same period last year</i>).</p> <p>Ссылка (возможно, намек) на предыдущие случаи, коннотированные негативно (<i>The last time Britain and Russia conducted tit-for-tat expulsions, in 1996</i>).</p> <p>Перечисления</p>

Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»	2. Пресуппозиция очевидности представляемых аргументов	<p>Вводные структуры с семантикой ясности (<i>it's beyond argument, without doubt, what seems increasingly clear</i>).</p> <p>Present Simple Tense.</p> <p>Past Simple Tense.</p> <p>Объяснение своей позиции в мировом политическом пространстве.</p> <p>Поэтапное описание плана действий в отношении оппонента, маркированное прилагательными, наречиями, порядковыми числительными (<i>first, secondly, thirdly</i>).</p> <p>Обоснованные и необоснованные утверждения</p>
	3. Пресуппозиция отсутствия изменений в позиции «чужих»	<p>Лексические единицы со значением нежелания меняться или менять существующее положение дел (<i>choose not to stop, prefer not to change, neither, miss, fail</i>).</p> <p>Констатация неизменности.</p> <p>Подчеркивание отсутствия положительного результата.</p> <p>Негативные конструкции, например <i>neither... nor</i>.</p> <p>Present Perfect Tense.</p> <p>Past Simple Tense.</p> <p>Визуально пресуппозиция отсутствия изменений в позиции «чужих» реализуется изображением, состоящим из двух частей, расположенных рядом: изображения эксплицируют деятельность (движение рук, тела) и в то же время неизменность основных компонентов</p>
	4. Техника экспликации подозрительности	<p>Лексемы с семантикой недоверия, опасности, осторожности, тайны (<i>back room deal</i>).</p> <p>Модальные глаголы для смягчения негативной части высказывания (<i>shouldn't</i>).</p> <p>Конструкции <i>yes, but</i>, маркированные союзами <i>but, nevertheless, however</i>, выражением <i>at the same time</i>.</p> <p>Пассивные конструкции.</p> <p>Метафоры с семантикой осторожности на фоне общего негативного контекста (<i>keep a close eye on, we must never lose sight</i>).</p> <p>Противопоставление намерений</p>
Стратегия трансформации	1. Техника прогнозирования ситуации	<p>Future Simple Tense для прогнозирования на будущее (на основе предположения).</p> <p>Конструкции с интенцией будущего времени (<i>intend</i>).</p> <p>Лексические единицы с элементом предсказуемости поведения «чужих» (<i>clearly</i>).</p> <p>Визуально техника прогнозирования ситуации представлена изображением действующего лица в ситуации, оцениваемой негативно с точки зрения гипотетического будущего</p>

Стратегия трансформации	2. Техника прескриптивного совета или рекомендации	<p>«Непрямой» совет, актуализированный посредством использования сослагательного наклонения (<i>It would certainly help if...</i>).</p> <p>Экспликация или импликация недовольства существующей ситуацией.</p> <p>Повелительное наклонение (<i>Join the international community now</i>)</p>
	3. Техника толерирования	<p>Положительно коннотированная лексика с семантикой консолидации (<i>relationships, to build, to partner, to cooperate, mutual</i>).</p> <p>Сравнительная степень прилагательных для демонстрации улучшающихся отношений (<i>better than previous</i>).</p> <p>Построение аргументации по типу «их действия не очень правильные, но...».</p> <p>Обоснованные аргументы, демонстрирующие пользу от взаимного сотрудничества</p>
Деструктивная стратегия	Техника критического представления позиции других государств	<p>Негативно коннотированная лексика (<i>foolish</i>).</p> <p>Эпитеты с негативной коннотацией (<i>alarmist and vitriolic rhetoric</i>).</p> <p>Литоты (<i>minuscule</i>).</p> <p>Гиперболы.</p> <p>Упрощение с использованием метафоры (<i>to define «chocolate» in a chocolate directive</i>).</p> <p>Категоричность аргументации.</p> <p>Риторические вопросы.</p> <p>Исключающие структуры (<i>not a single member, it was... that...</i>).</p> <p>Негативная экземплификация, акцентирующая внимание на деталях.</p> <p>Интерпретация поведения «чужих» в негативном ключе.</p> <p>Визуализация критического представления позиции других государств на контрасте позитивного и негативного образов; нередко косвенно указывается объект критики</p>

Приложение 3
ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ДИСКУРСИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ
ТЕХНИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЧУЖЕРОДНОСТИ
В МОНОКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ
СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Дискурсивно-семиотические техники	Стратегия идентификации чужеродности		Дискурсивно-семиотические техники
	<u>Монокультурная перспектива</u> Техника негативного позиционирования оппонентов Техника изолирования	<u>Межкультурная перспектива</u> Техника оценочного позиционирования других государств Техника патерналистского отношения	
	Стратегия обоснования и удержания статуса «чужого»		
	<u>Монокультурная перспектива</u> Пресуппозиция негативного постоянства Пресуппозиция негативных последствий Техника акцентирования внимания на негативной схожести Техника выражения недоверия	<u>Межкультурная перспектива</u> Пресуппозиция повторяемости негативных ситуаций с участием «чужих» Пресуппозиция очевидности представляемых аргументов Пресуппозиция отсутствия изменений в позиции «чужих» Техника экспликации подозрительности	
	Стратегия трансформации		
	<u>Монокультурная перспектива</u> Пресуппозиция негативного настоящего с последующим предложением выхода из сложившейся ситуации Пресуппозиция грядущих перемен Пресуппозиция разницы между «теперь» и «тогда»	<u>Межкультурная перспектива</u> Техника прогнозирования ситуации Техника прескриптивного совета или рекомендации Техника толерирования	
	Деструктивная стратегия		
	<u>Монокультурная перспектива</u> Техника умаления авторитета Техника обвинения	<u>Межкультурная перспектива</u> Техника критического представления позиции других государств	

Научное издание

Детинко Юлия Ивановна
Куликова Людмила Викторовна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ОПЫТ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО
И КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА**

Монография

Редактор *Ю. И. Молокова*
Компьютерная верстка *Д. Р. Мазай*

Подписано в печать 09.01.2016. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1
Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел. (391) 206-26-67; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru